

Средневековый город

Средневековый город

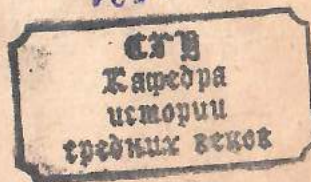
Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК СЕДЬМОЙ

Экономическое развитие и социальная борьба в городах
Англи, Франции, Италии, Германии XII—XVII веков

С. Сели

0810

*А. Бон
Иль
Дом
Сар
Иль
Кан*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

1983

С23 Средневековый город. Межвуз. науч. сб., вып. 7. Экономическое развитие и социальная борьба в городах Англии, Франции, Италии, Германии XII—XVII веков. Изд-во Саратов. ун-та, с. 1—160.

Сборник содержит статьи по экономической, социальной, политической и культурной жизни городов Англии, Франции, Италии, Германии в средние века. Ряд статей посвящен различным этапам классовой борьбы средневекового бюргерства, а также ее отражению в историографии. Большое место занимает история позднего города (XV—XVII вв.): развитие международной торговли, вопросы зарождения раннекапиталистических отношений и начала колониальной экспансии. Рассматриваются явления предренессансной и ренессансной культуры. В разделе «Тексты» публикуются документы по истории коммунального движения и городского права в средневековой Германии (Кельн, Хагенау).

Для историков — научных работников, аспирантов, студентов, преподавателей школ, учащихся старших классов.

На обложке — рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто во Флоренции

Редакционная коллегия:

доц. *Н. И. Девятайкина* (отв. секретарь), доц. *В. А. Ермолаев*, проф. *А. А. Кириллова*, проф. *Г. Л. Курбатова*, доц. *Е. А. Москаленко*, доц. *Т. М. Негуляева*, и. о. проф. *А. И. Озолин*, проф. *С. М. Стам* (отв. редактор), проф. *В. В. Штокмар*, доц. *М. М. Яброва*, проф. *В. А. Якубский*.

С 163—30
176(02)—83 36—82.0504020000

© Издательство Саратовского университета, 1983 г.

СТАТЬИ

С. М. Стам

О ЛЕНИНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРОСТОГО ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ЕГО РОЛИ В ПОДГОТОВЛЕНИИ КАПИТАЛИЗМА

Проблема перехода от одной общественно-экономической формации к другой — одна из сложнейших в исторической науке. Это относится, в частности, и к проблеме перехода от феодализма к капитализму. В последние годы это неоднократно отмечали историки Нового времени: именно стык между Средневековьем и Новым временем все еще остается одним из наименее изученных вопросов, требующих дальнейшего осмысления.

Капитализм вырос из феодализма. Феодальная формация от предшествующих ей общественных систем отличается в частности тем, что только она оказалась способной создать необходимые предпосылки для перехода к наиболее развитому из классово-антагонистических обществ — к капитализму. Но каким образом? Как неоднократно подчеркивали и Маркс и Ленин, феодализм базировался на натуральном хозяйстве. Как же могла натурально-хозяйственная система сама собою превратиться в систему, воплотившую в себе абсолютную форму товарного производства? Однако в первой, своей простой форме товарное производство возникает уже в феодальную эпоху. Очевидно, механизм подготовки капитализма феодализмом может быть правильно понят только на основе уяснения закономерностей возникновения и развития в недрах феодального общества простого товарного производства и его роли в разложении феодальных и вызревании капиталистических отношений.

«Экономическая структура капиталистического общества, — писал К. Маркс, — выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило

элементы первого»¹. Что же в первую очередь высвобождалось в процессе разложения феодализма? Очевидно именно товарное производство, которое возникло и развилось в недрах феодализма, стало мощным фактором его разложения и затем реальной базой становления капиталистических отношений. Недаром анализ экономической структуры капитализма К. Маркс начинает с анализа товара, товарного обращения и товарного производства и путей его перерождения в производство капиталистическое. Большое внимание этим вопросам уделял и Ф. Энгельс.

В дальнейшей разработке проблемы простого товарного производства и его роли в подготовке капитализма исключительно много сделано В. И. Лениным. Он опирался при этом на обширнейший и свежий российский материал, рассматривая его в свете раскрытых Марксом общих закономерностей генезиса капитализма и в связи с общеевропейским историческим опытом. Поэтому колеблемо обоснованные ленинские наблюдения и выводы не только чужды какой бы то ни было национальной ограниченности или исключительности, но, напротив, они настолько существенно обогатили научное представление о процессе возникновения капитализма, что без них теперь вообще невозможно глубокое осмысление как этого исторического процесса в целом, так и роли в нем простого товарного производства. Между тем в нашей исторической литературе, насколько нам известно, не было попытки специального и целостного рассмотрения ленинской концепции простого товарного производства и его исторической роли.

Для овладения всем богатством ленинского теоретического наследия по поставленному вопросу, для уяснения самого хода ленинской мысли необходимо прежде всего обратить внимание на ее методологию, проникнутую строгим историзмом и глубочайшей диалектичностью. Ленин отвергал упрощенное представление о капитализме только на основе его вполне зрелых форм. «Для абстрактной теории капитализма,— писал он,— существует лишь развитой и вполне сложившийся капитализм, а вопрос об его происхождении устраняется»². Напротив, особенно важным он считал проследить самый процесс зарождения и становления капитализма. Поэтому Ленин критиковал вульгарную социологию народников, «привыкших мыслить, как и подобает истым метафизикам, голыми непосредственными противоречиями: «да, да — нет, нет, а что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 727.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 620.

сверх того, то от лукавого»³. Так, народники считали: если налицо безземельные рабочие,— это капитализм; если же они еще в какой-то степени владеют землей,— нет капитализма. Ленин же показал, что это — лишь разные ступени становления класса наемных рабочих⁴. Народники не могли понять генезиса капитализма, потому что игнорировали стадиальность его становления и развития⁵. Ленин же писал: «...совершенно нелепо, разумеется, игнорировать *степень развития капитала*»⁶.

В анализе капитализма В. И. Ленин всегда исходил из факта стадиальности его развития. Только при таком подходе могла быть правильно понята не только история, но и предистория капитализма. Это побуждало Ленина к внимательному изучению непосредственного предшественника капитализма — простого товарного производства. Он не устал многократно подчеркивать, что это — две формы, две стадии развития товарного хозяйства⁷. «...Капитализм есть лишь развитое до конца товарное хозяйство...»⁸.

Для историка феодализма проблема простого товарного производства имеет чрезвычайно большое значение. Прежде всего потому, что самостоятельное мелкое товарное производство в промышленности (ремесло) было реальной экономической основой всего городского развития в средние века. Необходимо правильно понять и экономическую структуру данной хозяйственной формы, и ее историческое место в развитии общества. И тут ленинский анализ и ленинский историзм имеют ценность первостепенную.

В. И. Ленин не связывал появление товарного производства только с феодализмом: «Продукт принимает форму товара в самых различных общественных производственных организациях...»⁹. Но до капитализма наибольшего развития этот уклад достигает в феодальном обществе. Поэтому, естественно, Ленин рассматривает его на историко-экономическом материале дореформенной России и особенно — в пореформенный период перехода от феодальных порядков к капиталистическим. При этом его интересует не только прошлое, но в первую очередь будущее данного явления.

³ Там же, т. 1, с. 214.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: там же и с. 459—460.

⁶ Там же, с. 490.

⁷ См.: там же, с. 512; т. 2, с. 193, 214—215, 344—345.

⁸ Там же, т. 2, с. 329; см. также т. 3, с. 26.

⁹ Там же, т. 1, с. 458.

Анализируя экономическую природу средневекового городского ремесла, К. Маркс и Ф. Энгельс выявили ее коренное отличие от экономической структуры хозяйства феодально-зависимого крестьянина. Они подчеркивали экономическую независимость городского мелкотоварного производства от земельной собственности, видели в нем форму свободного труда на себя самого, поскольку производитель-ремесленник был одновременно и собственником своих орудий труда, сырья и готового продукта, а его труд не являлся «придатком к земельной собственности» и не был подчинен ей¹⁰. Продолжая тот же ход мысли, В. И. Ленин неоднократно подчеркивает, что нормальный мелкий товаропроизводитель — это производитель самостоятельный: он ведет «самостоятельное хозяйство на себя», ибо ему самому принадлежат средства производства, составляющие его «находящееся в частной собственности имущество»¹¹. Именно такое, «мелкое товарное самостоятельное производство» становилось ступенькой к капитализму¹².

Напротив, феодально зависимый крестьянин, держатель господского надела, — это только «якобы «самостоятельный» земледелец»¹³. Его хозяйство объективно является частью поместья¹⁴ и потому его тенденция к рыночным связям, к хозяйственной самостоятельности не может получить адекватного осуществления. Товарное производство вовсе не находилось в соответствии с феодальной системой. Только в результате разрушения крепостных отношений «...самое крестьянское хозяйство стало существенно изменять свой характер: оно вынуждено было работать на рынок...»¹⁵, только после реформы крестьяне превратились «в крестьян-собственников»¹⁶ и начали быстро становиться самостоятельными мелкими товаропроизводителями¹⁷.

Ленин оперирует здесь русским материалом. В странах За-

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 50; т. 21, с. 78; т. 23, с. 351, 369, 393, 518, 638, 757, 771—772, 774; т. 24, с. 148—151; т. 46, ч. 1, с. 489.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 93—94; т. 2, с. 346.

¹² Там же, т. 35, с. 195; см. также т. 2, с. 193.

¹³ Там же, т. 3, с. 206—207; т. 1, с. 516.

¹⁴ См.: там же, т. 1, с. 191, 516; т. 3, с. 184.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 452.

¹⁶ См.: там же, с. 454.

¹⁷ При этом Ленин неоднократно отмечал, что по самой своей природе земледелие (как производство средств питания), в отличие от промышленности (ремесла), втягивается в рыночный оборот лишь постепенно, долгое время это — только частично товарное, полунатуральное земледелие, затем — более товарное, чем натуральное (см.: там же, т. 3, с. 308—309; т. 7, с. 112; т. 24, с. 278; т. 27, с. 187, 198, 218).

падной Европы, где не было санкционированного государством крепостного права и где возобладала денежная рента, крестьяне с возникновением городов начали втягиваться в рыночные отношения, еще оставаясь на положении феодально-зависимых держателей, а собственниками своих парцелл они стали только после буржуазной революции. Но это не отменяет, а лишь подтверждает глубокую верность и общую теоретическую значимость для всех разновидностей феодализма ленинских выводов: товарная эволюция крестьянского хозяйства, его втягивание в зависимость от рынка стояли в противоречии с натурально-хозяйственной природой надела и феодальной системы эксплуатации. Ленин с полным основанием ставит в один ряд с кустарем-ремесленником не натурально-хозяйственного крестьянина крепостной эпохи, то есть феодально-зависимого держателя тяглого надела, а именно пореформенного крестьянина-собственника, товаропроизводителя¹⁸. Самостоятельное простое товарное производство раньше всего, особенно четко и наиболее полно реализовалось там, где имел место «самостоятельный промысловый труд»¹⁹, то есть в хозяйстве ремесленников, или мелких промышленников, как называл их Ленин²⁰.

Таким образом, экономическая самостоятельность, то есть принадлежность средств производства самому работнику, была одной из важнейших определяющих черт простого товарного производства. Но диалектика жизнедеятельности этой хозяйственной формы такова, что самое ее развитие ведет к обостренной борьбе «за хозяйственную самостоятельность»²¹, ставит под вопрос самостоятельность отдельных товаропроизводителей. В результате конкуренции, неустранимо присущей товарному хозяйству, «...разорившиеся производители теряют хозяйственную самостоятельность и поступают наемными рабочими в расширенное заведение своего счастливого соперника»²². Простое товарное производство «...трудами рук своих» превращается в капиталистическое товарное производство, работа на себя превращается в наемный труд на эксплуататора-капиталиста²³. Вот почему Ленин рассматривал самостоятельное мелкое товарное производство как особую форму общественного хозяйства. Строго следуя материалистическому

¹⁸ См.: там же, т. 1, с. 413.

¹⁹ Там же, т. 3, с. 377.

²⁰ См.: там же, с. 57, 353, 366—367.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 66, 164.

²² Там же, т. 1, с. 91.

²³ См.: там же, т. 3, с. 349.

научному методу, своему неперемому требованию точно и определенно характеризовать данные, действительные формы экономической организации, выделять особо и подвергать тщательному анализу данные производственные отношения,— В. И. Ленин показывал, что самостоятельное мелкое товарное производство — это особый экономический уклад в ряду других общественно-экономических систем, укладов, или порядков, или (как он писал еще) экономических режимов²⁴.

При этом существенно отметить (и для историка простого товарного производства при феодализме это особенно важно), что, говоря о русских крестьянах, как мелких *изолированных* товаропроизводителях, Ленин пояснял: «Понятно, что речь идет о *хозяйственной* изолированности. Общинное землевладение нисколько ее не устраняет. При самых «уравнительных» переделах крестьянин в одиночку хозяйничает на своей полосе, следовательно, является *изолированным, обособленным производителем*»²⁵.

Если даже общинная организация, включавшая объекты нераздельного общего владения, не отменяла экономической самостоятельности, обособленности отдельных производителей, то, очевидно, с еще большим правом это должно быть отнесено к средневековым цехам, которые были союзами ремесленников. Их корпоративная сплоченность, общая защита своей ремесленной монополии и интересов своей профессии нисколько не устраняли обособленности, самостоятельности мелкого товарного производства отдельных ремесленников, которые работали «поодиночке, порознь в каждой маленькой мастерской»²⁶, на свой собственный счет и риск. Здесь как нельзя более кстати ленинское напоминание о решающей роли экономических отношений, а не юридических форм и юридико-политических надстроек²⁷. Ведь никакое участие в цеховом союзе не отменяло того кардинального факта, что ремесленник сам оставался собственником, в большинстве случаев — своей крохотной мастерской, и непременно — своих орудий труда, сырых материалов и готового продукта.

Ленинский подход к интересующему нас вопросу не вызывает ни малейших сомнений. Возражая народникам, идеализировавшим всяческую общинность и вымышленный «*принцип общинно-трудовой преемственности*», Ленин писал: «Всякий

²⁴ См.: там же, т. 4, с. 116; т. 39, с. 272; т. 43, с. 158, 207, 221.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 451 (прим.).

²⁶ Там же, т. 2, с. 90.

²⁷ См.: там же, т. 1, с. 466.

знает, что и у кустарей заведения, материалы, орудия и проч. составляют находящееся в частной собственности *имущество*, переходящее по *наследству*, а вовсе не по какому-то общинному праву, что община нисколько не гарантирует самостоятельности...»²⁸ производителя. Мы едва ли ошибемся, если сказанное Лениным об общине применим (*mutatis mutandis*) к средневековому цеху. Ведь с интенсивным развитием мелкого товарного производства в ремесленных цехах, так же как и в сельских общинах (и еще ранее), возникает и усиливается имущественное неравенство, затем, с расширением рынка, перерастающее в расслоение буржуазного типа²⁹.

Отвечая на вопрос о том, что именно дало исток капиталистическому развитию, что было его первой предпосылкой, Ленин, вслед за Марксом, прежде всего указывал на товарное производство. «Существенными признаками капитализма, по его учению, являются: (1) товарное производство, как *общая форма* производства. <...> Второй признак капитализма (2) — принятие *товарной формы* не только продуктом труда, но и самим трудом, т. е. рабочей силой человека»³⁰. Это, одновременно, — и два неперемых условия возникновения капиталистических отношений³¹. Господство отношений товарного производства, когда «...общественное хозяйство основано на разделении труда и товарной форме продукта...», — первая необходимая предпосылка возникновения капитализма³².

Совершенно очевидно, что общественное хозяйство такого рода, товарное хозяйство, как широко называл его Ленин, не исчерпывается товарным производством (хотя именно на нем базируется), но обязательно предполагает также и широкое развитие товарного обращения, без которого самое товарное производство функционировать не может. Решительно отвергая недооценку товарного обращения народниками, которым оно казалось просто принадлежностью старых порядков, Ленин, напротив, придавал ему очень большое значение и формулировал свою мысль в предельно четкой форме: «...капитализм является лишь как результат широко развитого *товарного обращения*...»³³. Тем самым ведущая роль товарного производства, конечно же, отнюдь не заслонялась. Ленин лишь

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 346.

²⁹ См.: там же, т. 17, с. 82—83.

³⁰ Там же, т. 1, с. 458.

³¹ См.: там же, т. 7, с. 111.

³² См.: там же, т. 1, с. 103.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 56.

считал необходимым предостеречь против легкомысленного пренебрежения ролью товарного обращения и подчеркнуть, что «...товарное обращение является необходимым историческим предшественником капитализма...»³⁴. Это и резюмировалось в известном положении из «Развития капитализма в России»: «Как известно, товарное обращение предшествует товарному производству и составляет одно из условий (но не единственное условие) возникновения этого последнего»³⁵. И много позже Ленин счел нужным напомнить, что капитализм означает дальнейшее развитие и завершение системы товарных связей³⁶.

Будучи необходимой предпосылкой товарного производства, развертывание товарных связей вместе с тем является и показателем интенсивного развития товарного производства. А это последнее закономерно создает почву для рождения капитализма, выступает как необходимейший этап его подготовки³⁷. Исходным пунктом капиталистического производства становится именно то, что составляло экономическую основу простого товарного производства — собственность мелкого производителя на средства производства³⁸. В. И. Ленин убедительно доказал, что именно широкое, свободное развитие самостоятельного мелкотоварного производства создает наилучшую базу для интенсивного развития капитализма³⁹. Как известно, эта идея лежит в основе ленинского учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве. Вывод «о неизбежности развития капитализма на почве товарного производства» Ленин относил к числу азбучных положений марксизма⁴⁰.

Таким образом, между простым товарным производством и производством капиталистическим — глубокая органическая связь. Но вместе с тем связь эта отличается и глубокой противоречивостью. Закон присвоения капиталистом прибавочной стоимости, произведенной наемным рабочим, является прямой противоположностью закону присвоения, присущему самостоятельному простому товарному производству, основанному на мелкой собственности самого работника. Но, как неопровержимо доказал Маркс, один закон превращается в другой не под воздействием какой-то внешней силы, но «путем собст-

³⁴ Там же, с. 619.

³⁵ Там же, т. 3, с. 553.

³⁶ См.: там же, т. 23, с. 46.

³⁷ См.: там же, т. 1, с. 87.

³⁸ См.: там же, т. 2, с. 204 (прим.).

³⁹ См.: там же, т. 10, с. 48; т. 15, с. 226; т. 16, с. 405—406; т. 24, с. 334.

⁴⁰ Там же, т. 11, с. 36—37.

венной, внутренней, неизбежной диалектики». При определенных условиях мелкое товарное производство переходит «в капиталистическое товарное производство»⁴¹.

И, вместе с тем, в масштабах целого общества переход этот не был ни простым, ни легким. В знаменитой 24-й главе 1 тома «Капитала» Маркс убедительно показал, каким сложным, мучительным для народных масс был процесс так называемого первоначального накопления — процесс накопления и превращения в капитал огромных средств в руках немногих и, одновременно, процесс отрыва широчайшей массы трудящихся от средств производства, — какую большую роль в ускорении этих процессов играло насилие. Однако Маркс никогда не сводил проблемы генезиса капитализма к актам насилия и неоднократно подчеркивал решающее значение экономических предпосылок этого процесса. Ф. Энгельс в спорах с Дюрингом и его «теорией насилия» развернул дополнительные доказательства глубочайшей экономической обусловленности перехода от простого товарного производства к капитализму⁴².

Особенно много для выяснения механизма этого процесса сделано В. И. Лениным. Он подчеркивал, что самое накопление значительных средств в руках богатого меньшинства могло стать общественно значимым явлением только в условиях интенсивного развития товарного обращения и производства, а превратиться в капитал эти средства могли лишь в процессе подчинения мелких товаропроизводителей⁴³. Иными словами, это оказывалось возможным непременно «...при высоком сравнительно уровне развития товарного производства вообще»⁴⁴. Так называемое первоначальное накопление означало уничтожение «частной собственности, основанной на собственном труде», т. е. экономической основы самостоятельного мелкого товарного производства, но только потому, что это последнее «...на известной ступени развития... само создает материальные основания для своего уничтожения»⁴⁵. Экспроприация крестьянства, которой сопровождается рождение капитализма, сама является неизбежным следствием господства товарного производства во всем обществе⁴⁶.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 596—597; т. 24, с. 43.

⁴² См.: там же, т. 23, с. 333, 342, 347, 349, 365, 371, 381, 726, 734, 758, 759, 761, 771; т. 20, с. 166—167, 648.

⁴³ См.: Ленин В. И. Полн. собр., т. 1, с. 223.

⁴⁴ Там же, т. 26, с. 64.

⁴⁵ Там же, т. 1, с. 172.

⁴⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 393.

В процессе первоначального накопления акты насилия господствующего класса в отношении непосредственных производителей играли большую роль. Рассматривая этот вопрос на российском материале, В. И. Ленин показал, что реформа 1861 года на самом деле означала «освобождение крестьян от земли», «ограбление крестьян помещиками и правительством»⁴⁷. «Это — первое массовое насилие над крестьянством в интересах рождающегося капитализма в земледелии»⁴⁸. А чем была столыпинская реформа, отдавшая старую русскую деревню «на «поток и разграбление» владельцу рубля», как не проявлением «сплошного, систематического, необузданного насилия над крестьянской массой»? «Это — второй крупный шаг массового насилия над крестьянством в интересах капитализма», один из этапов «экспроприации беднейших крестьян»⁴⁹.

Но в процессе первоначального накопления насилие было лишь ускоряющим фактором, усиливавшим действие экономических законов. Оно форсировало экспроприацию крестьянства, обусловленную всем ходом развития товарного производства и его превращения в капиталистическое⁵⁰. Ленин подчеркивал, что присущее капитализму вытеснение мелкого производства крупным «нельзя понимать *только* в смысле немедленной экспроприации». Отдельными актами насилия это вытеснение не ограничивалось: массовая экспроприация крестьянства охватывает всю пореформенную эпоху, которая «есть один сплошной процесс... раскрестьянивания»⁵¹.

Экспроприация совершается через обнищание и разорение самостоятельных крестьян и ремесленников⁵². Разоряющиеся теряют средства производства, каковые теперь «концентрируются в руках меньшинства, превращаясь в капитал». Именно так, пишет Ленин, шла «массовая экспроприация нашего крестьянства в пореформенную эпоху», «лихорадочное отделение «мужика» от земли»⁵³. Процесс этот вытекал из самой природы товарного хозяйства, развитие которого ведет к вытеснению слабых сильными, мелких производителей крупными, капиталистическими эксплуататорами⁵⁴. Экспроприация оказы-

⁴⁷ Там же, т. 4, с. 429, 431, 433.

⁴⁸ Там же, т. 16, с. 254.

⁴⁹ Там же, т. 16, с. 404, 254, 298.

⁵⁰ См.: там же, т. 1, с. 416; т. 16, с. 219.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 193; т. 4, с. 431.

⁵² См.: там же, т. 27, с. 193—194; т. 3, с. 432.

⁵³ Там же, т. 1, с. 98, 263; см. также с. 425—426.

⁵⁴ См.: там же, т. 1, с. 192—193; т. 3, с. 66, 164.

валась одновременно и необходимым условием и реализацией перехода «от простого товарного производства к капиталистическому»⁵⁵. Ибо в эту эпоху «рядом с разорением производителей», уже идет процесс капиталистического производства и накопления⁵⁶.

Главное, что характеризует ленинский подход к рассматриваемой проблеме, — это глубокая диалектичность анализа, отражающая реальную диалектику исторического процесса. Живое единство прерывности и непрерывности, присущее самой действительности, получает у Ленина адекватное теоретическое отражение и обобщение. Подчеркивая коренное качественное различие между простым товарным хозяйством и капитализмом⁵⁷, он в процессе приготовления и возникновения капитализма выделяет два основных момента: развитие товарного производства и превращение в товар самой рабочей силы⁵⁸. И, вместе с тем, Ленин с предельной ясностью показывает, что «обогащение меньшинства и разорение массы, ведущее к превращению самостоятельных производителей в наемных рабочих и многих мелких заведений в немногие крупные», является необходимым результатом действия внутренних закономерностей простого товарного производства, которое не может существовать вне постоянных рыночных связей и вытекающих из них отношений конкуренции⁵⁹.

Ленин раскрывает закономерность связи между мелким самостоятельным товарным производством и наемным трудом, показывает, что в обществе, построенном на глубоком разделении труда, на товарных отношениях, рынок есть не просто сфера обмена, а центр проявления законов товарного хозяйства и потому — регулятор всего общественного производства и господствующих в нем отношений. В условиях хозяйственной системы, основу которой составляет «производство продукта на продажу», неизбежно, если мелкий товаропроизводитель «...встречает на рынке соперника, борьба с которым ему непосильна, то ему только уже и остается — продавать свою рабочую силу»⁶⁰. Таким образом, появление наемных рабочих — это закономерный результат развития простого товарного производства: само развертывание его внутренних противоречий необходимо ведет к отрицанию тех самых основ, на

⁵⁵ Там же, т. 3, с. 58.

⁵⁶ Там же, т. 1, с. 221.

⁵⁷ См.: там же, с. 104.

⁵⁸ См.: там же, с. 86—87.

⁵⁹ Там же, т. 1, с. 87; см. также с. 97—98, 425—426, 451, 460, 506.

⁶⁰ Там же, с. 65—66.

которых оно базируется. Появление наемных рабочих — результат обеднения мелких товаропроизводителей, которые в процессе разорения потеряли принадлежавшие им прежде средства производства — землю, орудия труда, мастерскую и т. д.⁶¹.

Так и получается, что силы, действующие, казалось бы, в направлении упрочения мелкого самостоятельного товарного производства, в итоге ведут к его подрыву и вытеснению. Ленин писал, что в условиях господства товарных отношений «...развитие и упрочение мелкого трудового хозяйства возможно лишь путем превращения его в мелкобуржуазное хозяйство»⁶². Для мелких товаропроизводителей это означает, что «...их отношения к рынку необходимо и неизбежно раскалывают их на буржуазию и пролетариат»⁶³.

Такова неодолимая сила объективных законов товарного хозяйства, или, как иногда называет ее Ленин, «власть рынка». При этом очень важно отметить, что, выявляя важнейшие закономерности развития и внутреннего разложения мелкого товарного производства, В. И. Ленин раскрывает эти закономерности в их исторической конкретности. Говоря о том, что мелкие товаропроизводители неизбежно «...раскалываются на меньшинство предпринимателей и массу пролетариата...», он, не допуская ни малейшего схематизма, тут же отмечает, что этот пролетариат еще «...связан с «хозяйчиками» целым рядом переходных ступеней полурбочих и полухозяев...»⁶⁴.

Той же исторической конкретностью отличается и ленинский анализ *пути* зарождения капиталистических отношений на почве разложения простого товарного производства. Известно, какой монблан конкретного, статистического материала по экономической истории пореформенной России был при этом переработан Лениным. Необходимо подчеркнуть и другое: самые выводы, обобщения анализа отличаются также осязаемой конкретностью.

Решительно отвергая метафизические представления народников о капитализме как о некоем вполне готовом и абсолютно чистом явлении, В. И. Ленин, напротив, утверждал, что «...порабощение труда капиталу проходит очень длинные (выделено нами.— С. С.) и различные стадии от торгового капитала до «английской формы»⁶⁵. Ленин особо отмечал

⁶¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 25—26.

⁶² Там же, т. 7, с. 47.

⁶³ Там же, т. 1, с. 222—223.

⁶⁴ Там же, т. 7, с. 47.

⁶⁵ Там же, т. 1, с. 521—522.

«историческую роль торгового капитала, как предшественника капиталистического производства»⁶⁶, подчеркивая при этом, что в товарном хозяйстве «торговый капитал есть необходимая составная часть, а не случайная и сторонняя вставка»⁶⁷, и что подчинение им мелких производителей было обусловлено самим развитием мелкого производства, рассчитанного на рынок⁶⁸.

Эти обобщения имеют принципиальное значение. Убедительно показывая, что капитализм рождался из простого товарного производства, Ленин отнюдь не считал, что такое превращение происходило при любых условиях. Для этого требовались: во-первых, высокая степень зрелости самого товарного производства, пробуждавшая в нем потребность в более широком рынке, и, во-вторых, реальное и значительное расширение рынка. Тогда, «по мере расширения рынка... мелкий раздробленный сбыт... становится невозможным... <...>. И вот мелкий характер производства оказывается в непримиримом противоречии с необходимостью крупного, оптового сбыта»⁶⁹, а «крупный сбыт может быть организован только крупным капиталом»⁷⁰. Крупный купеческий капитал и разрешает это противоречие путем концентрации сбыта в руках скупщиков. А это неизбежно вело к тому, что «мелкий производитель оказался отрезанным от рынка и беззащитным перед властью торгового капитала. Таким образом в обстановке товарного хозяйства мелкий производитель неизбежно попадает в зависимость от торгового капитала в силу чисто экономического превосходства крупного, массового сбыта над разрозненным мелким сбытом»⁷¹; в условиях расширения рынка возникает неразрывная связь «между товарным производством и капиталистическим сбытом»⁷².

Так возникает самая ранняя ступень развития капитализма: мелкое производство, эксплуатируемое скупщиком⁷³. Эта низшая форма капитализма «...непосредственно выросла (выделено нами.— С. С.) из мелкого товарного производства»⁷⁴.

Но это только начало подчинения труда капиталом. «Отре-

⁶⁶ Там же, т. 3, с. 619.

⁶⁷ Там же, т. 2, с. 385.

⁶⁸ См.: там же, т. 3, с. 361.

⁶⁹ Там же, с. 359.

⁷⁰ Там же, с. 365.

⁷¹ Там же, т. 3, с. 359—360.

⁷² Там же, с. 365.

⁷³ См.: там же, т. 1, с. 223.

⁷⁴ Там же, т. 2, с. 398.

зав мелкого промышленника от рынка готовых изделий, скупщик отрезывает его теперь от рынка сырья и тем окончательно подчиняет себе...»⁷⁵. Он организует раздачу сырья, т. е. «капиталистическую домашнюю систему крупного производства»⁷⁶. Это означает, что значительная доля производителей становится *отчасти* наемными рабочими. Затем они становятся «более наемными рабочими, чем самостоятельными хозяевами»⁷⁷. Эти люди, обрабатывающие чужое сырье за сделанную оплату, эти «quasi-самостоятельные производители» — в действительности уже наемные рабочие⁷⁸. И поскольку здесь капитал уже присваивает прибавочную стоимость, произведенную трудом рабочего, экономическая сущность явления совершенно ясна: «Несомненно, — писал Ленин, — что немецкая Hausindustrie, русская «домашняя система крупного производства» представляют из себя капиталистическую организацию промышленности»⁷⁹. Эту капиталистическую работу на дому⁸⁰ Ленин определяет как «совершенно уже капиталистическую домашнюю систему крупного производства», ибо «по организации промысла это — чистый капитализм»⁸¹.

Система раздачи сырья несомненно знаменует собою раннюю форму капиталистического производства: «...Торговый капитал скупщика переходит здесь в промышленный капитал»⁸². Именно в этом смысле Ленин видел в торговом капитале «предшественника капиталистического производства»⁸³. И вот почему он критиковал народническую социологию за то, что «она игнорирует или затушевывает связь... между торговым и промышленным капиталом...»⁸⁴. Но, опять-таки, существенно отметить, что Ленин при этом отнюдь не рассматривал торговый капитал как нечто независимое, самодовлеющее или приводящее. Напротив он подчеркивал, что торговый капитал набирает силу и затем переходит в капитал промышленный — именно на базе широкого развития мелкого товарного производства⁸⁵.

В ленинском анализе капиталистической домашней про-

⁷⁵ Там же, т. 3, с. 367.

⁷⁶ Там же, т. 1, с. 223.

⁷⁷ Там же, с. 92.

⁷⁸ См.: там же, т. 3, с. 366—368; 384—385, 434—435.

⁷⁹ Там же, т. 1, с. 459; см. также с. 213.

⁸⁰ Там же, т. 3, с. 366.

⁸¹ Там же, т. 1, с. 105, 213.

⁸² Там же, т. 3, с. 367—368.

⁸³ Там же, с. 619.

⁸⁴ Там же, с. 440.

⁸⁵ См.: там же, т. 1, с. 503.

мышленности четко прослеживаются два основных момента: во-первых, выяснение качественной определенности, экономической (именно — капиталистической) сущности данного явления; и, во-вторых, выяснение ограниченности наличного этапа развития данного качества. Ленин критиковал народников за их неспособность понять капиталистическую природу промысла, который уже подчинен эксплуататором-скупщиком, за непонимание того, что «капитал — это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий»⁸⁶. Он разъяснял, что «отношения, по сущности своей буржуазные», не перестают быть таковыми «ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабости»⁸⁷. Да, капиталистическая работа на дому есть низшая форма капитализма, она ведет к концентрации производства и разделению труда⁸⁸. И в этом также проявляется ее капиталистическая сущность.

Но Ленин ни на минуту не упускал из виду неразвитости данной формы капиталистического производства. Он отмечает сравнительно ничтожную величину заведений, крайне низкую производительность труда, небольшое число наемных рабочих, первобытность техники. На этой стадии «капитал, хотя уже и господствует, но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней...»⁸⁹. Мы позволили себе подчеркнуть последние слова, чтобы акцентировать внимание на историчности ленинского научного метода.

Характеризуя ту раннюю «стадию развития капитализма, когда он не вполне еще выпутался из средневековых учреждений», Ленин выделял две особенно существенных черты эпохи зарождения капитализма, «когда силен еще торговый капитал и мелкое производство еще держится для большей части производителей»⁹⁰. Именно самостоятельное мелко-товарное ремесло образует ту питательную среду, ту широкую основу, на которой возникают капиталистические отношения. Ленин писал, что «капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого»⁹¹.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 222.

⁸⁷ Там же, с. 219.

⁸⁸ См.: там же, т. 2, с. 328, 387—388.

⁸⁹ Там же, т. 1, с. 490.

⁹⁰ Там же, т. 1, с. 443.

⁹¹ Там же, с. 510.

Здесь и раскрывается диалектическая противоречивость простого товарного производства, ведущая к его разложению и к зарождению капитализма. Возникавший капитал пожирал мелкое товарное производство, и оно всячески пыталось защититься от него (прежде всего — с помощью цеховой регламентации). Но, вместе с тем, как отмечал Маркс, и на это обращал внимание Ленин, — капиталистическая мануфактура развивалась, «основываясь всегда на городском ремесле и сельских домашних побочных промыслах, как на широком базисе (Hintergrund)»⁹². В другом месте Ленин отмечал, что развитие мелкого товарного производства ведет «...к образованию капиталистической простой кооперации и торгового капитала...»⁹³. Иначе говоря, закономерное разложение простого товарного производства ведет либо к возникновению первичных собственно капиталистических форм производства, либо к развитию того торгового капитала, который через скупку изделий и раздачу сырья подчиняет мелких производителей капиталистическому эксплуататору.

Ленин критиковал народников за то, что к историческим явлениям они подходили не «спереди», а «сзади», т. е. не с точки зрения перспектив данного процесса, не с точки зрения его будущего, а с точки зрения прошлого⁹⁴. (Это — вообще черта, свойственная романтической, архаизирующей исторической методологии.) Разумеется, к любому явлению нужно подходить исторически, нужно выяснить, из чего оно вышло. Но при этом, — обязательно учитывая дальнейший опыт истории, выясняя, в каком направлении данное явление развивалось, т. е. выявляя заложенные в нем тенденции развития вперед. Нельзя и на товарное производство смотреть только «сзади», видя в нем только порождение феодальной эпохи. Нужно уметь смотреть на него и «спереди», чтобы видеть, к чему оно вело. Именно таким, глубоким историзмом, чуждым какой бы то ни было архаизации, характеризуется ленинский научный метод.

В крепостном, феодальном обществе, с развитием товарных отношений «из товара, из обмена товаров, из возникновения власти денег возникла власть капитала»⁹⁵; развитие товарного хозяйства разлагало господствующие феодальные отно-

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 758; см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 345.

⁹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 157.

⁹⁴ См.: там же, т. 2, с. 157.

⁹⁵ Там же, т. 39, с. 71.

шения, «что вело еще в то время к капитализму»⁹⁶. Такова объективная логика развития товарного производства: оно не может функционировать без рынка, а значит, и без конкуренции, конкуренция же необходимо ведет к разорению массы мелких производителей. Тому производителю, который в силу разорения «...не может уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать труд»⁹⁷. Налицо картина «буржуазного разложения» мелких товаропроизводителей⁹⁸.

Ленин со всею четкостью указывал, что «переход от товарного хозяйства к капиталистическому, разложение товаропроизводителей на капиталистов и пролетариат» совершается на почве самого товарного хозяйства, в силу действия присущих ему законов⁹⁹. Сама «диалектика товарного производства», по словам Ленина, толкала к его преобразованию в производство капиталистическое¹⁰⁰; «...товарное производство, само собою, т. е. силою тех самых отношений, в которые оно ставит производителя к рынку, приводит к тому, что «самым обыкновенным явлением» становится купля-продажа человеческой рабочей силы»¹⁰¹. Господство капитала с необходимостью складывается «на почве товарного хозяйства»¹⁰².

Вслед за Марксом, Ленин подчеркивал естественность связи между мелким товарным производством и капитализмом¹⁰³. Ибо «основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма»¹⁰⁴. Он относил к «азбуке марксизма» понимание того, что свободное развитие товарного хозяйства ведет к превращению товарного производства в капиталистическое, т. е. к распаденю массы товаропроизводителей на владельцев капитала и на наемных рабочих¹⁰⁵. Вот почему Ленин писал, что простое товарное хозяйство «в своем развитии превращается (разрядка моя. — С. С.) в капиталистическое хозяйство», неизбежно перерождается в него на известной ступени развития¹⁰⁶.

Таким образом и экономически и исторически вопрос ре-

⁹⁶ Там же, с. 76.

⁹⁷ Там же, т. 1, с. 508.

⁹⁸ См.: там же, с. 240.

⁹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 103—104; см. также 220—221, 388.

¹⁰⁰ Там же, т. 3, с. 349; см. также т. 1, с. 91.

¹⁰¹ Там же, т. 1, с. 118.

¹⁰² Там же, с. 503; см. также с. 374, 393.

¹⁰³ См.: там же, т. 2, с. 193.

¹⁰⁴ Там же, т. 3, с. 542.

¹⁰⁵ См.: там же, т. 43, с. 61—62, 137, 158—159.

¹⁰⁶ См.: там же, т. 3, с. 21; т. 1, с. 216; см. также т. 25, с. 155—156.

шается Лениным с полной четкостью: «Капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства»¹⁰⁷; мелкое товарное хозяйство — база, корень и фундамент капитализма¹⁰⁸; «...товарное производство родило капитализм»¹⁰⁹.

Ленинская концепция роли простого товарного производства в подготовке капитализма, исключительно цельная и стройная, продолжая и развивая анализ этой проблемы, данной Марксом и Энгельсом, дает необычайно много не только для экономической теории, но и для экономической истории генезиса капитализма. Попытаемся кратко резюмировать то главное, что вытекает из этой концепции. Самостоятельное простое товарное производство — вот то экономически самое ценное, что родилось в недрах феодального строя как закономерное следствие раскрытия его внутренних противоречий. Классическим воплощением этого экономического уклада было средневековое городское ремесло.

Внутренняя диалектика этого уклада, проявляясь в процессе рыночной конкуренции, неизбежно вела к расщеплению мелких товаропроизводителей, к размыванию того единства труда и собственности, которое составляло его основу. Однако, пока рынок сбыта продуктов ремесла оставался узким, эта тенденция не могла развернуться и в ремесле преобладала тенденция застойности, простое воспроизводство.

Но как только возникала возможность вывоза продукции на какие-то отдаленные, более емкие рынки, тенденция к расширению производства (дотоле дремавшая в мелкотоварном укладе), а значит, и ожесточенная конкуренция, становились ведущими силами развития: начиналось широкое разорение массы мелких ремесленников, — и они оказывались вынужденными продавать свою рабочую силу, а с другой стороны, образовывался слой более крупных хозяйчиков, «зародышевых капиталистов», начинавших эксплуатировать экспроприированных в ранних формах капиталистического производства — простой кооперации и мануфактуре. Одновременно торговый капитал, связывавший ремесленников с более отдаленными рынками и бурно возраставший именно на этой почве, начинал подчинять себе мелких производителей, отрезая их от рынка сбыта, а затем и от рынка сырья: купец превращался в скупщика и раздатчика работы. Так возникла рассеянная мануфактура.

¹⁰⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25.

¹⁰⁸ См.: там же, т. 39, с. 274.

¹⁰⁹ Там же, т. 36, с. 47.

В условиях кризиса феодально-поместной, то есть наделной, системы эксплуатации феодальные сеньоры порою прибегали к насильственному сгону с земли держателей-крестьян. Но сами по себе акты и методы классового насилия могли реализоваться и эффективно ускорять процесс складывания капитализма только на почве уже развернувшегося разорения массы мелких производителей, их стихийно-экономической экспроприации и, одновременно, зарождения ранних форм капиталистического производства. Именно возникавший вместе с мануфактурой широкий спрос на промышленное сырье (шерсть, технические культуры) делал возможным и выгодным для земельных собственников разрыв с наделной системой, на которой держался феодализм. Иными словами, в процессе вызревания капитализма решающую роль играла сила экономических отношений товарного производства, диктовавшая обогащение немногих и разорение массы и, в конечном итоге, распадение слоя мелких самостоятельных товаропроизводителей на буржуа и пролетариев.

Таким образом, тем главным, что высвобождалось в процессе разложения феодализма, было мелкое самостоятельное товарное производство, которое силой неборимой внутренней диалектики порождало из себя производство капиталистическое.

М. Е. Карпачева

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА В КАРКАССОНЕ XIII ВЕКА

К XIII веку, в результате более чем столетней борьбы горожан со своими сеньорами, Каркассон становится городом консульского управления со значительными коммунальными вольностями¹. Бурное развитие городской экономики в этот период требовало удержания, закрепления и расширения этих завоеваний. В XIII в. для Каркассона, как и для других городов провансальского Юга, эта задача осложнялась необходимостью выстоять, сначала против натиска реакционных феодальных сил, возглавляемых крестоносцами Монфора, а затем — против грабительской политики французских королей.

¹ См.: Карпачева М. Е. Антифеодальная борьба горожан Каркассона в XII—XIII вв. — Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 5, с. 36—38.

Что же питало сопротивление горожан, что дало силу мощным выступлениям каркассонцев в 1209, 1224, 1240 гг.? Что было социальным ядром всех оппозиционных выступлений в исследуемый период? Была ли скреплена единым стержнем коммунальная борьба горожан Каркассона в XII в. с освободительной борьбой последующего столетия и можно ли считать последнюю продолжением первой? Или вообще период антифеодальной борьбы средневековых горожан следует заканчивать временем образования коммун и консулатов?²

Достаточно обратиться к актам каркассонских сенешалов, документам инквизиции, папским буллам и королевским ордонансам в отношении мятежного города³, чтобы убедиться, что с начала XIII в. освободительная борьба в Каркассоне резко обостряется.

Не успела каркассонская коммуна заявить о себе изданием городского Кутюма 1204—1208 гг.⁴, как само ее существование было поставлено под угрозу. В 1209 г. крестоносцы захватили Каркассон. Альбигойские войны разразились именно тогда, когда завоевавшие коммунальные вольности города Лангедока окрепли, расцвели и разбогатели⁵. Крестоносная

² Не потому ли этот период, наполненный острейшей социальной борьбой, почти не исследуется в работах П. С. Тембаля, А. Дюпола, Ф. Вольфа и А. Гурона? И только фрагменты бурной истории Каркассона в XIII—XIV вв., никак не связывая их между собой, рассматривают историки Ш. Карэйон, К. Рено, М. Лебуа (*Caracçon Ch. L' inquisition à Carcassonne au XIII-e et au XIV-e siècle*. Mazamet, 1903; *Renaux C. Carcassonne et le pays Carcassonnais pendant la première partie de la Guerre de Cent Ans (Mémoires de la Société des arts et des sciences de Carcassonne, Carcassonne, 1914—1919, t. 10)*; *Lebois M. Le complot des Carcassonnais contre l'inquisition (1283—1285)*. — In: *Carcassonne et sa région. Actes des XXI-e et XXIV-e congrès d'études régionales tenus par la Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon*. Carcassonne, 1970).

³ Эти материалы собраны в Каркассонском картулярии Маюля (*Cart. Carcas.*), Всеобщей истории Лангедока (HGL) и в изданиях: *Inventaire des archives communales antérieures à 1790*/Publ. par G. Mouyès. Narbonne, 1871, t. I (*Inventaire*); *Documents pour servir à l'histoire de l'inquisition dans le Languedoc*/Ed. par C. Douais. Paris, 1900, t. 1—2 (*Douais. Documents*); *Layettes du trésor des chartes*/Publ. par A. Teulet, J. de Laborde, Paris, 1863—1866, t. 1—2 (*Layettes*); *Ordonnances des rois de France*. Paris, 1723, t. 1 (*Ordonnances*); *Regesta pontificum romanorum*. Berlini, 1874, t. 1 (*Regesta*); *Annales ecclesiastici ab anno 1198, ubi desinit cardinales Baronius auctore Odirico Raynaldo*. Lucae, 1749 (*Annales*) и др.

⁴ *Layettes*, t. 1, p. 272—281. Кутюм фиксирует учреждение консулата и отмену феодальной системы сеньориального грабежа в Каркассоне.

⁵ Таким образом, «в южнофранцузских городах наблюдаются вольность и независимость, неизвестные еще нигде в Европе» (Архив Маркса и Энгельса, т. 5, с. 233).

экспедиция развернулась хотя и без непосредственного участия короля, но и не без его одобрения: как показало дальнейшее, Филипп-Август видел в ней способ подчинения сепаратистски настроенного Юга. Обнищавшее северофранцузское рыцарство ринулось в Южную Францию с целью грабежа и наживы. Папа решил разделаться наконец с широко распространеннейшей здесь и очень опасной для церкви ересью катаров и вальденсов: ведь именно «в противоположность феодальному католицизму развилась протестантская ересь, сначала у альбигойцев в южной Франции»⁶.

В начале XIII в. Каркассон — один из важнейших очагов воинствующей альбигойской ереси⁷. Здесь, как и в Безье, Альби, Кабардэ, ересь распространяется по-преимуществу в виде катарства⁸. Уже в XII в. активизируется деятельность каркассонских катаров⁹. Это вызывает серьезную тревогу римской курии: в 1198 г. папа Иннокентий III проявляет озабоченность по поводу распространения «яда тайного пособничества ереси» в диоцезе Каркассона¹⁰. В 1202 г. епископ Беренжер за то, что обвинил каркассонцев в ереси и пригрозил им церковными карами¹¹, был изгнан из города. Сменивший его епископ Бернар-Раймун вынужден был проявлять терпимость, а иногда даже и потворствовать еретикам¹². Показательна папская булла от 1209 г., в которой Иннокентий III клеймит каркассонцев, объявляя Каркассон, как и Безье, «твердью еретиков»¹³.

Что же способствовало распространению альбигойской ереси в провансальских городах и кто составлял ядро религиозной оппозиции? В момент противостояния альбигойского Юга

⁶ *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — *Маркс К., Энгельс Ф.*, Соч., т. 21, с. 317.

⁷ Уже в начале XII в. катарство широко распространилось в диоцезе Каркассона (*Griffe E. Catharisme dans le diocèse de Carcassonne et le Lauragais au XII-e siècle*. — *Cathares en Languedoc*. Toulouse, 1968, p. 217).

⁸ «Cathari ... Carcassonnenses tenent errores Belezinansae et Albanensium». Цит. по кн.: *Thouzelier Ch. Catharism et valdéisme en Languedoc à la fin du XII-e et au début du XIII siècle*. Paris, 1965, p. 292.

⁹ Они ведут широкую проповедническую деятельность, совершают свои обряды, создают свою организацию. Так, в 1167 г. катары на своем соборе избирают епископа Каркассона и его сподвижков в каркассонскую епархию (*Ли Г. Ч.* История инквизиции в средние века. СПб., 1911, т. 1, с. 78).

¹⁰ «In ea diocesi virus praevaricationis haereticae penetravit» (*Regesta*, t. 1, p. 503).

¹¹ *Ли Г. Ч.* История, с. 89.

¹² *Poux J.* La cité de Carcassonne. Toulouse, 1931, p. 43.

¹³ «...civitas Carcassonam et Bitterrim-hereticorum terras...» (*layettes*, t. 1, p. 339—340).

католическому Северу Франции зачастую и крупные магнаты и мелкие рыцари поддерживали ересь. В этом сказывался и старинный антагонизм вестготской знати древней Аквитании с завоевателями-франками и стремление южных феодалов к полной независимости как от французского короля, так и от римского папы. Папа Иннокентий III обвиняет дворянство Лангедока в том, что, «исповедуя еретические бредни», светские феодалы пытаются разбогатеть за счет католической церкви, захватывая ее добро¹⁴.

Известно, что сеньоры Каркассона — виконты Тренкавели склонялись к ереси¹⁵, и почти все графы Юга были враждебны Риму¹⁶. Но как только обнаружился антифеодальный характер альбигойства, его прежние покровители превратились в безжалостных гонителей еретиков, причем они яростнее, чем крестоносцы, обрушились именно на городские низы¹⁷. Все это не дает никакого основания считать ересь катаров аристократической по характеру и дворянской по составу¹⁸. Летописи фиксируют народный характер недовольства, вылившегося в ересь: «Народ стоит за еретиков, отворачиваясь от богатых клириков; епископы, собиратели сокровищ, не правятся народу»¹⁹. Часто встречающиеся в инквизиционных списках XIII в. обозначения «*texegant*», «*textores*»²⁰ как синонимов «катары» не могли быть случайными и со всей очевидностью показывают, что городские ремесленники-ткачи составляли основную массу еретиков. Так было и в Тулузе, где катаров называли «*тиссеранамн*», и в Каркассоне, где обряды катаров-ткачей совершались в крытых рынках торговцев сукнами²¹. А тот вовсе не исключительный факт, что в Каркассоне катарами были и не-

¹⁴ Layettes, t. 1, p. 339—340.

¹⁵ Виконт Ружер II Тренкавели (1167—1194) и его сын не были правоверными католиками и за покровительство катарству отлучались от церкви (*Belperron P.* La Croisade contre les Albigeois et l'union du Languedoc à la France (1209—1249). Paris, 1942, p. 105—109; *Nelli R.* Histoire du Languedoc. Paris, 1974, p. 65).

¹⁶ А. Люшер отмечал, что только два графа остались верны римской курии (*Luchaire A.* Innocent III. La Croisade des Albigeois Paris, 1906, t. 2, p. 80).

¹⁷ Так было, например, с тулузскими графами. (См.: *Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив Маркса и Энгельса, т. 5, с. 240—241).

¹⁸ Приведенные Р. Нелли факты и цифры противоречат подобной концепции. По подсчетам автора, из 100 «совершенных» катаров только 18 nobles, остальные — городские ремесленники и торговцы (*Nelli R.* La vie quotidienne des Cathares du Languedoc au XIII s., Paris, 1969, p. 138—139).

¹⁹ Цит. по кн.: *Лозинский С. Г.* История папства. М., 1961, с. 156.

²⁰ *Лу Г. Ч.* История, с. 75.

²¹ *Nelli R.* La vie, p. 127.

которые должностные лица муниципалитета — прюдомы («*probi homines*») и даже консулы²², как раз доказывает активную консолидацию горожан в XIII веке в борьбе против католической церкви.

Важно отметить, что само содержание катарской ереси: осуждение церковных богатств, дорогостоящих обрядов, церковной исповеди и отпущения грехов, отрицание социальной исключительности духовенства, отказ платить церковные десятины и другие феодальные поборы, протест против грабительской политики Римской курии — характерно в первую очередь для бюргерской ереси. Очевидно, что необычайный размах антикатолических выступлений в городах южной Франции XIII в. связан прежде всего с антицерковной оппозицией горожан. В конечном же итоге, сопротивление католической реакции со стороны ремесленно-торгового люда явилось выражением антифеодального протеста городских масс. По характеристике Ф. Энгельса, это — «оппозиция феодализму со стороны переросших его рамки городов»²³.

В Каркассоне именно ремесленно-торговое население бургов, насквозь пронизанное ересью²⁴, оказывало упорнейшее сопротивление в сражениях с крестоносным воинством северо-французских дворян. Впервые это произошло в 1209 г.²⁵. С 1 августа в течение 15 дней Каркассон выдерживал осаду шестидесятитысячного войска Симона де Монфора. Прежде всего крестоносцы обрушились на бурги. Первый, плохо защищенный, был сразу взят и сожжен, второй упорно отбивал приступы с таким успехом, что сам Симон де Монфор вынужден был вести свое воинство на бург²⁶. Жители бургов отступают в Ситэ. «В тот же день атака возобновлялась несколько раз. И с той и с другой стороны были убитые и раненые»²⁷. Надеждам на помощь Петра Арагонского не суждено было

²² *Guiraud J.* Histoire de l'inquisition au moyen âge. Paris, 1938, t. 2, p. 295—302.

²³ *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 361.

²⁴ Инквизиционные списки среди 29 «совершенных» («*perfecti*») катаров-каркассонцев называют бургожан с родовым прозвищем: Кузнец, Ткач, Мясник, Купец, Изготовитель кожаных переплетов и т. д. (*Guiraud J.* Histoire, p. 304).

²⁵ HGL, t. 8, note X; Documents de l'histoire du Languedoc/ Publ. par Ph. Wolff. Toulouse, 1969, (carte).

²⁶ *Coincy St. Dalais.* Donjons et Castels au pays des cathares. Paris, 1964, p. 233.

²⁷ «Lo jorn i ac mans, colps e feritz e donetz, — E d'une part e d'autra mortz e essanglen teta» (La chanson de la Croisade contre les Albigeois./ Publ. par M. Meyer 1875, t. 1, vers 32).

сбыться, король покинул каркассонцев, испугавшись страшных опустошений, которые учинили крестоносцы, захватив бурги²⁸. Но не столько многократные кровопролитные схватки, истощившие военные силы каркассонского виконта и городского ополчения, сколько голод, эпидемии и отсутствие воды (крестоносцы перекрыли Оду, а колодцы в крепости пересохли от сильной жары)²⁹ положили конец героическому сопротивлению: «*Carpa fuit ... civitas Carcassonnae et burgus*»³⁰. Описывая этот ярчайший эпизод альбигойских войн, К. Маркс отмечал мужество и упорство неустрашимых духом каркассонцев и страшную расправу с ними после сдачи города крестоносцам³¹. Жестокие репрессии не сломали закаленных и сплоченных антифеодальной борьбой горожан. Консулы и община бурга Каркассона («*Consules et universitas burgi Carcassonnae*») составили такую оппозицию завоевателю, что грозный Монфор едва удержал свой гарнизон в городе и с великим трудом нашел рыцаря, согласившегося заменить его в Каркассоне на время осады замка Терм³².

Умертвив в тюрьме каркассонского сеньора Раймуна-Руже-ра Тренкавеля³³, в 1209 г. Симон де Монфор принимает титул виконта Каркассона и Безье, а с ним и всю полноту власти в городе³⁴. Крестоносцы грабят богатейший каркассонский Соляной двор³⁵; вскоре новый сеньор заявляет на него свои феодальные права и таможенные соляные пошлины употребляет на содержание военного гарнизона в Каркассоне³⁶. В 1212 г. Монфор вводит в покоренных городах старые феодальные по-

²⁸ Les monuments de Carcassonne. Par Cros-Mayrevieille. Paris, 1850, p. 14—15; Poux J. La cité, p. 56—57.

²⁹ La chanson, vers 32—35.

³⁰ HGL, t. 8, note X, p. 51.

³¹ См.: Маркс К. Хронологические выписки. — Архив Маркса и Энгельса, т. 5, с. 233—236. Приведенный в «Выписках» факт казни более 400 еретиков основан на сообщении монаха-цистерцианца Цезария Гейстербахского (ок. 1180 — ок. 1240): 450 каркассонцев отказались отречься от ереси и были сожжены и повешены. И хотя это единственный источник, называющий точную цифру погибших горожан, сам факт ужасающей расправы крестоносцев с мятежным городом не подлежит сомнению.

³² Ли Г. Ч. История, с. 103.

³³ «E lo vescoms mori apres de menazon» — сообщает Гильем де Тудель (La chanson, vers 40). Но, вероятно, причиной гибели виконта была не болезнь, а убийство, о чем есть свидетельство папы Иннокентия III: «ad ultimum miserabiliter interfectum». Цит. по кн.: La chanson, t. 2, p. 865.

³⁴ Lot F., Fawtier R. Histoire des institutions françaises au Moyen âge. Paris, 1957, t. 1, p. 88.

³⁵ La chanson, vers 31—32.

³⁶ Poux J. La cité, p. 55, 76.

винности и поборы³⁷. Он объявляет своей собственностью конфискованное имущество еретиков, посланных по его приказу на костер³⁸. Отсюда делается понятным резкое возрастание уже на следующий год после первого аутодафе числа казненных по подозрению в ереси горожан Каркассона³⁹.

Тяжелый груз феодальных поборов, посягательство на городское самоуправление, религиозная нетерпимость и насилия иноземных захватчиков неизбежно должны были вызвать отпор. Успех антимонфоровских восстаний в Тулузе, Фуа, Бокаре (1216—1218 гг.), гибель свирепого предводителя северо-французских рыцарей, неудача карательной экспедиции принца Людовика способствовали кризису крестоносного владения в Каркассоне. Новый сеньор Каркассона — Амори де Монфор, наследовавший в 1218 г. завоеванные братом территории, явно не мог удерживать город под своей рукой⁴⁰. Не случайно в 1222 г. Гонорий III, не без основания опасаясь, что может потерять только что и с таким трудом приобретенную к святому престолу паству, обращается к королю с прямым требованием: «Присоедини к своим владениям все земли, по которым граф Монфор является твоим вассалом, ибо граф не в силах более их защищать»⁴¹.

В 1223 г. положение Монфора становится критическим: против него — почти все города Каркассэ (Лиму, Монреаль, Сессак и др.), при этом графы Тулузы, Фуа и Комменжа решительно поддерживают оппозицию⁴². В этой обстановке в 1224 г. горожане Каркассона во главе с Раймуном-Руже-ром II Тренкавелем вынудили Амори де Монфора покинуть город⁴³. У нас нет достоверных сведений о характере этого выступления, его участниках и результатах. Но уже сам факт изгнания захватчика-сеньора и почти двухлетняя городская суверенность Каркассона сближает это событие с антифеодальным восстанием горожан 1120—1124 гг. Значит, по существу,

³⁷ «Десятины и все другие повинности будете платить регулярно» (Цит. по кн. Griffé E. Catharisme, p. 234).

³⁸ Lot F., Fawtier R. Histoire, p. 88—90.

³⁹ В 1215 г. (еще до учреждения инквизиции) по приказу Монфора было сожжено 27 «совершенных» катаров и 11 женщин. В 1216—1217 гг. на костре погибли 107 каркассонцев (Carayon Ch. L'Inquisition à Carcassonne au XIII-e et au XIV-e siècle. Mazamet, 1903, p. 25—26).

⁴⁰ Уже в 1221 г. Амори, видимо, не получая оммажа от покоренных, вынужден просить у короля официального подтверждения своих прав на Каркассон (HGL, t. 6, p. 524, Layettes, t. 1, p. 1456).

⁴¹ Annales ecclesiastici, p. 509—510.

⁴² Poux J. La cité, p. 82—84.

⁴³ Cart. Carcas., v. 5, p. 290.

выступая против крестоносного владычества, каркассонцы в XIII в. боролись с тем же врагом, что и в XII в. Эта антифеодалная направленность сближает коммунальную и освободительную борьбу XII и XIII вв.

Только 14 июля 1226 г. Каркассон был окончательно подчинен Людовиком VIII⁴⁴. Но и тогда, принося клятву верности («оммаж») королю Франции, горожане обозначают себя как: «Консулы и вся община Каркассона» (*Consules et tota Universitas Carcassonne*) — подчеркивая этим, что они не отказываются от своих муниципальных привилегий⁴⁵. В самых тяжких обстоятельствах каркассонская коммуна продолжает действовать, ее органы укрепляются и активно пополняются за счет представителей ремесленно-торговой массы. Это видно из такого сопоставления: в состав каркассонского консулата в 1221 г. входят два ремесленника с родовым прозвищем Пекарь и Шорник⁴⁶, а по акту присяги 1226 г. из 12 консулов более половины — ремесленники⁴⁷. Вот один любопытный штрих в связи с этим: акт присяги 1226 г. (фактически акт подчинения) скрепляется городской печатью с символом муниципальной свободы — орлом, который явно превалирует над символом королевского сюзеренитета — лилией⁴⁸.

По Парижскому договору 1229 г.⁴⁹ Каркассон становится центром сенешальства⁵⁰, что делает его присоединение к короне еще более ощутимым. Официально не уничтожая консулат, чтобы не вызвать взрыва недовольства, французский король как верховный сюзерен города постепенно внедряет в органы городского управления своих чиновников. Во главе управления поставлен сенешал, позднее вводится балль — королевский чиновник, исполняющий административные и финансовые функции, затем вигье — королевский судья; в помощь им — «судебные исполнители и помощники коннетабля»,

⁴⁴ HGL, t. 8, col. 1042—1045; *Cart. Carcas.*, v. 5, p. 328.

⁴⁵ *Ordonnances*, t. 1, p. 846.

⁴⁶ *Cart. Carcass.*, t. 6, 1, p. 7.

⁴⁷ Два пекаря, два сапожника, кузнец, пекарь, брадобрей (*Mémoires*, 1849, t. 1, p. 241—243).

⁴⁸ *Poux J.* La cité, p. 90.

⁴⁹ *Layette*, t. 2, p. 147—152.

⁵⁰ Оно включает сначала 12 диоцезов: Каркассона, Нарбонны, Сен-Понса, Агда, Алета, Сен-Популя, Мирепуа, Альби, Кастра, Безье, Памьера (*Lognon A.* Atlas historique de la France depuis César jusqu'à nos jours. Paris, 1883, t. 3, p. 249), а в XIV в. преобразовано в сенешальство Каркассона и Безье с 15 диоцезами (*Recherches sur divers services publics du XIII-e au XVII-e siècles*. Par Le Colonel Borrelli de Serres. Paris, 1904, t. 2, appendices B.).

взимающие с горожан контрибуции, талли, штрафы и вспоможествования в королевскую казну⁵¹. Горожане сразу ощутили, что новый сеньор — король стрижет городское накопление жестче, чем прежние феодальные сеньоры. К этому добавились и страшные гонения, обрушившиеся на всех подозреваемых в ереси. Булла папы Иннокентия III объясняет, почему французский король прямо заинтересован в увеличении количества жертв: «Мы повелеваем, чтобы имущество еретиков подвергалось конфискации. Имущество еретиков, отрекшихся от ереси, не будет возвращено им»⁵². До официального учреждения инквизиции в Каркассоне (1233 г.)⁵³ львиная доля добычи от конфискаций поступала в королевскую казну. Ни один горожанин, особенно зажиточный, не был уверен, что его в любой день не схватят по обвинению в ереси, не бросят в тюрьму, не отправят на костер. Имущество же его из свободного наследственного достояния превратилось в объект грабежа и наживы, и чем значительнее было имущество, тем ближе горожанин был к осуждению.

В 1228 г. был издан королевский ордонанс против еретиков Лангедока⁵⁴. Его содержание сводилось к следующему: 1. Никто не должен укрывать или брать под защиту еретика, имущество его должно быть конфисковано⁵⁵; 2. Балль и чиновники короля представляют королевскую администрацию в областях, зараженных ересью; 3. С каждого осужденного еретика балль взимают 2 марки, а через год еще 1 марку; 4. Они же делают движимое и недвижимое имущество еретиков⁵⁶; 5. Миряне обязаны вернуть церкви все десятины и не посягать на них впредь. Этот документ вскрывает классовые основы борьбы короля с ересью: это прежде всего средство пополнения казны за счет захвата имущества горожан.

Страшные опустошения, экономический, политический и религиозный гнет, грабеж и обирательство неизбежно должны были вызвать у горожан ненависть к французскому владычеству. Ярко выразил в своей сирvente этот пламенный дух воз-

⁵¹ *Lot F. et Fawtier R.* Histoire, t. 1, p. 93, 96.

⁵² Цит. по кн.: *Лу Г. Ч.* История, с. 317.

⁵³ См.: HGL, t. VI, p. 674; *Lot F. et Fawtier R.* Histoire, t. 1, p. 92.

⁵⁴ *Ordonnances*, t. 1, p. 50—53.

⁵⁵ Имущество подозреваемого в ереси поступало королевским чиновникам сразу же по наложению секвестра, как только подозреваемый вызывался на допрос, и тут же начинался грабеж этого имущества.

⁵⁶ Дележ происходит между королем и церковью. Естественно, этот первый документ еще не фиксирует точных размеров доли каждого из грабителей. Позднее они установятся как примерно равные.

мущения и сопротивления провансальский трубадур Пейре Кардиналь (1225—1272)⁵⁷:

«Французы — чужеземцы и монахи —
Зло возвели в священный атрибут,
Повсюду грабят, а добро себе гребут.
И вся вселенная уже во мраке.
Но веру истребив, с богатствами — куда?
Придет другой всевидящий грабитель
И сам разоблачит их донага». (Перевод наш. — М. К.)

Восстание назревало, и в 1240 г. разразилось.

В апреле 1240 г. опальный, отлученный от церкви виконт Раймун-Ружер II⁵⁸ призвал всех недовольных к выступлению против французов. Первым откликнулся Каркассон, жители бурга встречают своего прежнего сеньора как освободителя. В ночь с 8 на 9 сентября они открывают ворота бурга войску Тренкавеля и расправляются с ненавидимыми церковниками⁵⁹. Оставшихся в живых 30 клириков не спасают даже гарантии виконта и пропуск на выход из бурга: уже на пути в Нарбонну настаивают их горожане и истребляют⁶⁰. Начинается осада Ситэ — гнезда чужеземцев-мародеров. Королевский гарнизон и оставшееся верным королю служилое дворянство⁶¹ с трудом отбивают атаки осаждающих⁶². Наконец, 30 сентября восставшие прорываются в южную часть цитадели, атакуют замок⁶³. Ситэ Каркассона представлял для того времени исключительно сильную, почти неприступную цитадель, окруженную

⁵⁷ «Frances e clerç an lauzor
De mal, quar ben lur en pren,
E renovier e trachier
An tot lo segl' eysamen:
Qu' ab mentir et ab barat
An si ton lo mon torbat,
Que no y a religio
Que no sapcha sa lessa.
Saps qu'esdeven la ricor
De selhs que l'an malamen?
Venra un fort raubador
Que non lur laissara ren».

(Raynouard M. Choix des poésies originales des troubadours. Paris, 1819, t. 1, p. 357).

⁵⁸ После установления сюзеренитета французского короля виконт Тренкавель в 1227 г. был отлучен от церкви, в 1229 г. скрылся в Каталонию и там сформировал войско из эмигрировавших дворян и наемников-арагонцев (Poux J. La cité, 1923, p. 21).

⁵⁹ Madaule J. Le drame albigeois et destin français. Paris, 1961, p. 170.

⁶⁰ Layettes, t. 2, p. 457; Le Bushier de Montsegur. Par Zoé Oldenburg. Paris, 1959, p. 335.

⁶¹ Эта солидаризация каркассонского рыцарства Ситэ с королевской властью в XIII в. была неизбежной. Дворянство постепенно отходит от общегородской борьбы, получив от короля (как ранее от Вернара Ата) ряд пожалований и привилегий.

⁶² Cart. Carcas., v. 5, p. 300; Les monuments, p. 16.

⁶³ HGL, t. 7, note 53, p. 448—461.

двумя рядами мощных каменных крепостных стен с барбаками, сторожевыми вышками и башнями⁶⁴. Даже осадные орудия крестоносцев не могли разрушить этих укреплений, но их пробил упорство и ожесточение доведенных до отчаяния горожан.

Мятеж каркассонцев становится тем более опасным, что, приняв характер восстания «против короля и церкви»⁶⁵, он мог послужить сигналом к отпадению и других только что присоединенных городов Юга. Вот почему Людовик IX спешно отправляет на помощь осажденным регулярные войска под руководством опытного полководца Жана Бомона. 11—12 октября, несмотря на ожесточенное сопротивление, восставшие потерпели тяжелое поражение. Бург — главное место сражения и центр сопротивления — был разрушен «destructus fuit burgus Carcassonae»⁶⁶. Источники содержат многочисленные жалобы на крайние бедствия, обрушившиеся на жителей бурга. Страшные разрушения, пожары, голод обезлюднили прежде цветущие предместья⁶⁷. Открытый грабеж и вымогательства венценосного победителя не знали предела. В 1247 г. Людовик IX облагает сенешальство непомерной контрибуцией, при этом на Каркассон падает большая доля⁶⁸. По королевскому приказу коммуна Каркассона сверх того должна была выплатить церкви 2000 ливров⁶⁹. В 1246 г. король полностью берет под свою руку каркассонский Салин и уже бесконтрольно обирает богатейший соляной рынок⁷⁰. Вновь усиливаются гонения на еретиков, теперь уже с санкции короля. Только за три месяца 1249 г. в Каркассоне были осуждены 105 еретиков⁷¹. В ответ на пять прошений-протестов относительно зверских расправ, чинимых епископом в Каркассоне, король за та-

⁶⁴ Helliot P. L'âge de chateau de Carcassonne.— Annales du Midi, 1966, t. 78, f. 1; Morel P. Carcassonne. La cité. Grenoble, 1939.

⁶⁵ «Contra D. Regem Francorum et Ecclesiam» (Cart. Carcas., v. 6, pt. 1, p. 4).

⁶⁶ HGL, t. 8, note 9, p. 39; Ibid., t. 7, note 58, p. 448—461.

⁶⁷ Слободы были преданы огню и до 1247 г. лежали в развалинах (Belperron P. La croisade, p. 418—420). В апелляциях королю и жалобах королеве каркассонцы указывали, что они доведены до крайности не только опустошением, но и голодом: «Никто из нашей общины не имеет продовольствия» (HGL, t. 8, N 332, col. 1042—1045).

⁶⁸ Cart. Carcas., v. 5, p. 302.

⁶⁹ Poux J. La cité, p. 121.

⁷⁰ Cart. Carcas., v. 5, p. 303. В том же году, после изъятия огромных выкупных сумм, зажиточные каркассонские евреи были брошены в тюрьму, и Людовик IX приказал «вымучить из них все, что можно еще выжать» (Лу Г. Ч. История, с. 625).

⁷¹ Carayon Ch. L'Inquisition, p. 32.

кое рвение церковника в деле искоренения ереси расширяет епископские земельные владения⁷². Король открыто поддерживает инквизицию: Людовик Святой в письме к сенешалу Жану де Крани приказал, чтобы тот занял для инквизиторов все пригодные для тюрем дома в Каркассоне⁷³. В 1258 г. по его указу под стенами Ситэ был построен новый страшный застенок⁷⁴. Но поскольку аппетиты грабителей все росли, подозреваемых в ереси оказывалось так много, что все тюрьмы были переполнены, и в ожидании следствия горожане гибли сотнями «*in carcere domini regis*»⁷⁵. Это еще раз указывает, что борьба с ересью была для короля лишь прикрытием для наказания непокорных мятежников и источником обогащения. Убедившись, что именно ремесленно-торговая масса бургов — главная боевая сила мятежников, король приказал полностью уничтожить бурги, скрыть их. Это обнаруживает, во-первых, антифеодальную основу каркассонского восстания 1240 г. как восстания ремесленно-торгового населения бургов, и, во-вторых, классовый смысл королевских репрессий.

При явной поддержке обездоленных жителей каркассонских предместий опальный виконт Тренкавель еще в течение 5 лет делал набеги из Испании на свою бывшую отчину, пытаясь освободить Каркассон⁷⁶. Опасаясь новых восстаний, коронованный правитель решил разъединить Каркассон и каркассонцев. Он приказал очистить пространство за стенами Ситэ, а начавшие здесь вновь возрождаться предместья⁷⁷ перенести на противоположный правый берег Оды⁷⁸. Казалось, бурги были уничтожены. Но городская закваска оказалась очень сильной. Обескровленный Каркассон вновь набирает силы со второй волной новоселов, прихлынувших из ближайших деревень и возродивших город из пепла. Данные антропоники показывают, что, по меньшей мере, каждый восьмой бургожанин — новоприходец, большинство из них — жители деревень

⁷² Roux J. La cité, p. 168.

⁷³ Cart. Carcas., v. 5, p. 627.

⁷⁴ Roux J. La cité, p. 156.

⁷⁵ HGL, t. 8, col. 372.

⁷⁶ HGL, t. 5, note XXI, p. 105.

⁷⁷ Бурги начали отстраиваться лишь после того, как виконт официально передал свои владения королю в 1247 г. (HGL, t. 7, note LVIII, p. 461).

⁷⁸ HGL, t. 7, p. 448—456. В 1262 г. это предписание начинает практически выполняться (HGL, t. 8, col. 1497—1498; Enquête administratives d'Alfonse de Poitiers; arrêts de son parlement tenu à Toulouse (1249—1271). Paris, 1959, p. LXIX).

Каркаса. По «географическим фамилиям» в списке 826 каркассонцев удалось определить около 110 человек из 48 городов, местечек, сел⁷⁹. Новоселы быстро осваивают ведущие ремесла города, становясь по преимуществу кожевниками (37), изготовителями тканей (9), портными (7) и так далее⁸⁰. В середине XIII в. вставшие из развалин слободы⁸¹ объединяются в единый «Новый бург»⁸². Однако вскоре сюда нахлынуло хищное духовенство⁸³. Церковники каркассонского капитула предъявляют свои права на две хлебопекарни и половину третьей печи в Новом бурге⁸⁴. В 1259 г. они пытаются добиться монопольного права застройки центральной торговой артерии Бурга⁸⁵. Но попытки ввести баналитеты и монополии натолкнулись на решительное сопротивление жителей бургов, которые подали протест в городской суд, а затем апеллировали к королю. Король, уже ощутивший в 1240 г. силу сопротивления городских масс, вынужден был отказать церковникам в их феодальных притязаниях⁸⁶. Эта победа станет еще более убедительной, еще нагляднее покажет возросший экономический и политический вес ремесленников и торговцев Бурга, если вспомнить неудачу подобного же сопротивления населения слобод в XII в.⁸⁷ Характерна высокая концентрация ремесленно-торгового населения Каркассона этого периода: 14—16% от общего числа горожан, по сравнению с 8% в XI в. Показателен тот факт, что кроме ремесленников, чье родовое имя называет их профессию (40%), появляются фамилии с обозначением ремесленной специальности их владельца. Количество ремесел — более 30, из них наиболее распространенные в Бурге: кожевенное (сыромятники, дубильщики, кожевники, скорняки) и суконное (суконщики, сукновалы, тка-

⁷⁹ Акт присяги от 1226 г. In: Mémoires, t. 2, p. 243—252.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Постепенно разрастается бург Сен-Венсен, из него выделяется в XIII в. бург Нотр-Дам (Cart. Carcas., v. 5, p. 325).

⁸² «Burgus novus» называются в 1259 г. вновь отстроенные предместья между Ситэ и Одой (HGL, t. 8, p. 1443).

⁸³ Уже в 1252 г. действовали церкви: Сен-Мишель, Сен-Венсен и Нотр-Дам. Возникло 8 монастырей, в том числе Братьев проповедников и Братьев миноритов. Доминиканские и францисканские монахи наводняют предместья (Douais. Documents, p. 116—117).

⁸⁴ HGL, t. 9, p. 61.

⁸⁵ «Таким образом пытаюсь отторгнуть ее от общего достояния общины Бурга» (Цит. по кн.: Bouges R. P. Histoire ecclésiastique et civile de la ville et diocèse de Carcassonne. Paris, 1741, v. 1, p. 181).

⁸⁶ HGL, t. 8, p. 61.

⁸⁷ Cart. Carcas., v. 5, p. 639.

чи)⁸⁸. Отсюда понятным становится тот прецедент, что население бургов Каркассона в 1240—1263 гг. пользовалось правами самоуправления и некоторыми политическими привилегиями, которых лишены были жители Ситэ⁸⁹. Показательно и то, что только в 1276 г. Филипп III разрешает укрепить Новый бург, обнести его стенами⁹⁰.

Не прекращается и борьба жителей Бурга за сохранение своих муниципальных вольностей. С 1247 г. в Ситэ и Бурге Каркассона королевской властью была введена раздельная юрисдикция⁹¹. При этом бургожане пользуются привилегиями, которые распространились на жителей Ситэ только в 1263 г.⁹². Король, освобождая от налогов привилегированное «сословие» Ситэ, стремился отколоть городское служилое рыцарство от общегородской борьбы. Ремесленники Бурга жалуясь на налоговый гнет, который ложился на их плечи, добивались, чтобы дворянская верхушка Ситэ также платила подати и налоги. В это время в Каркассоне ведутся многочисленные тяжбы консулов и жителей Бурга с королевскими чиновниками и рыцарями Ситэ⁹³. Противоречия между Ситэ и Бургом обостряются резче, вырастает стена отчуждения⁹⁴. Бург в XIII в. аккумулировал собственно городскую жизнь Каркассона, как ранее он был очагом ее зарождения.

В результате всех этих усилий, доказывающих укрепление сплоченности ремесленно-торговой массы Каркассона, Бург на новом месте стремительно разрастается. При этом не хаотически, как раньше, а по плану: с ровными, расположенными под прямым углом улицами, рынком на центральной площади, многочисленными лавками и ремесленными мастерскими⁹⁵. Не случайно Бург получает название «Нижний город»⁹⁶. И, несмотря на то, что застройка шла по повсеместно вводимому

⁸⁸ Подсчеты сделаны на основании анализа списка свидетелей (Mémoires, t. 2, p. 243—252).

⁸⁹ Besse G. Histoire des comtes de Carcassonne. Carcassonne, 1645, p. 228.

⁹⁰ Cart. Carcas., v. 6, pt. 11, p. 7.

⁹¹ Ситэ управлял королевский сенешал и коннетабль, бургом — вилье (Poix J. La cité, p. 72, 256).

⁹² К сожалению, о них говорится только в общей фразе: «franchisia, quam gaudent homines de burgo Carcassona» (Cart. Carcas., v. 5, p. 334).

⁹³ Curie-Seimbres M. A. Essai sur les villes fondées dans le sud-ouest de la France aux XIII-e—XIV-e siècles sous le nom générique de bastides. Toulouse, 1880, p. 31.

⁹⁴ По замечанию Ф. Эно, разногласия между Ситэ и Нижним городом прекращаются только к концу религиозных войн во Франции. XVI века (Enaud F. Cités de France. Paris, 1956, p. 31).

⁹⁵ Cart. Carcas., v. 6, pt. 1, p. 324, 374.

⁹⁶ Ibid., v. 5, p. 636.

королевской властью типу бастид,— вопреки плану, сразу же здесь определяется топографическая локализация ремесел⁹⁷. Это дает возможность предположить существование уже с середины XIII в. цеховой организации каркассонского ремесла⁹⁸. Оформление цехов в Каркассоне явно запоздало. Впервые существование ремесленных корпораций зафиксировано в 1307 г.⁹⁹. Цеховые регламенты изданы: сукновалов в 1335 г.¹⁰⁰, мясников в 1359 г., цирюльников в 1392 г., сапожников в 1402 г.¹⁰¹. Развитие ремесленных корпораций показывает активную необходимость цехового сплочения ремесленно-торговой массы бургожан и аптисеньориальную направленность этой консолидации¹⁰². Неудачные попытки графов Монфортов¹⁰³, а затем короля¹⁰⁴, запретить цехи в Каркассоне — сви-

⁹⁷ В 40—50 гг. XIII в. в Новом Бурге появляется «Tenda» — специальное место под навесом, где сукновалы вытягивали и сушили сукно. Вероятно, сукновалы, совместно построившие и использующие дешёвую стоящую «тенда», уже профессионально сплотились. В 1260 г. источники отмечают в Бурге улицу кузнецов; в 1270 г. — улицу портных; в 1277 г. — улицу сапожников (Cart. Carcas., v. 6, pt. II, p. 84, 129, 361).

⁹⁸ Начало цехового сплочения можно смело отнести к началу XIII в. Так, по подсчетам Ж. Сотеля, из 728 горожан в 1226 г. 150 были членами цехов (Sautel G. Les villes du Midi méditerranéen au Moyen Age, La ville, 2-me partie. Bruxelles, 1955, p. 347). Справедливо заметил Мартен-Сен-Леон, крупнейший знаток истории цехового строя во Франции, что корпоративное развитие ремесел Каркассона прерывается альбигойскими войнами и возрождается вновь к XIV в. (Martin Saint-Léon E. Histoire des corporations de métiers. Paris, 1922, p. 261).

⁹⁹ «collegii corpus habeant» (HGL, t. 10, p. 459).

¹⁰⁰ Ordonnances, t. 2, p. 89.

¹⁰¹ Cart. Carcas., v. 6, pt. II, p. 66, 60, 84.

¹⁰² В этом каркассонский материал, равно как и тулузский и монпельерский (См.: Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969, с. 189—259; Осипов В. И. Развитие ремесла в Монпелье в XII—XIV вв. и проблема «свободного ремесла». — В кн.: Аспирантский сборник СГУ, 1966, с. 18—46), снимает правомерность утверждения, что для городов Южной Франции в средние века характерен специфический, свободный, внецеховой путь развития (см.: Ревуненкова Н. В. Монпелье в XII в. Очерк экономической и социальной истории. Л., 1966, с. 122). Цеховое развитие ремесла доказывают и Ф. Оливье-Мартен, и М. Бувье-Ажан, и особенно А. Гурон (Olivier-Martin F. L'organisation corporative de la France d'ancienne régime. Paris, 1938, p. 257—258; Bouvié-Ajeim M. Histoire du travail en France. Paris, 1957, p. 249; Gouron A. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Genève — Paris, 1958, p. 373).

¹⁰³ Сначала Симона де Монфора, затем его брата Амори (Dognon P. Les institutions politiques et administratives du pays de Languedoc du XIII-e siècle aux guerres de religion. Toulouse, 1895, p. 59).

¹⁰⁴ В 1270 г. король через сенешала запретил в Каркассоне все «недозволенные союзы» (Inventaire des archives communales antérieures à 1790/Publ. par G. Mouynès, Narbonne, 1871, t. 1, p. 96).

детельство феодально-эксплуататорской сущности городской политики сеньоров-завоевателей. Борьба ремесленников и торговцев Каркассона за создание своих профессиональных организаций и ее успехи как нельзя лучше свидетельствуют, что именно цехи при феодализме являлись формой реализации свободы труда, свободы от феодальной эксплуатации, как прямой, так, в значительной мере, и косвенной¹⁰⁵. Цехи в развернувшейся затем в Каркассоне активной борьбе против инквизиции аккумулировали и антицерковные настроения горожан. Но это требует специального рассмотрения.

Итак, стремление горожан, в первую очередь — массы ремесленников и торговцев, к экономической свободе от сеньориального гнета, а потому — и к городской независимости, — определяло в конечном итоге сущность освободительной борьбы в Каркассоне в XIII в. Принимая иные, чем в предшествующем столетии формы — еретического альбигойского движения и выступлений против сеньора-короля, эта борьба была естественным продолжением коммунального движения XII века, иным выражением того, что Ф. Энгельс называл «революционной оппозицией феодализму»¹⁰⁶.

М. М. Яброва

ЗАЧАТОЧНЫЕ ФОРМЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЛОНДОНЕ XIV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА

Наступление купеческого капитала на ремесленников отчетливо прослеживается в Лондоне уже с первых десятилетий XIV века¹. Оно сопровождается не только разорением мелких самостоятельных производителей, но и их последующим подчинением и эксплуатацией. Именно в этот период в Лондоне

¹⁰⁵ См.: Маркс К. Машины. Применение природных сил и науки. — *Вопр. истории естествознания и техники*, 1968, вып. 25, с. 51—52.

¹⁰⁶ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. — *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 7, с. 361.

¹ См.: Яброва М. М. О раннем этапе проникновения купеческого капитала в мелкое производство в Лондоне. — В кн.: *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества*. Л., 1974, вып. 1.

при господстве еще цехового ремесла зарождаются новые формы производства, зачатки капиталистической эксплуатации.

Факты свидетельствуют о пульсирующем, волнообразном развитии новых форм эксплуатации. Это было следствием борьбы противоположных тенденций, определявших эти процессы. Цеховые ограничения, запреты, прямое насилие сдерживали возникновение новых форм производства, душили их; они появлялись, угасали, возникали снова. К затуханию новых форм производства приводила и определенная узость рынка. Там, где рынок расширялся, возникали новые формы эксплуатации, появлялись возможности их стабилизации. При таком прерывистом развитии необычайно трудно уловить зачатки новых форм производства.

Нельзя не отметить и определенную фрагментарность и, что еще важнее, скрытность источников. Новые формы производства, всегда связанные с нарушением гильдейских уставов, возникающие вопреки им, естественно, не рекламировались. В большинстве случаев мы можем уловить их там, где события приобретали форму скандала. Отсюда и своеобразие источниковедческой базы.

В англо-американской историографии прошлого и в настоящее время эта проблема затрагивалась попутно, наряду с другими. Уже Анвин, занимаясь более поздним периодом, сделал ряд наблюдений относительно XIV века, находя именно в это время зачатки капиталистического производства². Эта линия продолжена в работах Липсона, Сильвии Трап, Брайдбери³. В ряде исследований более частного характера, таких, как работы Джонсона, Вила, Хэтчера⁴, зарождение раздачи сырья датируется XIV, а то и XIII веком, но, к сожалению, эти утверждения звучат в значительной мере декларативно и не подкреплены анализом источников.

В советской исторической науке в последние десятилетия явно возрос интерес к генезису капитализма, а в связи с этим и к различным формам раннекапиталистического производства. Работы А. А. Кирилловой, В. И. Кулагина, Н. М. Мещеря-

² *Unwin G. Industrial Organization in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Oxford, 1904, p. 85—88.

³ *Lipson E. The Economic History of England*. L., 1939, v. 3; *Thrupp S. The Merchant class of medieval London in XV Century*. Chicago, 1948; *Bridbury A. R. Economic Growth England in the Later Middle Ages*. L., 1975.

⁴ *Johnson A. H. The History of the worshipful company of Drapers of London*. Oxford, 1914, v. 1—2; *Veale E. M. The English fur trade in the later middle ages*. Oxford, 1966; *Hatcher J. English Tin Production and Trade before 1550*. Oxford, 1973.

ковой, В. В. Штокмар⁵ представляют в этом плане несомненный интерес. Несмотря на то, что в них рассматриваются в основном XVI и только частично XV век, т. е. время, когда, наряду с раздачей сырья, широко прослеживаются простая капиталистическая кооперация, рассеянная и централизованная мануфактура, фактический материал и теоретические обобщения, приведенные названными авторами, помогают осмыслить и предшествующий этап развития. Для нас особенно важна постановка вопроса и материал, приведенный в статьях А. А. Кирилловой и В. И. Кулагина. Хронологически и теоретически они вплотную примыкают к интересующей нас проблеме.

Источники, которыми мы располагаем, несмотря на их отрывочность, дают возможность в какой-то мере проследить истоки этих процессов. Мы пользуемся ордонансами гильдий, протоколами судебных разбирательств в лондонской мэрии и некоторыми дополнительными данными⁶.

Как уже отмечалось, раздача сырья являлась первой зачаточной формой капиталистического производства. Самым тесным и непосредственным образом она связана со скупкой готовых изделий, ибо мелкий производитель до тех пор может считаться полностью самостоятельным, пока он сам связан с рынком. Как ни изменчива конъюнктура рынка, весь доход от продажи изделий его труда принадлежит ему самому, впрочем, как и все убытки.

Со временем для мелкого производителя становится невозможным связываться с рынком самостоятельно. Резкое расширение рынка и его отдаленность делают фигуру скупщика экономически неизбежной. Ремесленник вынужден продавать ему свой товар по самой низкой цене, скупщик продает его на

⁵ Кириллова А. А. Вопросы социальной и классовой борьбы в английском городе XIV—XV вв.— Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина, 1968, т. 29. Она же: Организация внецехового ремесла в английских городах XVI в.— В кн.: Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975; Кулагин В. И. Структура английского внецехового ремесла XV—XVI вв.— Там же; Мещерякова Н. М. Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI—первой половины XVII века.— В кн.: Проблемы генезиса капитализма. М., 1978; Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.

⁶ См.: Riley H. T. Memorials of London in the XIII, XIV and XV centuries. L., 1868; Memorials of the Goldsmiths Company being cleaning from their Records between the Years 1335 and 1815 with an introduction and notes written and compiled by Sir Walter Sherburne Prideaux. L., 1896, v. 1; Welch Ch. History of the worshipful Company of Pewterers of the City of London based upon their records. L., 1902, v. 1.

рынке — по самой высокой. Доход его велик, ибо он имеет дело с массой производителей. На русском материале В. И. Ленин детально проследил, как непосредственный производитель, в недавнем прошлом вполне самостоятельный, отрывается от рынка сбыта⁷. Но подчинение ремесленника становится полным, когда начинается процесс раздачи сырья. Скупка изделий вынуждает ремесленника больше работать. Растет и количество лиц, занятых в изготовлении товаров. Следовательно, увеличивается потребность в сырье, приобрести которое сам ремесленник, целиком занятый в производстве, не имеет возможности. Скупщик начинает одновременно выполнять функции раздатчика.

Раздача сырья способствовала формированию класса наемных рабочих, ибо по сути дела именно в процессе отделения от рынка сырья мелкий производитель начинает окончательно терять свою самостоятельность. Он еще не является наемным рабочим в собственном смысле слова, ибо, работая на дому, может заниматься и другими делами, иными промыслами, он еще не отделен полностью от средств производства. Но это не за горами, его доход теперь фактически сводится к зарплате. Именно она воспроизводила его рабочую силу. Плата за скупленные товары устанавливалась скупщиком и раздатчиком в минимальных размерах. Став зависимым, мелкий производитель вынужден был не только перенапрягать свои силы, но и привлекать к труду своих домочадцев, пытаясь сохранить хоть какую-то самостоятельность.

Скупщики и раздатчики сырья способствовали разорению и последующему подчинению не только ремесленников, которые были непосредственно зависимы от них. Они ставили в затруднительное, а зачастую и безвыходное положение мелкого самостоятельного производителя, который сам выходил со своими товарами на рынок. Последний не имел реальной возможности конкурировать со скупщиком, который, устанавливая низкие цены, скупал продукцию, произведенную ремесленниками, и, следовательно, мог дешевле продавать изделия на рынке (или, если это был полуфабрикат, раздавать его другим ремесленникам), получая при этом солидную прибыль. Так что в любом случае мелкий самостоятельный производитель был обречен на разорение и потерю самостоятельности. И скупка изделий, и особенно раздача сырья способствовали дальнейшему обогащению скупщика и раздатчика, формированию из него капиталиста.

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 358—368.

Явственнее всего (и, вероятно, прежде всего) зачаточные формы капиталистической эксплуатации возникали в тех ремесленных отраслях, где разделение труда было очень детальным, и промежуточные звенья производства были рассчитаны не на индивидуального потребителя в собственном смысле слова. Например, в сукноделии целый ряд операций завершается с расчетом на такого покупателя, который пустит полупродукт дальше в производство. Проникновение скупщика в эти отрасли обусловлено самим характером производства, при дальнейшем разделении труда без него просто было трудно обойтись. Действительно, если готовое сукно может купить потребитель для платья, то полуфабрикаты на какой-нибудь ступени производства этого товара логичней продать скупщику, ибо у индивидуального потребителя они пользуются меньшим спросом. Но с этого момента скупщик столь же необходимо должен стать раздатчиком, ибо он может скупленные полуфабрикаты (например, пряжу или свалянное сукно) продать также только ремесленникам для дальнейшей обработки. От скупщика такого рода товаров до раздатчика работы — один шаг.

Итак, те отрасли производства, где возможно детальное разделение труда, в большей степени привлекают купеческий капитал. Вмешательство последнего в производство здесь более вероятно и часто. Рано возникают капиталистические формы эксплуатации и в тех отраслях ремесла, которые требуют значительных капиталовложений.

Факты показывают, что возникновение капиталистического производства даже на самых ранних этапах связано с резким расширением рынка для изделий данного ремесла⁸. Именно в этом кроется неизбежная связь развития раннекапиталистических форм производства и торговли внутренней и особенно внешней. На первых порах чаще всего развитие новых форм производства было связано с развитием внешней торговли, бурный расцвет которой иногда маскировал ту сложную перестройку ремесла, которая происходила подспудно. Однако надо иметь в виду, что место и роль торговли на различных этапах развития раннекапиталистических отношений не однозначны. К. Маркс, занимаясь историей купеческого капитала, обратил на это внимание. Само возникновение ранних форм раннекапиталистического производства невозможно было без торговли, ибо последняя «развивает продукт в товар отчасти

⁸ Это, очевидно и на примере Флоренции (Рутенбург В. И. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. М.—Л., 1951, гл. 4).

тем, что создает для него рынок, отчасти тем, что доставляет новые товарные эквиваленты, а для производства — новые сырье и вспомогательные материалы...»⁹. С дальнейшим развитием капиталистического производства, когда складывается мануфактура, она «...сама создает себе рынок, завоевывает его своими товарами»¹⁰. С этого момента принципиально меняется роль торговли в обществе. «Теперь торговля становится слугой промышленного производства, для которого постоянное расширение рынка является жизненным условием»¹¹. В этом неразрывная и диалектическая связь развития промышленности и торговли.

По всей видимости, первой отраслью производства, где возникли зачаточные формы капиталистической эксплуатации в Англии, было сукноделие. Очень раннее детальное разделение труда, наличие прочного и обширного рынка для грубых английских сукон во Фландрии должны были способствовать наиболее раннему возникновению здесь системы раздачи сырья. Как отмечал Е. А. Косминский «...именно в XIV—XV веках было заложено начало английской суконной промышленности, рассчитанной на экспорт и сыгравшей такую крупную роль в развитии английского капитализма»¹². Данные, которые приведены в работе Брайдберри, свидетельствуют о том, что в английском сукноделии уже в первой половине XIV в. началась глубокая внутренняя перестройка. Иначе каким образом могло бы получиться, что с середины XIV века до его 90-х годов вывоз сукна из Англии вырос больше, чем в семь раз¹³. Но перестройка в большей или меньшей степени шла и во второстепенных ремеслах.

Очень отчетливо прослеживается раздача сырья, причем исключительно ранняя, в выделке мехов. Разумеется, эта отрасль ни в Англии, ни в какой-нибудь иной стране Западной Европы не была ведущей. И вместе с тем перестройка именно

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1, с. 369.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Косминский Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? — В кн.: Средние века. М., 1957, вып. 10, с. 270.

¹³ Таблицу экспорта сукна и шерсти с 1351 по 1540 год см. в кн.: Bridbury A. R. Economic Growth England..., p. 32. В 30-е годы XVI века сукна вывозится больше, чем шерсти, в 18 раз. Вывоз шерсти уменьшается далеко не так быстро и не в такой пропорции. В рассматриваемый период, т. е. с 1351-го по 1540 г. вывоз шерсти уменьшается примерно в 8,2 раза. В абсолютных цифрах (Брайдберри привел их в соответствие, поэтому сравнение вполне возможно) в 1351—1360 гг. шерсти вывозили больше, чем сукна, почти в 26 раз, в 1421—1430 гг. — меньше чем в 1,5 раза, в конце периода, в 1531—1540 гг. — почти в 6 раз меньше.

в этой профессии едва ли была случайной. Скорняжное ремесло требовало немалых средств (меха стоили дорого), здесь рано проявлялась имущественная дифференциация, рынок, хоть и не очень широкий, был достаточно устойчивым (меха покупали богатеи, верхний слой общества) и, кроме того, в выделке мехов довольно рано наметилось разделение труда. Таким образом, налицо условия, которые создавали возможность возникновения зачаточных форм капиталистического производства.

В источниках XIV века налицо весьма дробная производственная терминология, которая свидетельствует о разделении труда среди так называемых скорняков. Есть собственно скорняки, которые занимались обработкой шкур, в источниках они фигурируют под названием *peltagers* или *tawyers*, есть меховщики — *skinners*. И те и другие выступают как члены разных гильдий, которые тем не менее были тесно связаны между собой. Вил приводит сведения о первых столкновениях этих профессий, они относятся к самому концу XIII века, точнее к 1300 году¹⁴. В этом году часть лондонских скорняков объединилась в борьбе против меховщиков с целью повысить оплату за выделку шкур. К сожалению, мы не знаем, сколько получали скорняки прежде за такую же работу, однако едва ли можно говорить об их победе. Было установлено, что за обработку тысячи шкур *greuwerke* (первоначальная обработка?) они будут получать 5 ш. 6 п. Это соглашение должно было контролироваться тремя меховщиками и одним скорняком¹⁵. Соотношение контролеров за выполнением этого соглашения свидетельствует о том, что меховщики, очевидно, гораздо более богатые, чем скорняки, подчинили себе последних и смогли это сделать именно как скупщики и раздатчики сырья: ведь на рубеже XIII—XIV веков скорняки выступают не просто как низшая гильдия, а как люди, выполняющие свою работу за определенную плату. (Заметим, им платят не за шкурки, а за их выделку, за работу.) Следовательно, сырье принадлежало меховщикам, они его раздавали и довольно широко, ибо плата шла за каждую тысячу шкур. А поскольку скорняки в 1300 году уже требовали повышения оплаты их труда, очевидно, раздача сырья началась раньше зафиксированных событий, и к рассматриваемому периоду это уже были сложившиеся отношения.

¹⁴ Veale E. M. The English fur trade in the later middle Ages. Oxford, 1966, p. 50.

¹⁵ Ibid.

Борьба между этими профессиями продолжалась и в дальнейшем, но самые драматические события произошли в 1365 году, когда лондонская мэрия издала ордонанс для скорняков. Не вызывает сомнений, что его истинными авторами были меховщики. Согласно ордонансу, устанавливалось, что ни один из скорняков не имеет права выполнять работу для купцов, торгующих с прибалтийскими странами (или купцов оттуда), фламандцев или других лиц, из какого бы места они ни происходили¹⁶. Работать они могут только для лиц, которые являются меховщиками, фрименами Лондона, и владеют лавкой, зарегистрированной гильдией меховщиков. За каждое замеченное отступление от этого постановления нарушитель должен платить штраф в размере 6 ш. 8 п. в мэрию и 40 п. меховщикам¹⁷. Защита интересов раздатчиков сырья выражена недвусмысленно. Скорняки совсем отрезаются от рынка сбыта, у них не остается ни малейшей возможности установить самостоятельные связи с купцами. Штраф очень высок, и, если соразмерить его с заработной платой, просто непосилен для скорняков.

При внимательном чтении проступает и еще одна любопытная деталь. Ордонанс защищает интересы не просто гильдии меховщиков, а определенной ее части — интересы раздатчиков сырья. Ибо в самой компании меховщиков дифференциация к этому времени зашла достаточно далеко. Вил считает, что среди меховщиков было множество не фрименов. Были и бедняки, которые не могли открыть своей лавки¹⁸. (Такое неравенство было обычным для всех лондонских компаний и гильдий.) Они в большинстве работали на мелкий заказ из материала заказчика, часто в доме последнего, подгоняли и перерабатывали старые меха и т. д. Ордонанс защищал *богатейшую* часть меховщиков — скупщиков полуфабрикатов и *раздатчиков сырья*, связанных с внешним рынком. Скорняки были обречены на обработку чужого сырья, им запрещалось покупать меха, купленный мех сразу конфисковывался, $\frac{2}{3}$ шли в пользу мэрии, $\frac{1}{3}$ меховщикам, кроме того, провинившийся подвергался аресту на 14 дней¹⁹. Не мог скорняк выступать и в роли маклера между розничными торговцами под страхом уплаты значительного штрафа — $\frac{1}{2}$ марки (1 марка — 13,6 ш.) и 10-дневного тюремного заключения. Привле-

¹⁶ Riley H. T. Memorials..., p. 330—331.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Veale E. M. The English fur trade..., p. 80.

¹⁹ Riley H. T. Memorials..., p. 331.

кает внимание мера наказания, совершенно несообразная проступку. Цель ясна: полностью изгнать скорняка из сферы торговли, подчинить его как платного работника, закрепить это положение.

По всей вероятности, эта жестокость в значительной мере объяснялась известной экономической незавершенностью данных процессов. Разумеется, проще всего предположить, что меховщики, во всяком случае верхушка их, были богатыми купцами, а основная масса скорняков — бедными ремесленниками. И в значительной мере это будет соответствовать действительности. Но не полностью. Ибо само запрещение заниматься маклерством или самостоятельно закупать шкурки свидетельствует о том, что это еще было возможно. К рассматриваемому периоду какая-то часть скорняков еще в состоянии сохранять свое положение самостоятельно товаропроизводителя, и потребовались поистине драконовские меры открытого принуждения для того, чтобы подчинить их и держать в узде.

И, наконец, важной частью ордонапса 1365 года являлась новая строгая фиксация оплаты труда скорняков: за обработку 1000 шкурок серого белчьего меха — *Calabre* — 8 ш., 1000 шкурок *raian* — 8 ш., 1000 *herewerke* — 6 ш. 8 п. и т. д.²⁰ По всей вероятности, этот ордонапс был итогом продолжающейся борьбы скорняков и снова свидетельствовал об их поражении. У нас есть возможность сравнить только плату за выделку *herewerke*. В 1300 году максимальная плата за выделку 1000 шкурок составляла 6 ш., в 1365 г. — 6 ш. 8 п. Прибавка ничтожная, если учесть, что к этому времени, т. е. после Черной смерти, заработная плата в среднем росла значительно быстрее²¹. И не только в этом дело, все остальные пункты ордонапса свидетельствуют о стремлении полностью подчинить скорняков, приучить их к статусу платного работника. По существу, от наемного рабочего в данный период их отличало одно обстоятельство — они работали в своих мастерских и своими орудиями труда, пусть очень несложными, но своими, т. е. полной экспроприации еще не было. Поэтому и понадобилось в ордонапсе запретить скорнякам покупать для работы какой-либо мех, они могли работать только на чужом сырье. Ордонапс 1365 года шел в общем русле рабочего законодательства.

²⁰ *Ibid.*

²¹ Таблицу дневной платы рабочих см.: *Чистозвонов А. Н., Барг М. А.* Итоги исторического процесса в Западной Европе XIV—XV веков. — В кн.: *Проблемы генезиса капитализма.* М., 1978, с. 49.

Какова дальнейшая судьба скорняков? Вил считает, что в XV веке им удалось добиться известной независимости от меховщиков. Основания, которые он приводит в подтверждение этого заключения, едва ли выдерживают критику: некоторое повышение платы за работу²². Но ведь по-прежнему они оставались только рабочими. К сожалению, в источниках большие лакуны. Однако известно, что в 1464 году скорняки были поглощены компанией меховщиков на том основании, что, как пишет Анвин, только «меховщики должны были держать их на работе»²³.

Привлекают внимание некоторые факты из деятельности ювелиров. Несмотря на свое богатство, эта компания была в известной мере консервативней, чем многие другие. Предметы, которые производили ювелиры и которыми торговали, были рассчитаны на узкий круг потребителей, частично могли изготавливаться на заказ и т. д. Тем более интересны факты, которые свидетельствуют об определенной внутренней перестройке в ремесле ювелиров, о скупке готовых изделий, об элементах раздачи сырья. В 1377 году часть ювелиров подала петицию в парламент. В ней шла речь о принудительной скупке готовых изделий, по-видимому, более богатыми ювелирами. Петиционеры жаловались, что их заставляют подписывать различные обязательства в том, что они не будут продавать своих изделий никому из представителей других профессий. Отказавшихся сделать это хватало, угрожали им, даже сажали в тюрьму²⁴. В данном случае речь шла о скупке готовых изделий, а вот постановление компании ювелиров, которое вышло спустя два десятка лет, в 1399 году, дает основание для нескольких иных выводов. В этом году было постановлено, что никто не должен давать ювелирную работу женщине, которая замужем за человеком другой профессии. За нарушение этого постановления положен штраф в 6 ш. 20 п., доносчик получает 20 п.²⁵. Здесь многое привлекает внимание. Прежде всего, кому адресовано это постановление? Индивидуальному заказчику? Едва ли. В качестве индивидуальных заказчиков могли выступать самые разнообразные лица, из разных мест, кото-

²² *Veale E. M.* The English fur trade..., p. 130.

²³ *Unwin G.* Industrial Organization..., p. 44. По всей вероятности, меховщики присоединили и влили в свою компанию не всех скорняков, ибо какая-то их часть совместно с перчаточниками была абсорбирована между 1478 и 1517 годами торговцами кожей (*Ibid.*, p. 83). Примечательно, что и в этом поглощении ведущая роль принадлежала купцам.

²⁴ *Unwin G.* The Gilds and Companions of London. L., 1908, p. 77.

²⁵ *Prideaux W.* Memorials of the Goldsmiths Company, v. 1, p. 15.

рые никак не могли быть осведомлены о семейном положении мастера. Вернее всего постановление адресовано тем ювелирам, которые раздавали работу своим коллегам по профессии. Не вызывает сомнений и то, что женщины-ювелиров, да еще вступивших в брак с представителями других профессий, были единицы. Отсюда следует, что во всех других случаях раздача ювелирной работы была уже узаконена.

Перестройка производства шла и в добыче олова и в изготовлении оловянных изделий. Последнее нас интересует в первую очередь, ибо оно было сосредоточено в Лондоне. Хэтчер приводит любопытные данные, которые позволяют проследить связи лондонских изготовителей оловянных изделий с предпринимателями на оловянных рудниках в Девоншире и Корнуэлле²⁶. Эти данные явно свидетельствуют о развитии, преимущественно в XV веке, зачаточных систем раздачи сырья производства. Только наличием системы раздачи сырья можно объяснить тот факт, что к 40-м годам XV века старшины компании оловянных рудников смогли добиться постановления лондонского муниципалитета о том, что 1/4 всего олова, привозимого в Лондон, может скупаться ими²⁷. Представляется несомненным, что старшины компании в данном случае выступали в роли раздатчиков сырья. Необходимо в данном случае учесть то обстоятельство, что основная масса олова, которое добывалось на рудниках Девоншира и Корнуэлла, перевозилась в Саутгемптон и Лондон, а оттуда экспортировалась в другие страны²⁸. Большая часть его шла через Лондон, таким образом 1/4 олова в реальном виде — это очень большое количество. Нельзя не обратить внимание и на то, что старшины лондонской компании оловянных рудников теснейшим образом были связаны с оптовой торговлей этим сырьем. В 1451 году в лондонскую компанию оловянных рудников был принят Джон Догоу²⁹. Хэтчер квалифицирует его как одного из ведущих торговцев корнуэлльским оловом. Видимо это помогло ему быстро выдвинуться в компании оловянных рудников, в 1460 году он стал одним из ее старшин³⁰. В лондонской компании оловянных рудников этот период состоял и другой ведущий корнуэлльский торго-

²⁶ Hatcher J. Op. cit., p. 142.

²⁷ Welch Ch. Op. cit., p. 13.

²⁸ Ibid., p. 137—139. Хэтчер считает, что хотя до XV века олова вывозилось значительно меньше, чем сукна и шерсти, но рынок здесь территориально был не менее широким (Ibid., p. 3).

²⁹ Welch Ch. Op. cit., p. 39.

³⁰ Hatcher J. Op. cit., p. 138.

вец — Томас Бастсэд³¹. Это не исключает того, что среди старшин были разбогатевшие мастера. Старшины — раздатчики сырья — могли представлять как промышленную, так и купеческую часть компании.

Есть данные, которые свидетельствуют о зарождении в этот период и другой ранней формы капиталистического производства: простой кооперации. Они очень отрывочны, скудны и все же пренебрегать этими фактами едва ли возможно. Сразу оговариваемся: отдельные факты еще не могут свидетельствовать о стабильном развитии данной формы производства. Это были проблески, зародыши, которые могли и не иметь непосредственного продолжения. Но само появление их весьма симптоматично.

Простая кооперация отличается от ремесленной мастерской количественно. Это очень существенно, и Маркс убедительно показывает, что уже этот факт позволяет сократить рабочее время, необходимое «для изготовления совокупного продукта»³², следовательно, увеличивается производительность труда. Но самое главное заключается в том, что капиталистическая кооперация предполагает уже полное отделение работника от средств производства, ибо «...капиталистическая форма кооперации с самого начала предполагает свободного наемного рабочего, продающего свою рабочую силу капиталу»³³.

От последующей формы — капиталистической мануфактуры — кооперацию отличает отсутствие глубокого и детального разделения труда. Самые ранние упоминания о такой форме производства мы находим в ордонансе перчаточников от 1349 года. «...Некоторые лица, — пишут авторы ордонанса, — которые не являются членами данного ремесла, берут себе слуг из людей этого ремесла и сажают их тайно работать в своих домах, чтобы делать перчатки из гнилой и плохой кожи для продажи оптом иногородним розничным торговцам, прибывающим в Сити, во вред жителям и большому соблазну для добрых людей указанного ремесла»³⁴. В данном отрывке привле-

³¹ Ibid., p. 145. О тесных связях с оптовыми торговцами оловом свидетельствует и запись в протокольной книге компании от 1490—91 года о том, что за вино для корнуэлльских людей уплачено из общего фонда 3 п.: «Paide for ale whanne the Cornyashe men were at our halle iiii» (Welch Ch. Op. cit., p. 77).

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 339.

³³ Там же, с. 346.

³⁴ Riley H. T. Memorials..., p. 246.

кают внимание несколько моментов. Несомненно, что инициаторами создания этой формы производства выступают люди, которые профессионально не были связаны с гильдией перчаточников («которые не являются членами данного ремесла»). Несомненно, это были купцы. Издание ордонанса по этому поводу предполагает, что это был не единичный, эпизодический факт. Перчаточники на данном этапе были еще в состоянии добиться издания ордонанса и как-то защитить свои позиции, но положение, по-видимому, было в достаточной степени угрожающим.

Мы не располагаем сведениями, которые позволили бы говорить о продолжении этой формы производства в ремесле перчаточников или в какой-нибудь иной профессии в XIV веке. Источники весьма скудны и к тому же сдержанны. Но вот в середине XV века мы сталкиваемся с необычайно любопытным фактом. Внешне он, казалось бы, ничем особенным не примечателен. В это время в компанию оловянных изделий вступил торговец предметами роскоши Томас Даунтон. Его переход зафиксирован в протокольных книгах компании³⁵. Переход из одной компании в другую в рассматриваемый период был в достаточной степени распространен, а в иных случаях даже поощрялся³⁶. Но, как правило, переходили из низших компаний в высшие, такие переходы требовали определенных средств. Компания торговцев предметами роскоши стояла выше на ступеньках социальной лестницы, нежели оловянные изделия, она входила в число 12 Больших лондонских компаний, и более того, занимала среди них первенствующее положение. Трап считает, что Даунтон сохранил членство в двух ливрейных компаниях³⁷, не исключено, что дело обстояло именно таким образом³⁸. Что заставило Даунтона перейти к оловянным изделиям или добиваться второго членства? Из протоколов компании оловянных изделий от 1456 года мы узнаем, что в это время он ис-

³⁵ Welch Ch. Op. cit., p. 21—25.

³⁶ В лондонский муниципалитет могли быть избраны только члены 12 Больших ливрейных компаний, и если мэром или олдерменом избирали кого-нибудь другого, ему предлагали перейти в одну из этих привилегированных компаний.

³⁷ Thrupp S. The Merchant class..., p. 9.

³⁸ В протоколах компании торговцев предметами роскоши от 1487 года мы находим запись о том, что компания принимает в свои члены некоего Балларда, джентльмена из Кента, на том основании, что он женился на дочери Томаса Даунтона. Последний совершенно четко назван торговцем предметами роскоши (Acts of Court of the Mercers' Company, 1453—1527, Ed. L. Lyell. Cambridge, 1936, p. 306).

пользовал в своей мастерской труд 18 человек³⁹. Факт совершенно невероятный. Томас Даунтон никогда не был ремесленником, тем более оловянным. Как и подавляющее большинство членов компании торговцев предметами роскоши он был купцом. Не вызывает сомнений, что в компанию оловянных изделий его потянула именно возможность выгодной торговли изделиями из олова, которые производились в принадлежащей ему мастерской. Разумеется, это не мастерская старого типа. Думается, у нас есть все основания считать это предприятие простой капиталистической кооперацией. О том, как было организовано производство у Даунтона, источник молчит, хотя для этого периода погодичные записи компании есть. В них нет и намека на какой-нибудь протест, недовольство данным обстоятельством. Чем же объяснить такую индифферентность компании? Возможно, старшины сами подобным образом промышляли. Кроме того, могла играть определенную роль сама личность Томаса Даунтона. Крупный купец, член самой влиятельной лондонской ливрейной компании, он имел налаженные торговые связи и мог способствовать вывозу оловянных изделий. При общей лондонской ситуации, когда не было строгого разграничения предметов торговли, продажей изделий из олова занимались представители многих профессий, в том числе рыборотловцы, сукошники, торговцы предметами роскоши и т. д. Но, естественно, больше всех в расширении рынка сбыта были заинтересованы старшины оловянных изделий. Они-то и могли оказывать Даунтону поддержку.

Известны для этого периода еще два случая, когда мастер-оловянный держал 12 работников⁴⁰. Судьбы этих предприятий, как и предприятия Томаса Даунтона, нам неизвестны, не исключено, что после смерти владельцев они угасли. Это как раз и подкрепляет мысль о спорадическом возникновении зачаточных форм капиталистического производства, их угасании и возможным появлении в другом месте, в другой период.

Прибыльность капиталистической кооперации не вызывает сомнений. К. Маркс показал это достаточно убедительно⁴¹. «...Сама кооперация,— пишет он,— представляется специфической формой капиталистического процесса производства, в противоположность процессу производства раздробленных не-

³⁹ Welch Ch. Op. cit., p. 25.

⁴⁰ Это Джон Кендалл и Томас Мерли; кроме того, у Роберта Чемберлена было 9 учеников, у Вильяма Кроуда — 7; у остальных — по 2, иногда по 4 (Welch Ch. Op. cit., p. 21, 22, 24, 25).

⁴¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, гл. 11.

зависимых работников или мелких хозяйчиков»⁴². Капиталистическая кооперация и мануфактура могут существовать наряду с раздачей сырья, хотя широкое развитие их падает на более поздний период. И это закономерно, ибо и кооперация и мануфактура сходны в главном — такая организация производства требует полной экспроприации непосредственного производителя. В этом их отличие от более примитивной формы — раздачи сырья. Не исключено, что за раздачей сырья скрывалась капиталистическая мануфактура, ее децентрализованная форма очень сходна с этой системой, является следующим этапом развития. Капиталистическая кооперация могла явиться основанием для развития централизованной мануфактуры. Однако мы далеки от мысли, что одна форма капиталистического производства непременно и плавно переходила в другую.

Факты показывают, что в рассматриваемый период из новых форм производства наиболее распространенной была раздача сырья, реже можно наблюдать зарождение простой капиталистической кооперации. Возникновение и развитие капиталистической мануфактуры падает на последующий период, в основном на вторую половину XV века и на XVI век. Эти ранние формы капиталистической эксплуатации могли долго сохраняться и сосуществовать⁴³. Процесс зарождения новых форм производства мучителен для работника, но не прост и для предпринимателя. Для последнего это всегда сопровождалось определенным риском. Проще было придерживаться старых методов эксплуатации. Отсюда и консервирование примитивных форм, особенно таких, как скупка изделий и раздача сырья — капиталистическая работа на дому.

Начало капиталистической эры относится к XVI веку. Те зачаточные формы производства, которые мы наблюдаем в XIV — первой половине XV века, предвещали, подготавливали ее наступление.

⁴² Там же, с. 346.

⁴³ Известно, что даже в период развития фабрики в Англии продолжала существовать и мелкая мастерская. К. Маркс, ссылаясь на работу Эйкина, приводит факт, когда в 1794 году мелкие мастера-суконщики из Лидса посылали в парламент депутацию с петицией об издании закона, который воспретил бы купцам делаться фабрикантами. (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 760).

Л. П. Сергеева

ГАНЗЕЙСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ПОЛИТИКА АНГЛИИ В XIV ВЕКЕ

По поводу причин возникновения и характера развития англо-ганзейской торговли, ее значения, политики английского правительства по отношению к Ганзе в научной литературе существуют самые различные суждения. Английские историки, традиционно придавая отношениям с Ганзой второстепенное значение, признают главными торговыми и политическими партнерами Англии купцов Италии, Франции, Фландрии, подчеркивая большое значение отечественной торговли — через компанию купцов-складчиков в XIV в. и купцов-авантюристов в XV в.¹ В немецкой историографии господствует мнение о равном положении Ганзы среди торговых партнеров Англии, а в период Столетней войны Ганза, по мнению немецких историков, выходит на первое место среди иностранных контрагентов английских купцов. Вторым этапом усиления влияния немецкой Ганзы в Англии они считают годы войны Роз, особенно вторую половину 70-х гг. XV в.² В советской историографии этот вопрос, особенно ранний период англо-ганзейских отношений, не исследовался. Но в тех работах, где торговая политика Англии по отношению к Ганзе в той или иной связи затрагивается, отмечается большое значение Ганзы для экономики и политики Англии³.

Ганзейские документы, в том числе и отражающие деятель-

¹ См., напр.: *Cunningham W. The Growth of English Industry and Commerce in Modern Times. Cambridge, 1907; Studies in English Trade in the Fifteenth Century/Ed. by Power E. and Postan M. M. New York, 1933; Lipson K. Economic History of England. London, 1947; Clapham J. A concise economic History of Britain. From the Earliest Time to 1750. Cambridge, 1949; The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1952; McKisack M. The XIV century. 1307—1399. Oxford, 1959; Postan M. M. Medieval Trade and Finance. Cambridge, 1973.*

² *Lappenberg J. M. Urkundliche Geschichte des Hansischen Stahlhofes zu London. Hamburg, 1851; Schanz G. Englische Handelspolitik. Gegen Ende des Mittelalters. Leipzig, 1881; Schultz F. Die Hanse und England von Eduards III bis auf Heinrichs VIII Zeit. Berlin, 1911.*

³ *Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962; Кузнецов Е. В. Некоторые вопросы экономической политики королевской власти в Англии 1461—1485 гг. — В кн.: Средние века. М., 1963, вып. 21; Илларионов С. А. Некоторые данные о торговле Кёльна с Англией в VII—XIV вв. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 4; Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное государство в Англии XIV века. М., 1979.*

ность Ганзы в Англии, довольно разнообразны — от долговых расписок до королевских хартий и текстов англо-ганзейских договоров. Опубликованы они как в приложениях к отдельным исследованиям по истории Ганзы и ганзейской торговли в Англии, так и в сборниках документов, в первую очередь — многотомном «Сборнике ганзейских актов», куда вошли, главным образом, официальные бумаги Ганзейского союза⁴, и «Сборнике ганзейских документов», содержащем, наряду с актами и хартиями, переписку между ганзейскими и неганзейскими городами и частными лицами⁵. Особенно интересен для данной темы «Сборник ганзейских исторических источников», VI том которого, под редакцией К. Кунце, содержит самый полный свод документов, касающихся только англо-ганзейских отношений в период с конца XIII по начало XV в.⁶. Сюда включены расписки английских и ганзейских купцов, письма, договоры, распоряжения короля и магистратов, материалы судебных разбирательств, жалобы английских купцов и др. Положение сборника составляют сравнительные таблицы, отражающие торговые связи различных английских городов с иностранными купцами, в том числе и ганзейцами. Из английских сборников следует отметить издание под редакцией Р. Хаклюйта, где собраны самые разнообразные документы по истории морской торговли⁷.

В истории англо-ганзейских отношений XIV в. является временем организационного оформления, постепенного накопления привилегий и высшего расцвета торгового и политического могущества Ганзы в Англии. Во второй половине XIV в. ей удалось присвоить себе самый широкий в то время круг торговых вольностей, какие давала английская «*Carta mercatorum*» («Хартия иностранным купцам», 1303 г.).

Торговля Англии с Германией началась очень рано, первые документальные свидетельства о ней относятся к VIII в.⁸. Однако почти до середины XIII в. в Англии имели привилегии только представители рейнско-вестфальского союза городов, где главенствующее положение занимал Кёльн, контролировавший рейнский торговый путь и потому не имевший себе

⁴ Die Rezesse und andere Akten der Hansetage (HR). Leipzig, 1870—1910.

⁵ Hansisches Urkundenbuch (HUB). Halle—Leipzig, 1876—1907.

⁶ Hansische Geschichtsquellen. HGQ, Halle, 1875—1894.

⁷ The-Principal Navigations, Voyages, Traffiques und Discoveries of the English Nation/Ed. by Hakluyt R. Glasgow, 1903.

⁸ Sartorius G. F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hansa. Hamburg, 1830, Bd. 1—2, S. 3.

конкурентов в западно-европейской торговле того времени. Выгодное географическое положение Кёльна по отношению к Англии, его роль центра европейской торговли и второго после Фландрии потребителя английской шерсти позволили ему прочно обосноваться на рынках Англии. В кёльнскую ганзу в XIII в. входили и прусские города, в частности Данциг. С Пруссией Англия имела относительно хорошие торговые связи, которые завязались еще во времена Крестовых походов. Но надо заметить, что Кёльн, оберегая свое господствующее положение на английском рынке, ограничивал прием новых членов в свою ганзу.

В 60-е гг. XIII в., по привилегии Ричарда Корнуэла, избранного в это время германским императором, право представлять свои союзы получили Любек и Гамбург⁹. С этого времени в Англии действуют три купеческие ганзы, которые к началу 80-х гг. XIII в. номинально объединились в одну — для удобства общения с английскими властями и возможности использовать и охранять все привилегии, полученные в Англии какой-либо из немецких ганз ранее. Во главе Совета, созданного ганзейцами, стояли купцы Дортмунда, а остальные города выставляли в его состав по одному представителю. Однако создание Совета не означало полного слияния этих союзов городов, как и на континенте еще не существовало объединенной Ганзы. Они просто поделили сферы влияния: кельнцы продолжали действовать в Лондоне, где издавна владели гильдейским двором, а остальные утвердились в восточных портах Англии, создав, таким образом, разветвленную сеть своих торговых пунктов.

На рубеже XIII и XIV вв. ганзейцы, которых в Англии в это время уже называли общим термином Ганза Алеманов, или Тевтонов, составили значительную часть иностранных купцов. В XIV в. ими осуществлялось в различных городах Англии от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ общего внешнего товарооборота всех иностранцев¹⁰, каковые в ту пору захватили в свои руки большую часть английской внешней торговли. С целью ее упорядочения в 1303 г. издается «Великая хартия, пожалованная иностранным купцам королем Эдуардом I».

Хартия разрешала множество проблем, касающихся не только иностранных, но и внутрианглийских дел. Таковы вопросы о порядке прохождения через таможенную товаров как

⁹ The Principal Navigations..., Bd. 1, p. 325; HUB, Bd. I/Bearb. von K. Hohlbaum, N 633, 636.

¹⁰ HGQ, Bd. 6, S. 331—363.

иностранцев, так и англичан, о мерах и весах, судопроизводстве, правах городских магистратов в торговых вопросах, не говоря уже о пошлинах, сроках и размерах торговли и т. д. То, что этой хартией внешняя торговля Англии была приведена в относительно стройную систему, дало двойную выгоду. С одной стороны, статьи Хартии обеспечивали интересы королевского фиска, с другой — она была первым в истории европейской торговли документом, дававшим иностранным купцам, независимо от национальности, не только широкие права в английской торговле, но и королевское покровительство. Благоприятные же условия торговли и одинаково широкие привилегии для всех иностранцев обеспечивали и англичанам увеличенные торговые операции, что при повышении пошлин давало короне колоссальные доходы, стимулировало увеличение английского производства и торговли, так как иностранцы, боясь потерять выгодные привилегии Хартии в Англии, вынуждены были потесниться, давая некоторые возможности англичанам на европейских континентальных рынках¹¹.

Какие же привилегии были необходимы иностранным купцам для процветания их торговлей, «если, — как сказано в хартии, — желания их сердец склонятся на службу нашему королевству?» Иностранцы могли жить в любом месте Англии, продавать и покупать любые товары, кроме вин (их вывоз запрещался). Им разрешалось заключать сделки между собой (без всякого посредничества со стороны англичан) и с англичанами, с компаниями и с частными лицами, продавать товар оптом, а пряминости и мелочной товар (*merceries*), приобретающий в это время все большее значение, в розницу, в течение 40 дней после выгрузки¹². Иностранцам разрешалось «квартировать и останавливаться в городах, городках и местечках со своим товаром» при условии «доброго расположения хозяев их жилья»¹³. Данная формулировка оз-

¹¹ В частности, Ганза обеспечивала английским купцам благоприятные условия торговли на важных для них рынках Данцига и Брюгге.

¹² Против подобных пунктов в привилегиях иностранным купцам обычно восстанавливали купцы крупных торговых центров на континенте. Например, в конце XIII в. купцы Брюгге запретили иностранцам заключать торговые сделки между собой без посредничества местных купцов, на что Любек, возглавлявший торговую контору ганзейцев в этом городе, ответил переносом всех деловых операций в соседний с Брюгге Ларденбург. В этих условиях Брюгге пришлось отступить и предоставить ганзейским купцам право заключать сделки непосредственно между собой и с купцами любой нации (*Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse. Berlin, 1974, S. 82—83.*)

¹³ *The Principal Navigations...*, p. 334.

начала, что иностранцы не имеют права заводить собственные подворья, занимать какие-либо помещения и вообще появляться в городе без согласия его жителей.

Хартия говорит о нерасторжимости сделки, если в задаток внесен хотя бы пенни, а в случае спора суд должен был производиться по обычаю того города или ярмарки, где спор возник, а не по обычному «гостевому» праву, то есть иностранец, в случае конфликта, оказывался в равном положении с англичанином и также находился под охраной короля и английских законов, что было безусловно выгодно иностранным купцам, так как прежде они всецело зависели от воли местных властей. Далее, король обещает не чинить никаких препятствий и не налагать арестов на товар иностранных купцов, а если такое случится, то купцу предоставлялось право самому назначать сумму, возмещающую его убытки. Предписывалось английским властям не затягивать тяжб с иностранцами, а чиновники, замеченные в нарушении данного пункта, приговаривались к наказанию «соответственно тяжести проступка». Здесь говорится и о составе судейской коллегии при разборе тяжб с иностранцами: «Половину судей взять из купцов-иностранцев, а вторую половину из добрых и заслуживающих доверия граждан того города, где происходит тяжба»¹⁴.

К единому стандарту приводились меры и веса в королевстве и предусматривался порядок взвешивания товаров в государственных конторах. Определялся также максимальный вес гири, которую могли иметь частные лица, «кроме имеющих специальный патент». Этот пункт охранял интересы короны, но интересна оговорка о наличии людей, имевших привилегию на сбор таможенных пошлин¹⁵.

Для урегулирования дел между самими иностранными купцами предписывалось создать комиссию с центром в Лондоне, в дела которой английское правительство уже не вмешивалось, и суд там творился по «купческому праву». Другое назначение этой комиссии — согласовывать действия и требования всех иностранцев «и, — говорится в Хартии, — уже одно общее решение подавать нам».

Главы 10 и 11 Хартии посвящены вопросу о пошлинах на все виды товаров. В среднем они увеличивались на 30—50%

¹⁴ *Ibid.*, p. 335.

¹⁵ Эта привилегия давалась королем как дворянам так и купцам в качестве вознаграждения за заслуги перед короной. В середине XIV в. такую привилегию имели и некоторые купцы Ганзы, получившие ее в возмещение королевского долга (HGQ, N 114, 116, 125).

по сравнению с предшествующим периодом, но вносились один раз, без всяких промежуточных поборов. По предъявлению рекомендательного письма от известной в городе торговой конторы или частного лица, иностранцу для внесения пошлин предоставлялся кредит английской торговой конторой, частным лицом или городским магистратом¹⁶. Заканчивалась Хартия торжественным обещанием короля «за себя и своих потомков... никаких арестов, займов или каких-либо других тягот на вышеперечисленных иностранных купцов не накладывать»¹⁷.

Хартия 1303 г., несмотря на ряд ограничений, вполне удовлетворяла иностранных купцов не только в момент ее издания, но и в дальнейшем; не случайно она полностью легла в основу Утрехтского договора с Ганзой 1474 г. Потому купцы всех наций, путем крупных ссуд королю или переговоров на уровне правительств стремились добиться распространения и на них даваемых вольностей¹⁸.

Англичане восприняли Хартию по-разному: дворяне и крупное купечество, занимавшееся оптовой торговлей, при сделках непосредственно с иностранными купцами получали большие прибыли. Кроме того, розничная продажа иностранцами части континентальных товаров делала их более дешевыми. Заинтересованы в Хартии были и жители неярмарочных городов и сельской местности, так как получили возможность вступать в контакт с иностранными купцами и заключать с ними сделки. Увеличение торгового оборота обогатило и обладателей королевских привилегий на сбор таможенных пошлин. С другой стороны, широкие слои английского купечества почувствовали на себе силу политики выживания конкурентов с европейских рынков, применяемую ганзейскими, французскими и фландрскими купцами, и ре-

¹⁶ Обычно крупные купцы, купеческие конторы и даже города Ганзы завязывали связи с определенными городами Англии и хорошо знали своих партнеров. Система взаимного кредита между английскими и ганзейскими купцами довольно широко практиковалась, хотя узаконена была только в Англии.

¹⁷ В хартии перечисляются торговые партнеры Англии того времени: купцы Германии, Португалии, Испании, Наварры, Ломбардии, Флоренции, Прованса, Каталонии, Аквитании, Тулузы, Фландрии, Брабанта и других иностранных государств, которым король обещает свое покровительство и защиту имущества (The Principal Navigations..., p. 333, 338).

¹⁸ Sartorius G. F. Op. cit., S. 298, 318, 321, 329, 348. В этих документах содержатся: подтверждение Хартии 1303 г. и других привилегий для купцов Ганзы в 1317 г.; через год — для купцов Майорки, Арагона и Каталонии; через несколько лет — для всех иностранных купцов; затем — только для Ганзы и т. д.

зультаты конкуренции иностранцев в самой Англии. Они не желали нарушения своей монополии на розничную торговлю и торговлю во внутренних районах страны. Особенно сопротивлялись купцы крупных международных английских портов; так, Линн запретил иностранцам появляться в своей гавани¹⁹.

Противодействие Хартии 1303 г. приняло такой упорный характер, что в 1307 г., сразу после смерти Эдуарда I, по настоянию английских купцов она была отменена. По восстановленному «Гостевому праву» иностранцам разрешалось торговать только с англичанами, только в городах и в ярмарочные дни. Запрещение розничной торговли распространялось на все виды товаров. Ответом Ганзы на сокращение привилегий явились нарушения поставок товаров в Англию из восточной Европы, повышение цен на рейнские вина²⁰ и, что самое главное — практическая невозможность торговли англичан в ганзейских городах, особенно в Орденских землях. Так, например, в письме Эдуарда II от 1309 г. говорится, что некоторые немецкие моряки расположились в Сконе и грабят его подданных²¹. Участились ограбления английских судов и у берегов Фландрии и Брабанта²².

Поскольку торговые обороты английских портов и английских купцов резко снизились, сократились и поступления в казну таможенных пошлин, и доходы английских купцов, участвовавших в торговле с иностранцами. Это заставило англичан вернуться к старой форме межгородских договоров, когда какой-либо английский город предоставлял широкие права в торговле купцам определенного немецкого города в обмен на такие же привилегии для себя в Германии. Так Линн, всегда отрицательно относившийся к засилью иностранцев, в 1310 г., за год до королевского утверждения, разрешает ганзейцам свободную торговлю в своем порту²³. Кингстон в 1311 г. заключает договор со Штральзундом, важным пунктом на пути в Данциг²⁴. В итоге Эдуард II был вынужден вернуть Ганзе привилегии, данные ей Эдуардом I в 1281 г.: ганзейцы вновь получали королевское покровительство и освобождались от ряда налогов²⁵. А в 1317 г. им были

¹⁹ Ibid., S. 228.

²⁰ HGQ, Bd. 4, N 39—43; 55.

²¹ Sartorius G. F. Op. cit., S. 245.

²² Ibid., S. 292; HGQ, Bd. 6, N 34, 44, 48 и а.

²³ Lappenberg J. M. Op. cit., S. 205.

²⁴ Ibid., S. 17.

²⁵ HUB, Bd. 2, N 194.

возвращены все прежние привилегии и дарован ряд новых, в частности маклерское право и освобождение от ответственности за преступления их соотечественников против англичан²⁶.

Особенно благоприятным для Ганзы оказалось правление Эдуарда III, поскольку, готовясь к войне с Францией, английский король стремился обеспечить себе сильную политическую и финансовую поддержку, рынок сбыта и сырьевую базу. Уже в марте 1327 г. Эдуард подтвердил привилегии Ганзы, данные ей Эдуардом II²⁷. В том же году был запрещен вывоз во Фландрию английской шерсти, что вызвало там кризис, но при содействии Ганзы почти не отразилось на экономике Англии, поскольку Ганза увеличила вывоз шерсти на восточные рынки. В итоге в 1332 г. король восстанавливает для иностранных купцов «*Carta mercatoria*», вместе с тем превратив ее в средство для выкачивания денег²⁸.

Финансы английского королевства в XIV в. были построены, а умелое использование Хартии давало короне постоянный доход. В литературе существует мнение, что выдача привилегий в английской торговле целиком зависела от кредитоспособности претендентов. Из документов видно, что привилегии, оговоренные в Хартии, короли начинают продавать на короткие сроки. Ганзе получение привилегий обошлось в значительную сумму²⁹.

Вопрос о величине займов Ганзы английским королям вызывает споры среди исследователей. К. Куинце полагает, что после банкротства ломбардских банковских фирм Ганза выходит на первое место среди королевских кредиторов³⁰, в то время как И. Хансен считает, и к нему склонен присоединиться Ф. Шульц, что доля Ганзы в долгах английской короны сильно преувеличена³¹. Во всяком случае цифры, приведенные Ф. Шульцем, говорят о том, что в качестве кредитора Эдуарда III (то есть в период, когда Ганза была наиболее сильна в Англии) она занимала третье место, вслед за итальянскими конторами Барди и Перуцци и английской фирмой де ла Полей³². Действительную степень участия Ганзы

²⁶ HUB, Bd. 2, N 313, 354; *Sartorius G. F.* Bd. 11, S. 298.

²⁷ *Sartorius G. F.* Op. cit., Bd. 6, S. 318.

²⁸ *Ibid.*, S. 329.

²⁹ *Lappenberg J. M.*, S. 318.

³⁰ HGQ, Bd. 6, S. 11.

³¹ *Hansen J.* Der Englische Staatskredit unter König Eduard III und die hansische Kaufleute.—In: *Hansische Geschichtsblätter*. Leipzig, 1910, p. 323—415.

³² *Schulz F.* Op. cit., S. 7—8.

в займах королю установить достаточно сложно, так как кроме официально зафиксированных займов ганзейцев существовала практика их косвенного участия, в частности, пополам с английскими купцами, когда, например, из выплаченных королю 40 тыс. марок — 20 тыс. были даны Ганзой, причем договор составлялся не с королем, а с английскими купцами, участвовавшими в займе. Нередко ганзейцы выплачивали королевские долги итальянцам и англичанам, давали в долг фирме де ла Полей крупные суммы. В документах встречаются разрешения на беспошлинный вывоз ганзейцами шерсти, «поскольку вся сумма пошлин была уплачена ранее»³³. В 40-е гг. XIV в. для кредитования английского короля купцы западных ганзейских городов под руководством Кельна и Дортмунда создают финансовую корпорацию, в руки которой, в качестве залога за полученные королем от Ганзы ссуды, попадает английская государственная сокровищница вместе с королевской короной, цинковые разработки в Корнуэлле, ряд привилегий на вывоз шерсти и сбор таможенных пошлин в некоторых портах Англии³⁴.

Сумели поставить английскую торговлю от себя в зависимость и другие ганзейские города: Любек и Гамбург в качестве посредников в торговле с Восточной Европой, а Кельн как основной ганзейский кредитор короля. Потому колебания в условиях торговли в Англии для иностранцев — повышение пошлин, отмена некоторых привилегий, конфискации имущества — в меньшей степени коснулись Ганзы, которая во всех случаях отступления от статей Хартии 1303 г. требовала неукоснительного ее исполнения, и король шел на уступки³⁵. Начиная с 1348 г., «*Carta mercatoria*» утверждается уже только для Ганзы. Особенно упрочилось положение ганзейских купцов в Англии, когда Столетняя война, которую А. Мортон назвал «торговой войной», стала приобретать неблагоприятный для англичан оборот, поскольку, кроме товаров из Скандинавии, Пруссии, Нидерландов, ганзейцы доставляли на английский рынок необходимые товары из Франции — вино, соль, вайду³⁶.

Отношения между Англией и Ганзой ухудшились в 70-х гг. XIV в., когда финансовые затруднения короля, а в связи с этим и неограниченные требования все новых ссуд,

³³ HGQ, Bd. VI, N 32, 107, 162, 138, 108, 110, 117, 121 и. а.

³⁴ *Sartorius G. F.* Op. cit., Bd. 2, S. 369, 374, 392—394, 406—408.

³⁵ *Ibid.*, S. 742—745, 408, 433, 499.

³⁶ *Ibid.*, S. 408, 433, 499; *Schanz F.* Op. cit., S. 11.

увеличились. Попытки Эдуарда III закрепить за собой право распоряжения пошлинами по своему усмотрению и, главное, их повышение вызвали, как всегда, отпор со стороны Ганзы. Но критическое финансовое положение Англии в это время, с одной стороны, и резкое ухудшение отношений между английскими и ганзейскими купцами как в Англии, так и на континенте, заставило короля, по настоянию парламента, в 1371 г. отменить ганзейские привилегии.

Ганзейская контора в Лондоне, зная, что без ее помощи англичанам не обойтись, решила ни на какие уступки не идти и для разрешения конфликта обратилась в Любек, который стоял во главе Ганзы после ее объединения в 1355 г. На переговоры, состоявшие большей частью в обмене взаимными претензиями, ушло почти два года, и только в конце 1375 г. послы из Любека прибыли в Лондон для окончательного решения вопроса. В это время финансовое положение Англии относительно стабилизировалось, так как наступило перемирие в войне с Францией и наладился товарообмен с Фландрией, где к власти пришли сторонники английской ориентации, а в Кале уже действовала компания Купцов-складчиков. Таким образом, спорные вопросы в англо-ганзейских отношениях сосредоточились в области северной и восточной торговли. За два года английские купцы убедились, что ухудшение отношений с Ганзой еще больше ослабляет их торговлю в ганзейских городах, особенно в Пруссии, где местные купцы стремились взять торговлю с Англией в свои руки и создали англичанам на своих рынках самые невыгодные условия. Как и в начале XIV в. сократился ввоз необходимых континентальных товаров, что привело к их вздорожанию, начались перебои в экспортной торговле. Все это подтолкнуло короля к благоприятному для Ганзы решению вопроса, и в ноябре 1375 г. ее привилегии были восстановлены при условии рассмотрения жалоб английских купцов на ближайшем ганзейском Совете в Любеке³⁷. После этого, даже новое наступление на торговые права иностранцев в Англии не коснулись Ганзы. В частности, в декабре 1376 г. всем иностранцам, кроме ганзейцев, было запрещено вести розничную торговлю в Лондоне и иметь собственные постоялые дворы³⁸.

Резкое ухудшение положения ганзейских купцов в Англии наступило после смерти Эдуарда III. Английские купцы подают в парламент петиции о притеснениях со стороны ганзейцев

³⁷ HUB, Bd. 4, N 516.

³⁸ Ibid., N 569—571.

и нарушении ими правил торговли, что приводит к ликвидации ганзейских привилегий. Вновь было введено Гостевое право, иностранцам запрещалось оставаться в пределах страны более чем на 40 дней, иметь собственные подворья, были повышены пошлины. Только в последних двух пунктах правительство пошло навстречу Ганзе, и за ней остался ее Гильдейский двор в Лондоне и право выплачивать пошлины в прежних размерах.

Вопрос о причинах привилегированного положения немецкой Ганзы в Англии в 30—70-х гг. XIV в. решается исследователями по-разному. Ни у кого, правда, не вызывает сомнения взаимная экономическая выгода англо-ганзейской торговли. Большое значение придается династической политике английских королей, в частности, родственными связями Плантагенетов с могущественным родом Вельфов³⁹. Преобладающее объяснение причин возвышения ганзейцев — фискальные интересы короны, стремившейся к получению больших прибылей от повышения пошлин, раздаче привилегий и охранных грамот⁴⁰. Но если учесть, что повышения пошлин редко касались Ганзы, круг ее привилегий был достаточно широк и за свои займы они брали очень крупное обеспечение, то доход короне с ганзейской торговли был не так уж велик. Потому немаловажным фактором представляется сложившаяся в конце XIII в. система торговых путей из восточной Европы в западную через ганзейские города Любек и Гамбург, конечным пунктом которой был Брюгге, один из главных потребителей английской шерсти, где купцы Любека пользовались почти неограниченным влиянием. На протяжении XIV века Ганзе удалось связать под своим контролем Западную Европу с такими важными сырьевыми районами, как Север (Скандинавия) и Восток (Орденские земли и Новгород), причем все сколько-нибудь важные торговые города этого региона или входили в Ганзейский союз, или ганзейцы имели в них свои могущественные конторы. Таким образом, главное значение ганзейской торговли для Англии состоит не только в прямом обмене продуктами обеих сторон или обеспечении фискальных интересов короны. Основное, очевидно, заключалось в том, что это был единственно возможный способ развития отечест-

³⁹ *Schulz F.* Op. cit., S. 4; *Schanz G.*, Op. cit., S. 172—180. Определенное значение династическим связям Англии с Германией в более ранний период придавал и А. И. Неусыхин (*Неусыхин А. И.* Проблемы европейского феодализма. М., 1974, с. 323, 349).

⁴⁰ *Schildhauer J.* u. a. Die Hanse, S. 71; *Илларионов С. А.* Некоторые данные о торговле Кёльна с Англией, с. 215.

венной внешней торговли, единственный способ получения доступа на континентальные рынки вообще, поскольку использование их английскими купцами все более затруднялось по мере распространения ганзейской монополии на торговлю в важнейших европейских торговых центрах и в связи с тем, что Ганза имела исключительное влияние на экономику и политику земель Немецкого ордена.

Дальнейшая история показала, что с утратой Ганзой влияния в Восточной Европе и перемещением центра европейской торговли в Антверпен, созданием крупных английских внешне-торговых компаний, а также в связи с обострением противоречий между членами Ганзы, значение ганзейского посредничества постепенно сокращалось⁴¹. XIV век представляется временем накопления средств английским купечеством, упрочения его контактов с европейскими торговыми центрами, что должно было вести к постепенному ослаблению позиций Ганзы в Англии.

С. А. Илларионов

К ИСТОРИИ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ КЁЛЬНА С ИТАЛИЕЙ В XIV—XV ВЕКАХ

Вопросы внешней торговли Кёльна, в частности с Италией, рассматривались в общем труде А. Шульте, посвященном истории торговли между Западной Германией и Италией в средние века, а также в статье Б. Куске «Торговые сношения между Кёльном и Италией в позднее средневековье». В сочинении Шульте вопросу внешней торговли Кёльна отводится незначительное место, хотя и приводятся ценные данные об осевших там итальянских купцах¹. В работе Куске основное внимание уделено кредитной деятельности купцов и почти не затронут вопрос о товарообмене между Кёльном и Италией².

⁴¹ В XV—XVI вв. положение Ганзы в Англии крайне неустойчиво: почти полное прекращение англо-ганзейской торговли сменялось периодами усиления Ганзы и даже получением такого полного свода привилегий, каким явилось Утрехтское соглашение 1474 г., что было связано с изменениями в международной торговле и политической обстановке.

¹ Schulte A. Geschichte des mittelalterlichen Handels und Verkehrs zwischen Westdeutschland und Italien. Leipzig, 1900, Bd. 1, S. 303—304.

² Kuske B. Die Handelsbeziehungen zwischen Köln und Italien im späteren Mittelalter. — In: Köln, der Rhein und das Reich. Köln — Graz, 1956, S. 13—15, 29—35.

Шульте и Куске лишь частично использовали документы по истории немецкого подворья в Венеции, изданные Г. Симонсфельдом. В предлагаемой статье автор поставил целью более подробно рассмотреть торговые связи Кёльна с Италией и выяснить специфику их развития в XIV—XV вв.

Система торговых связей городов Западной Германии с Италией сложилась довольно рано. Уже в XII в. немецкие купцы, ориентируясь преимущественно на отдаленные рынки Италии и Фландрии, осуществляли товарообмен между Севером и Югом Европы. Определенную роль в этом обмене играл тогда и Кёльн, занимавший весьма выгодное географическое положение на Рейне. Но были ли в ту пору торговые сношения между Кёльном и Италией активными? Скучность дошедших документальных известий не позволяет дать исчерпывающий ответ. Можно лишь полагать, что связи Кёльна с Италией в XII в. были пассивными, так как в то время еще не существовало достаточных материальных предпосылок для их интенсификации.

Контакты рейнских купцов с итальянскими происходили тогда на ярмарках Шампани, которые, как известно, с середины XII в. и до начала XIV в. были центром международной торговли и денежного обращения. Кёльнцы прибывали сюда для обмена своих товаров — полотна, мехов, сукон, серебра и т. п. — и заключения заемных сделок³. С упадком шампанских ярмарок на рубеже XIII—XIV вв. и частичным перемещением центра торгового движения к прирейнской территории связи между западногерманскими и итальянскими купцами становятся более прямыми. Об этом свидетельствует, в частности, факт поселения в конце XIII в. итальянских купцов как в Рейнской области, так и в самом Кёльне. Однако может ли этот факт служить критерием интенсификации торговых связей между Кёльном и Италией в это время? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо попытаться выяснить роль «ломбардцев» в торговле города, равно как и их экономико-юридическое положение. Поселяясь в Кёльне, итальянские купцы приобретали там права гражданства, городскую землю и дома⁴. Так, в конце XIII в. в Кёльне в качестве бюргеров города упоминаются итальянские купцы — Альбертус де Рокка и

³ Например, кёльнский купец Герхард Шерффин по поручению кёльнского архиепископа Генриха в 1226 г. занял у сненских купцов для него крупную сумму денег (Schulte A. Op. cit., Bd. 2, N 425).

⁴ В качестве своих бюргеров город принимал их по отдельности или целым сообществом, состоявшим зачастую из родственников, на определенный срок — один год, 10, 25 лет.

Генекинус Ротариус⁵. Сыновья последнего, Александр и Франко, совместно с другими «ломбардцами» в 1304 г. неподалеку от церкви Св. Мартина приобрели в собственность дом (ad Lombardum), находившийся в общем владении до 1331 г., а затем перешедший в собственность других итальянских семей⁶. В первой половине XIV в. в Кёльне также имелись оседлые ломбардцы: в 1321 г. Кёльн берет под свою защиту проживающих в городе ломбардцев за уплату ежегодной ренты в 150 марок⁷. В 1332 г. кельнский архиепископ Вальрам за ежегодную уплату 300 флоринов разрешил на 11 лет поселиться в Кёльне итальянским купцам Рофинусу Нокариусу, Маттиасу по прозвищу Гинст, Габриэлю и Вальраму де Монтеманьо, Лео и Даниэлю Оттини, Рихарду и Пирцифалло де Монтеманьо, Доминику и Лео по прозвищу Штюль из Асти⁸. Во второй половине XIV в. в гражданство Кёльна принимаются Лео Оттинус, Лео Иоганс, Томас, Иоганнес, Францискус, Ясперойльс и другие ломбардцы⁹.

Итальянские купцы в Кёльне занимались главным образом ростовщической деятельностью. Так, в 1309—1310 гг. ломбардец Томас кредитует кельнского архиепископа Генриха. Архиепископ был также должником кельнских бюргеров Иоганна Гардевуста, Гобелина и ломбардцев из Асти. Сумма долга указанным лицам составила 7755 кельнских марок¹⁰. В ту же пору в качестве займодавцев выступали братья Лауренц и Вильгельм де Асинариус¹¹. Осевшие со второй половины XIV в. в Кёльне ломбардцы из Асти были кредиторами самого города¹². В XV в. в Кёльне находились постоянно представители крупных флорентийских банков. В 1417 г. Кёльн задол-

⁵ *Ennen L. Quellen zur Geschichte der Stadt Köln. Köln., 1867, Bd. 3, N 431.*

⁶ *Kuske B. Op. cit., S. 5—6.*

⁷ *Stein W. Akten zur Geschichte der Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln im 14. und 15. Jn. Bonn, 1893, Bd 1, N 1, §2, 3.* В это время большая часть «ломбардцев» Кёльна проживала в домах «цум Бок» и «ad Lombardum» у Мальцбюхеля (*Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 304*). Дом «цум Бок» нередко путем частичного или полного залога переходил в руки различных купцов из Италии: например, в 1309 г. «ломбардец» Альбертус передал своим братьям принадлежащую ему треть этого дома (*Ennen L. Op. cit., Bd 3, N 570*).

⁸ *Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 304.*

⁹ *Ibidem.*

¹⁰ *Ibid., Bd. 2, S. 433—435, 430—432.*

¹¹ *Ibid., Bd. 1, S. 304.*

¹² *Kuske B. Quellen zur Geschichte des Kölner Handels und Verkehrs im Mittelalter. Bonn, 1923, Bd. 1, N 141.*

жал сумму в 3000 флоринов Бартоломео Доминичи¹³ из Флоренции, представлявшему банковскую фирму Альберти, а еще ранее, в 1415 г. другой итальянской компании и ее представителю Симону де Сассолини из Болоньи крупную сумму в 30 000 гульденов¹⁴. Среди миланских фирм выделялся торговый дом Альцате. В 1345 г. представитель этой фирмы Филипп был арестован кельнским архиепископом за ростовщичество и освобожден лишь после вмешательства кельнского магистрата¹⁵.

Ссудные сделки часто заключались под залог доходов. Так, в 1308 г. ломбардцу Тристраму де Тройля и его компаньонам кельнский архиепископ закладывает половину пошлины в Андернахе¹⁶. В 1311 г. он за заем в 1540 марок закладывает пошлины и другие доходы в Рейнсберге товариществу ломбардцев из Асти: Грасверди, его сыну Генекинусу, а также Роландусу по прозвищу Киссинус¹⁷. В 1387, 1389, 1392 гг. ломбардец Амброзиус де Бусты выступает откупщиком городских акцизов¹⁸.

Однако торговля деньгами не исключала торговли различными товарами. С конца XIII в. и в первой половине XIV в. купцы из Италии имели в Кёльне склад с товарами, в котором они вели оптовую торговлю, главным образом пряностями¹⁹. Поселившимся в городе итальянцам была предоставлена свобода оптовой торговли всеми товарами, за исключением вина и благородных металлов²⁰, поскольку эти товары были монополией кельнских бюргеров. Уплата ломбардцами «защитных» денег (Schutzgeldes) освобождала их от общественных повинностей, лежавших на горожанах — военной, сторожевой, по укреплению стен, а также от прямого обложения. Это несомненно способствовало развращиванию их торговли в Кёльне.

Таким образом, деятельность и экономико-юридическое положение оседлых итальянцев свидетельствует об активизации с XIV в. торговли Кёльна с Италией. Велась она тогда преимущественно через представителей итальянских торговых фирм, длительное время находившихся в городе.

¹³ Этот ломбардец с 1418 г. — член кельнского купеческого общества «Виндек» (*Loesch H. Die Kölner Zunfturkunden bis zum Jahre 1500. Bonn, 1907, Bd. 1, S. 212*).

¹⁴ *Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 343; Kuske B. Die Handelsbeziehungen zwischen Köln und Italien, S. 9.*

¹⁵ *Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 544.*

¹⁶ *Schulte A. Op. cit., Bd. 2, N 429.*

¹⁷ *Ibid., Bd. 1, S. 303.*

¹⁸ *Ibid., S. 304.*

¹⁹ *Ibid., S. 303.*

²⁰ *Ibid., S. 308—327.*

Поселения итальянцев в Кёльне со второй половины XV в. начинают быстро сокращаться²¹. Очевидно, в сношениях между Кёльном и Италией произошли какие-то перемены. По мнению Б. Куске, с XIV в. торговля и ремесло самого Кёльна настолько усилились, что он начал ориентироваться на отдаленный рынок. В результате торговля города активизировалась не только в северном направлении, но сумела преодолеть свою пассивность по отношению к европейскому Югу²². В XIV—XV вв. в Кёльне происходило бурное развитие текстильной, а также металлообрабатывающей промышленности, которые в большей мере были связаны с дальней торговлей²³. Постепенно Кёльн берет в свои руки торговлю с Италией, начиная вытеснять из нее посредников-ломбардцев.

В качестве посредников в торговле между Кёльном и Италией выступали портовые города Нидерландов, в частности Брюгге, ставший со второй половины XIII в. крупнейшим центром международной торговли, где совершались различные торговые сделки и кредитные операции²⁴. Отсюда Кёльн получал сырье для своей промышленности — восточный хлопок, шелк-сырец — и другие товары²⁵. Первое место среди итальянских фирм, торговавших восточными товарами, занимал дом Медичи, имевший в XV в. собственные филиалы в Брюгге и Антверпене; покупателями фирмы были и кёльнские купцы²⁶. В 1462 г. итальянец Николас Компани продал в Брюгге крупному кёльнскому купцу Альфа ван дер Бургу партию шелка-сырца, доставленного из Мессины. В том же году одним из ломбардцев был закуплен груз изюма для Кёльна²⁷. В свою очередь кёльнцы продавали итальянцам готовую продукцию, например в 1498 г. Иоганн Либляр, крупный кёльнский торговец, продал в Антверпене партию шелковых тканей

²¹ В имеющихся документах XV в. упоминания о поселениях итальянцев в Кёльне почти не встречаются.

²² Kuske B. Op. cit., S. 17.

²³ Loesch H. Op. cit., Bd. 1, S. 16—18, 20—21, 25—26.

²⁴ Итальянские купцы прибывали в Брюгге морским путем, хотя никогда не отказывались и от труднопроходимого, но более короткого сухопутного пути через Альпы.

²⁵ Особенно много в конце XV в. в оптовую торговлю Кёльна поступало пряностей Востока — через Венецию, а затем через Брюгге и Антверпен (Geering T. Kölns Colonialwarenhandel vor 400 Jahren. — In: Mitteilungen aus dem Stadtarchiv von Köln. Köln, 1887, H. 2, S. 43).

²⁶ Эта фирма экспортировала в Нидерланды пряности, в особенности перец (Stevéking H. Die Handlungsbücher der Medoci. Wien, 1905, S. 44).

²⁷ Kuske B. Op. cit., S. 19, Anm. 85.

представителю итальянской торговой компании Франциску Капоне²⁸.

Заметно растут прямые торговые связи Кёльна с Италией. Так, в конце XIV в. кёльнские купцы на пути в Италию встречались с итальянцами в области Ури, недалеко от Св. Готтарда, у Цюриха, между Базелем и Страсбургом, где для них уже были приготовлены товары, привезенные из Венеции²⁹. Крупный кёльнский купец Иоганн ван Колен, торговавший с Барселоной, не раз посещал и Италию³⁰. Кёльнские купцы поддерживали прямые торговые связи и с итальянским городом Луккой. Так, представитель известной кёльнской фамилии Иоганн ван Монгейм длительное время находился с ним в торгово-кредитных связях. В конце XIV в., например, он поручает жителю Лукки Якову Францисгини закупить для него партию шелковых материй³¹. Как явствует из дипломатической переписки миланского герцога с магистратом Кёльна, существовали торговые связи Кёльна и с Миланом³². Во второй половине XV в. значительные торговые операции в Италии, а также в Испании, осуществлял уже названный выше кёльнский купец Альфа ван дер Бург, имевший факторию в Мессине, которую после его смерти, как и все его дело, продолжала вести его вдова Маргарита со своим зятем Генрихом Вурбергом и дочерью Друтгин. В 1469 г. они назначают туда своим представителем кёльнца Иоганна Бутгина, по прозвищу Ванме Штайге, и которому было поручено товары из Сицилии и соседних с ней областей отправлять во Фландрию. В 1473 г. он посылает шелк в Брюгге, где была контора указанной фирмы, а несколько позднее эта компания кёльнских купцов отправляет свои товары в Неаполь на двух кораблях, в которых, помимо их груза, находились товары других кёльнцев — Готтшалка ван Гильзе, Годерта Штернгина и их компаньона — крупного франкфуртского купца Иоганна фон Мелема³³.

Особое место в торговле с Кёльном, как и вообще с Германией, занимали венецианцы. Как известно, Венеция, начиная с крестовых походов, оттеснив другие итальянские города, по-

²⁸ Loesch H. Op. cit., Bd. 2, N 665 A.

²⁹ Кёльнские купцы шли двумя путями: по Рейну через Страсбург, Базель и далее через западные альпийские проходы в Швейцарию или через Ульм, Кемптен, Ферн и Тироль (Schulte A. Bd. 1, S. 453).

³⁰ Ibid., S. 546.

³¹ Kuske B. Quellen..., Bd. 1, N 238, S. 85—86.

³² Schulte A., S. 512.

³³ Kuske B. Di Handelsbeziehungen, S. 26—27.

средничала в товарообмене между Востоком и Западом. В XIV—XV вв. она становится крупнейшим торговым центром Средиземноморья³⁴. В Венеции находилось впервые упомянутое в 1228 г. торговое подворье немцев — «Фондако»³⁵, в котором, помимо складов и лавок, были дома немецких купцов, а также гостиница для немецких путешественников и пилигримов. В период расцвета немецкой торговли в XV в. там одновременно находилось до сотни немецких купцов. Кёльнский путешественник Арнольд Гарф, остановившийся в Фондако в 1497 г., дал яркое описание деловой жизни этого подворья: «Я ежедневно видел, как много упаковывается пряностей, шелка и других товаров, которые посылаются оттуда во все торговые города; там каждый купец имеет особую контору — например, купцы кёльнские, страсбургские, нюрнбергские, аугсбургские, любекские и из других городов. Купцы говорили мне, что этот торговый дом дает венецианским властям ежедневно 100 дукатов в виде пошлин и других сборов...»³⁶.

Торгово-экономические связи Кёльна с Венецией существовали, по-видимому, уже в XII в.³⁷. Однако первые документы об этом относятся лишь к первой половине XIV в. Так, в 1335 г. совет Венеции принял решение взимать особую пошлину с привозимых и вывозимых кельнцами товаров до тех пор, пока убытки, нанесенные венецианским купцам в Германии и Фландрии, не будут возмещены. В связи с этим в 1336 г. в Венеции был арестован кельнский купец Зандер³⁸. В XIV в. кельнцы ввозили в Венецию золотую нить, листовое золото и серебро, т. е. сырье, используемое в ювелирном и вышиваль-

³⁴ Луццато Д. Экономическая история Италии. М., 1954, с. 256 и сл.

³⁵ Simonsfeld H. Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig und die deutsch-venetianischen Handelsbeziehungen. Stuttgart, 1887, Bd. 2, S. 37. В «Фондако» кельнцы причислялись к нюрнбергской группе купцов (Ibid., Bd. 1, N 357). Здесь кельнские купцы, так же как и купцы других немецких городов, должны были останавливаться, складывать свои товары и заключать торговые сделки под контролем венецианских служащих, управлявших этим подворьем (Ibid., Bd. 2, S. 12—13, 85; Bd. 1, N 40, 44, 105, 228).

³⁶ Цит. по кн.: Янсен. Экономическое, правовое и политическое состояние германского народа накануне Реформации. СПб., 1898, с. 99. Ежегодный же доход от пошлин с Фондако, получаемый венецианской сенаторией в конце XV в., оценивался в 20 000 дукатов (Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 356); ежегодный торговый оборот немецких купцов в Венеции, по сообщению венецианца Паоло Моросини, составлял в то время сумму в 1 млн. дукатов.

³⁷ Schaubе А. Handelsgeschichte der romanischen Völker des Mittelmeergebiets bis zum Ende der Kreuzzüge. Osnabrück, 1973, S. 449.

³⁸ Simonsfeld H. Op. cit., Bd. 2, S. 69.

но-вязальном деле. В 1373 г. магистрат Кёльна сообщает Венеции, что указанные полуфабрикаты в целях предупреждения обмана и сохранения их высокого качества поставлены под тщательный городской контроль³⁹.

В свою очередь венецианские купцы в XIV в. предпринимали неоднократные попытки укрепиться в Германии, и не безуспешно⁴⁰. В частности, в Кёльне венецианские купцы могли свободно вести оптовую торговлю, что явствует из предписания совета Венеции от 1358 г., по которому ее купцы, проезжая Германию, останавливались в Кёльне и выставляли там свои товары для продажи⁴¹. Им только запрещалось, впрочем как и купцам других городов, заключать торговые сделки с иногородними купцами. Это был принцип средневековой городской политики, который точно так же проводился в торговой жизни Венеции по отношению к немецким купцам, прибывавшим туда⁴². В начале XV в. торговые связи Кёльна с Венецией временно прерываются, вследствие запрета императора Сигизмунда вести торговлю с венецианцами⁴³, а также из-за фаворита маршала фон Паппенгейма с этим городом⁴⁴. Однако этот перерыв в связях не был длительным. Так, уже в 1429 г. кельнцы — частые «гости» «Фондако», что явствует из документа в сборнике Симонсфельда⁴⁵, а также из составленного им списка кельнских купцов, постоянно проживавших в Венеции в XV в.⁴⁶.

Об активизации торговых связей между Кёльном и Венецией свидетельствует и широкий перечень товаров, находившихся в обращении между двумя контрагентами. Так, из Венеции в Брюгге, а оттуда в Кёльн вывозились алоэ, хлопок, индиго, инжир; камфара, корица, лак, мускатный орех, гвоздика, перец, изюм, сахар, воск, мыло, шафран, шелк, миндаль

³⁹ Loesch H. Op. cit., Bd. 2, N 427.

⁴⁰ Шульте утверждает, что венецианцам в XIII—XIV вв. запрещалось закупать или продавать товары в Германии, им только разрешалось проезжать ее по пути в Нидерланды (Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 353—354). Но запрет этот часто нарушался, что видно из множества жалоб магистрата Нюрнберга на торговую конкуренцию со стороны венецианцев в самой Германии (Simonsfeld H. Op. cit., Bd. 1, N 95, 119, 120).

⁴¹ Ibid., Bd. 1, N 125.

⁴² Ibid., Bd. 2, S. 31.

⁴³ Deutsche Reichstagsakten/Hrsg. von J. Weizsäcker. Göttingen, 1956, Bd. 7, N 239.

⁴⁴ На территории этого феодала задерживались кельнские купцы, везшие товары из Венеции, что вынудило магистрат Кёльна временно приостановить торговлю с Венецией (Simonsfeld H. Op. cit., Bd. 2, S. 70).

⁴⁵ Ibid., Bd. 1, N 357.

⁴⁶ Ibid., Bd. 2, S. 70—71.

и селитра⁴⁷. Приезжавшие в Венецию кельнские купцы доставляли туда преимущественно предметы горнодобывающей промышленности Германии — золото, серебро, железо, медь, а также кельнские кожи, шерстяные, льняные, хлопчатобумажные материи, золотую пряжу. При этом кельнцы нередко выступали и в качестве посредников, в частности в торговле английскими и фландрскими сукнами⁴⁸. Значительное место в этом товарообмене принадлежало также драгоценным украшениям, изготовляемым кельнскими ювелирами. Причем торговлю ими вели зачастую сами ювелиры, посещавшие города Италии. Так, в 1466 г. в Милане находился Петер — ювелир из Кельна⁴⁹, во второй половине XV в. в Венеции встречались кельнские ювелиры Арнольд ван Биргель и Ригус⁵⁰.

Как видим, торгово-экономические связи Кельна с Италией установились рано. На протяжении XIV в. они осуществлялись преимущественно через посредство проживавших в Кельне итальянских купцов, занимавшихся как торговлей привозными товарами, так и ссудными операциями. В XV в. наступил перелом: Кельн взял в свои руки торговлю с Италией, и уже его купцы, объединявшиеся в небольшие компании, вели активную торговлю с рядом итальянских городов, в особенности с Венецией. Основные статьи экспорта Кельна в Италию — различные товары городского ремесла, в частности ювелирного дела, шелкоткачества, металлообработки. Кельн был крупным рынком мехов, его скорняжное ремесло также работало на экспорт. Кроме того, Кельн посредничал между горнодобывающими районами Гарца, сукноткацкими центрами Фландрии и торговыми городами Италии, доставляя в последние, наряду с изделиями, сырье для промышленности. Главную статью кельнского импорта из Италии составляли восточные товары, и в первую очередь — пряности. Основные представители торговли Кельна — купцы, обладавшие значительным капиталом, знанием дела, заключавшие большие торговые сделки и ориентировавшиеся, преимущественно, на рынки Италии и Нидерландов.

⁴⁷ Ibid., Bd. 1, N 11—13, 19, 75, 221, 222, 236, 444.

⁴⁸ Ibid., Bd. 2, S. 106; Bd. 1, N 9, 15, 16, 50, 54, 68, 69, 98, 106, 109, 114, 137, 168, 181, 203 ff.

⁴⁹ Schulte A. Op. cit., Bd. 1, S. 586.

⁵⁰ Simonsfeld H. Op. cit., Bd. 2, S. 70—71, 278.

Н. И. Девятайкина

СВОБОДА И УЕДИНЕНИЕ В ЭТИКЕ ПЕТРАРКИ (по трактату «Об уединенной жизни»)

Проблема — свобода человека и пути ее достижения — одна из центральных в итальянском гуманизме. Она выдвигалась на первый план самим подходом гуманистов к личности, стремлением найти оптимальные условия для развития всех заложенных в ней способностей и возможностей — в ответ на средневеково-церковные и сословно-корпоративные представления о месте человека в обществе, строго ограниченном определенными рамками, правилами и обязанностями.

Понятие — требование свободы — складывалось у гуманистов постепенно и было многогранным. Оно означало прежде всего стремление сосредоточиться на самой личности, самопознание которой становилось ключом к новому осмыслению мира и роли человека в нем. Понятие свободы включало в себя требование духовной и интеллектуальной независимости, отказ от слепого подчинения авторитетам любого рода. Оно наполнялось и глубоким социально-политическим содержанием, ясно ощутимым антисословным и антифеодальным пафосом, особенно проявившимся в гражданском гуманизме.

В данной статье предпринимается попытка выяснить некоторые малоизученные аспекты воззрений Франческо Петрарки на проблему свободы, прежде всего — социально-этический смысл представлений первого гуманиста о свободе; не менее важно выяснить причины и смысл знаменитого уединения мыслителя, их связь с его взглядами на свободу. Рассмотрение этих вопросов ограничено в статье рамками трактата «Об уединенной жизни».

Отдельные стороны вопроса о содержании свободы и уединения Петрарки так или иначе привлекали внимание исследователей. Большинство авторов XIX в. отмечали, что гуманисты противопоставили себя мироощущению средних веков по крайней мере двумя качествами: духовной и интеллектуальной независимостью. Пионером в этом деле был Франческо Петрарка. Он разбил оковы средневекового мышления, воскресил античный мир с его свободой мысли и сомнения. Для него была необходима свобода — политическая, творческая,

религиозная¹. М. С. Корелин особенно подчеркивал неаскетический характер уединения первого гуманиста. Однако он не ставил вопроса о социально-этических причинах этого уединения, объясняя его лишь индивидуальными наклонностями².

Современные западные авторы (Дж. Саитта, М. Скьявоне и др.) также больше всего обращают внимание на требование Петраркой духовной независимости, только У. Дотти выявляет социальный смысл его призывов к свободе³. Очень разные оценки даются уединению Петрарки. Э. Гарэн, Дж. Саитта, П. Курсель и др. считают, что это уединение не было отказом от мира или свидетельством эгоистического презрения к нему. Оно, напротив, означало более глубокое восхищение миром и обществом, было условием для творчества и подлинно новой активности, для обнаружения всех богатств внутреннего «я»⁴. В противоположность этому, другие авторы считают, что Петрарка искал в уединении «жизнь вне жизни и вне времени», хотел изолировать себя от «толпы», убежать от «грубой реальности» в романтическое одиночество, наполненное любовной меланхолией. Его уединение превращалось в «утонченный эгоизм»⁵.

Определенное внимание проблеме свободы и уединения Петрарки уделено советскими исследователями. Р. И. Хлодовский отмечает, что защита идеала духовной и интеллектуальной свободы была одним из существенных проявлений освободительных тенденций ренессансного гуманизма. В уединении Петрарки не было религиозно-аскетического отрицания мира⁶. Н. В. Ревякина показывает, что в основе стремления

¹ Фойгт Г. Возрождение классической древности. М., 1884, т. 1, с. 71. 104; Körtling G. Petrarka's Leben und Werke. Leipzig, 1878, S. 471; Symonds. Renaissance in Italy. The Revival of learning. London, 1877, p. 76; Owen J. The skeptics of the Italian Renaissance. London, 1893, p. 106—127.

² Корелин М. С. Очерки из истории философской мысли в эпоху Возрождения. Мирозерцание Франческо Петрарки. М., 1896, с. 51—53.

³ Saïtta G. Il pensiero italiano nel umanesimo e nel Rinascimento. Umanesimo, Bologna, 1949, v. 1, p. 72; Schiavone M. Note sul pensiero filosofico di Fr. Petrarca.— In: Schiavone M. Problemi ed aspetti dell' Umanesimo, Milano, 1969, p. 28—45; Dotti U. La formazione dell' umanesimo nel Petrarca (Le «Epistole metriche»).— Belfagor, Firenze, 1968, 5, p. 534—544.

⁴ Garin E. L'umanesimo italiano. Firenze, 1965, p. 28—29; Saïtta G. Op. cit., p. 104; Courcelle P. Petrarque lecteur de Confessions.— Rivista di cultura classica e medioevale, 1959, t. 1, p. 38—39; Dotti U. Op. cit., p. 544.

⁵ Tripet A. Petrarque ou la connaissance de soi, Geneve, 1967, p. 30, 40—69, 178; Carrara E. Studi Petrarqueschi ed altri scritti. Torino, 1959, p. 66; Renaudet A. Humanisme et Renaissance. Dante, Petrarque, Standoch, Erasme, Lefevre. Geneve, 1958, p. 58.

⁶ Хлодовский Р. И. Франческо Петрарка. М., 1974, с. 51—52, 77—79.

Петрарки к свободе был непрерывный и разнообразный опыт мира. Гуманист требовал от каждого свободно выбирать собственный путь, разрушая принцип предназначенности человека к определенному месту в мире⁷.

Как видим, в советской литературе проблема свободы и уединения Петрарки еще не получила достаточно полного и всестороннего освещения. Это и побуждает вновь обратиться к сочинениям гуманиста, попытаться проследить, с какого времени Петрарка начал задумываться над данным вопросом и какое решение он получает в трактате «Об уединенной жизни». Над этим сочинением гуманист работал около двадцати лет. Трактат был написан в Воклюзе в 1346 г., немного позже расширен, дополнялся до 1371 г. По форме он более других схож со схоластическими сочинениями, подразделяясь на разделы, главы и подглавы. Но в оценке его содержания почти все авторы единодушны: это не проповедь монашеского исключения из жизни, а, напротив, начало решительного разрыва со средневековой потусторонностью. Петрарка поднимает вопросы о свободе творчества и его содержании, о доблести и служении родине, об отношении к современной действительности, раскрывает свои представления о смысле уединения. Фрагментарно привлекаются также другие трактаты и письма гуманиста, позволяющие выявить развитие его воззрений.

Одной из главных особенностей средневеково-церковной культуры была, как известно, подавленность и приниженность человеческой личности, отсутствие ее автономной свободы. Это явилось неизбежным следствием как феодально-сословного построения общества, так и господства религиозного мировоззрения. «Человек утрачивал в религии свою собственную сущность, отчуждал от себя свою человечность»,— писал Ф. Энгельс⁸. Отсюда и религиозно-монашеское самоуглубление было по сути ослеплением человека, поскольку оно являлось «отделением человека от чувственного внешнего мира, насильственным погружением его в абстрактный внутренний мир с целью заставить его исправиться»; человек «превращается в призрак, а его жизнь — в ряд сновидений»⁹.

Интерес к человеку появляется в пору становления новых, раннебуржуазных отношений. Потребовалась неременная свобода товаропроизводителей в распоряжении своей личностью, имуществом, временем. А конкуренция должна была

⁷ Ревякина Н. В. Проблемы человека в итальянском гуманизме второй половины XIV — первой половины XV в. М., 1977, с. 246—252.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 594.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 196, 202.

привести к величайшему напряжению всех физических и духовных сил личности. «Все это, — пишет С. Д. Сказкин, — породило в сознании индивида представление о высшей ценности своего «я» как центра мира, средоточия безграничных внутренних возможностей»¹⁰.

Исследователи отмечают, что через творчество Петрарки проходит идея о необходимости для человека духовной, интеллектуальной свободы. Действительно, с этого начинается Петрарка, отстаивая всей жизнью и творчеством право на свободу мысли и свободу сомнения. «Иди свободно, куда поведет тебя душа, иди без страха и поспешно, иди вперед и вперед... Уж слишком долго ты живешь вне отечества и себя самого, — вот его напутствие в «Моей тайне»¹¹. А в зрелые годы он уверенно пишет Боккаччо: «Я сделаю все, дабы под старость не научиться рабству, и надеюсь, что это мне удастся: повсюду и всегда я останусь свободным. Я имею в виду свободу духа»¹². Причем, как и во многом другом, он не требует исключения лишь для себя: «Нет выше свободы, чем свобода суждения. Я требую ее для себя, чтобы не отказывать в ней другим»¹³.

В трактате «Об уединенной жизни» право свободы получает у Петрарки четкую антиавторитарную направленность: «В этом исследовании я опирался преимущественно на собственный опыт и не искал другого вожатого, да и не принял бы его, если бы он нашелся, потому что шаги мои свободнее, когда я следую влечению собственного духа, чем когда иду по чужим следам»¹⁴. В письмах он также неоднократно говорит, что свободе суждения не должны препятствовать никакие философские или теологические авторитеты¹⁵. Для гуманистов последующих поколений свобода суждений была столь

¹⁰ Сказкин С. Д. Избранные труды по истории. М., 1973, с. 372—373.

¹¹ Петрарка. Моя тайна. — В кн.: Петрарка. Избранное. М., 1974, с. 197. Этот трактат был первым философским сочинением гуманиста (1342—43 гг.). Он написан в форме диалога между Франциском и Августином. В данном случае интересен для нас тем, что позволяет выявить первые шаги философа в осмыслении проблемы свободы и уединения.

¹² Petrarca. Epistolae Senili VI, 2. — In: Francisci Petrarchae Florentini philosophi, oratoris et poetae clarissimi Opera, quae extant omnia, t. 1—4, Baseleae, 1581, p. 807.

¹³ Petrarca. De vita solitaria, 1, 4. — In: Petrarca. Opera, quae extant omnia, p. 236; «Nulla maior quam iudicii libertas, hanc itaque michi vindico, ut aliis non negem».

¹⁴ Ibid., p. 226.

¹⁵ Petrarca. Familiarum rerum, III, 6, 3. — In: Petrarca. Le familiari/A cura V. Rossi, Firenze, 1933, vol. 1, p. 115: «...sed philosophantium auctoritas non impedit iudicii libertatem».

непреложна, что превратилась в своего рода категорический императив, ставший, как и доблесть, свойством человеческой души. Нельзя не согласиться с Дж. Саитта, что великое дело духовного освобождения от традиций душастого автократизма своим родоначальником имело Петрарку¹⁶. Защита идеала духовной свободы — одно из важнейших проявлений освободительной миссии ренессансного гуманизма. Как пишет Р. И. Хлодовский, она переросла в защиту человека и человечности от догматизма средних веков¹⁷.

Но петрарковское требование свободы не исчерпывается идеалом интеллектуальной независимости. Оно имеет и весьма ощутимое социальное содержание. Вопросы о свободе Петрарка неоднократно касается уже в трактате «Моя тайна». Августин в обоснование своих суждений приводит строки из «Африки» (ранняя поэма Петрарки):

Пути мы ненавидим, и внешние цепи страшны нам;
То же, что нынче мы любим — тяжчайшие узы свободы¹⁸.

Слова эти в поэме произносит Сципион, и речь там идет не о свободе духа, а о гражданской, политической независимости.

Гражданский смысл этой декларации очевиден. Подобное суждение высказывает в «Моей тайне» Франциск: «Одна потеря свободы есть для мужественного человека величайшее страдание»¹⁹.

Свой идеал социальной свободы Петрарка формулирует так: «Не терпеть нужды и не иметь излишка, не командовать другими и не быть в подчинении — вот моя цель»²⁰. Традиционные общественные отношения, построенные на зависимости, не отвечают социально-этическому идеалу жизни гуманиста. Недаром пораженный Августин восклицает: «...ты мечтаешь приобрести богатство и могущество, каких не достигал еще ни один кесарь, ни один король»²¹. Он объявляет мечту Франциска «невозможной», призывает смириться с игом судьбы и довольствоваться человеческой долей, перечеркнуть все свои надежды и чувства, все человеческие стремления. «Тогда-то свободный, не подчиненный никому из людей и ни в чем не нуждаясь, ты, наконец, будешь истинно могучим, со-

¹⁶ Saitta G. Op. cit., p. 72.

¹⁷ Хлодовский Р. И. Цит. соч., с. 52.

¹⁸ Петрарка. Моя тайна, с. 93.

¹⁹ Там же, с. 124—125.

²⁰ Там же, с. 105.

²¹ Петрарка. Моя тайна, с. 106.

вершено счастливым владыкой»²². Франциск не подвергает прямым нападкам такое аскетическое понимание свободы, означающее социальную пассивность, недоверие к самому себе, пресечение всех земных мыслей и устремлений. Но вместе с тем уже не может согласиться с ним. И неловко уклоняется: «Я уже раскаиваюсь в своем решении и хочу ничего не хотеть»²³.

Жизнь и творчество Петрарки показывают, что он остался верен принципу, высказанному в «Моей тайне». Но в окружающей его действительности не было условий для реализации такого идеала. Очевидно, по этой причине гуманист так любил уединение: «...единственной целью всех моих странствований и сельского затворничества всегда была свобода»²⁴.

Какую же свободу нашел Петрарка в уединении? Как оно повлияло на гуманистическое настроение автора «Моей тайны»? Начнем с той стороны вопроса, которая мало привлекала внимание исследователей. «Я не знаю в уединении,— пишет гуманист епископу Вителбо Никколо,— ни угроз тирана, ни политических страстей». Он видит в уединении спасение от протигуирования законов, феодальных усобиц, распрей, заговоров, бряцания оружия²⁵. Петрарка удаляется от многих венценосцев, даже любимых им; многократно отказывается от самых заманчивых предложений и выгодных постов, «...столь большая любовь к свободе была во мне врождена, что я всеми силами избегал тех, чье имя одно казалось мне противным этой свободе»²⁶. Очевидно, одной из причин уединения Петрарки могло быть стремление к гражданской и политической свободе. Петрарка говорит, что сам он «никогда не домогался высокого положения», не находя на высших ступенях того покоя и душевной ясности, которое предпочитал всему²⁷. Свободы, по его мнению, тем меньше, «чем больше могущества и власти»²⁸. Он не побоялся пойти на разрыв с могущественными покровителями, приветствуя свободу, добытую Кола ди Риэнца. «Свобода среди вас,— пишет он римскому народу,— и нет ничего приятнее и желаннее ее... пусть каждый из вас

²² Петрарка. Моя тайна, с. 107.

²³ Там же, с. 108.

²⁴ Там же, с. 188.

²⁵ *Petrarca. De vita solitaria*, I, p. 233.

²⁶ Петрарка. Письмо к потомкам. — В кн.: Петрарка. Избранное. с. 12.

²⁷ Петрарка. Моя тайна, с. 133.

²⁸ *Petrarca. De remediis utriusque fortunae*, libr. I, dial. 91 — Opera..., p. 76.

думает, что ее можно покинуть только с жизнью»²⁹. Гражданская свобода для Петрарки — «высшее и преимущественное благо жизни... стремление к которому прирождено душе смертных»³⁰. У. Дотти отмечает огромное значение призывов гуманиста к свободе, которые «звучат как вызов в условиях коррупции власти кондотьеров, всевластия порока, в условиях упадка городских коммун»³¹. А Петрарка хорошо понимал взаимосвязь гражданской и интеллектуальной свободы: «Свобода мысли и слова непременно должна быть в свободном государстве»³².

Завоевание его собственной свободы начинается с удаления из Авиньона, «этой тесной омерзительной ямы, куда стекаются нечистоты со всего света... Все это изнурует ум, лишает покоя благородный дух и мешает научным занятиям»³³.

Уединение освобождает и от ненавистных социальных контрастов. Там редка роскошь, нет несправедливости и высоких порогов, к которым человек приближается с трепетом, там человека любят за него самого, а не за его богатство³⁴; там нет господства и рабства, лишаящего свободы, собственной природы и доблести³⁵. Только в уединении,— пишет Петрарка,— «ты можешь быть и свободным, и господином, и покровителем, и одиноким»³⁶.

Рассматривая в трактате «Об уединенной жизни» обстоятельства современной ему общественно-политической действительности, Петрарка убедительно доказывает, что она совершенно лишает человека свободы действия, воли и суждения, возможности жить, так сказать, «по себе». Всякий человек, включенный в этот лишенный свободных и справедливых начал феодально-церковно-сословный механизм, есть «осциратус» — «занятый». Но чем? «Чужими делами они занимаются, чужой воле подчиняют свое суждение, и все, что должно делать, обучены делать от чужого лица; все у них чужое: чужая дорога, чужая кровля, чужой сон, чужая пища, и, что самое ужасное,— чужой ум, чужое лицо. Не по своему желанию плачут и смеются... И, наконец, чужое обсуждают, о чужом раз-

²⁹ *Petrarca. Epistolae Varie*, XL VIII.— Opera..., p. 1035.

³⁰ *Petrarca. Fam.*, XIV, 6, app. I.

³¹ *Dotti U. Op. cit.*, p. 535, 544.

³² *Petrarca. De sui ipsius et multorum ignorantia*.— Opera..., p. 1056.

³³ Петрарка. Моя тайна, с. 139—140.

³⁴ *Petrarca. De vita solitaria*, II, 5, 3, p. 274.

³⁵ *Petrarca. De remediis...*, I, dial. 116.

³⁶ *Petrarca. De vita solitaria*, II, 10, 2, p. 287; «*Hic tu quoque, quod rarum, et liber, et dominus, et praesul, et solitarius esse potes*».

мышляют, ради чужого живут... Они связаны кандалами»³⁷.

Петрарка считает такое существование совершенно бесполезным, тенью жизни, так как «оссиратус» из-за чужих работ теряют свою свободу и более того — передают рабство потомкам: они «...чересчур слепы и безумны и повержены в потемки, и чем выше поднимают чужое, тем ниже падают сами»³⁸. Такая жизнь, как ясно из одного письма, совершенно неприемлема для гуманиста: «Никто никогда не запретит мне идти туда, куда нравится, избегать того, что мне не по душе, испытывать себя в делах, никем не предпринимавшихся, избирать для себя тропинки более удобные и прямые»³⁹. Перед нами своеобразная декларация свободы человека: убеждение в необходимости независимости мысли и действия, свободы выбора профессии и жизненного пути, отстаивание права на новаторство, на вольное плавание через океан жизни. Антифеодалность, антисловность этой декларации едва ли требует доказательств.

Возможность так жить Петрарка находит только в уединении: «Есть ли большее счастье, чем жить, как ты хочешь, идти, куда ты хочешь, стоять, где ты хочешь... быть самим собой...»⁴⁰. Из этих слов Петрарки становится также в какой-то степени ясно и другое — что дороги перед гуманистом вовсе не устланы коврами. А. Х. Горфункель в своей книге убедительно показал, сколь велики были в XVI в. силы, враждебные гуманизму. Можно думать, они были и раньше. В приведенных словах Петрарки чувствуется протест против запретов, принуждений, ограничений, лишений.

Уединение стало дорого Петрарке и как прибежище нравственной свободы. Он не знает там «ни бесстыдства соотечественников, ни ядовитого языка клеветников, ни обмана, ни суеты, ни зависти, ни честолюбия, не прелюбодеяния»⁴¹. Он убегает туда от нравов и обычаев толпы, чтобы быть вдали от дурных примеров города, «где все заняты лживыми рассуждениями, изнуряющими и мучающими распрями»⁴². Уединение же — мать всех доблестей (*alma virtutum nutrix*)⁴³, мужества и истинных размышлений⁴⁴. Только жизнь в уединении

³⁷ Ibid., I, 3, 1, p. 231.

³⁸ Ibidem.

³⁹ *Petrarca. Fam.*, XXII, 2, 20.

⁴⁰ *Petrarca. De vita solitaria*, I, 4, 9, p. 239.

⁴¹ Ibid., II, 5, 3, p. 274.

⁴² Ibid., I, 4, 9, p. 239—240.

⁴³ Ibid., II, 5, 3, p. 274; II, 2, 8; I, 3, 2; II, 10, 4.

⁴⁴ Ibid., II, 2, 8, p. 256.

возвращает добродетели, возрождает и оздоравливает душу, восстанавливает нравы, обновляет чувства⁴⁵. Уединение вдохновляет «хорошо исполненное дело жизни заключить прекрасным концом»⁴⁶.

Уединение, как отмечал еще М. С. Корелин, не отвращает, но напротив, обращает Петрарку к природе, постижению ее богатств и красоты, к наслаждению естественным. «Ты некогда наслаждался бродячей жизнью в отдаленной усадьбе... То прилегли на мураву лугов, то внимая ворчливому журчанию потока, то, сидя на открытом холме, измерял свободным взглядом простертую перед тобой равнину и наслаждался желанной тишиной», — напоминает Августин Франциску в одном из диалогов «Моей тайны»⁴⁷. Насколько ново и неаскетично такое слияние с природой, особенно ясно из сопоставления с отношением к ней Екатерины Сиенской, католической святой XIV в., жившей одновременно с Петраркой. В ее письмах природа как таковая занимает самое малое место; в них никогда не встретишь пейзажей; весь естественный мир для нее — лишь бледная декорация⁴⁸. Наслаждаться природой, радоваться миру — для святой Екатерины есть крайнее безволие и беспорядочная чувственность⁴⁹. А Петрарка живет в Воклюзе как в «земном раю»:

Я здесь живу, природой окружен
И, на Амура не найдя управы,
Слагаю песни, рву цветы и травы,
Ищу поддержки у былых времен
Ни до Фортуны, ни до черни дела⁵⁰.

Весной он утешается «между пурпуром цветов, осенью — между куч опавших листьев, зимой обогрывается лучами солнца»⁵¹. Петрарка часто избирает природу властителем своих чувств и дум — и в этом едва ли не самый осязаемый пункт поворота от того внутреннего аскетизма, к которому вплоть до Екатерины Сиенской страстно призывали церковные писатели.

Поэт не преследует в уединении и монашеского идеала

⁴⁵ Ibid., I, 3, 2, p. 252.

⁴⁶ Ibid., II, 10, 4, p. 288.

⁴⁷ *Петрарка. Моя тайна*, с. 98—99.

⁴⁸ *Sticco M. Santa Caterina da Siena.* — In: *Letteratura italiana. I minori.* Milano, 1959, t. 1, p. 396.

⁴⁹ *Caterina da Siena. Epistolario.* Siena, 1966, v. 2, lett. 47, p. 415—416.

⁵⁰ Петрарка. Сонет CCXXXI. (пер. Е. Солоновича). — В кн.: Петрарка, *Избранное*, с. 345.

⁵¹ *Petrarca. De vita solitaria*, I, 4, 9, p. 239.

бедности, умерщвления плоти, которые, как отмечает В. Фергюсон, средневековая церковь унаследовала от раннего христианства⁵². «Здесь радость, свобода, простота,— пишет Петрарка в трактате «Об уединенной жизни»,— и то положение, к которому мы должны больше всего стремиться — между богатством и бедностью».

Тем более он не бежит людей, радуясь общению с рассудительными, скромными и милыми сельскими жителями, которые «никому не причиняют вреда, беззащитные, как этот миролюбивый край». Его уединение не мешает дружбе, но, напротив, предполагает простое и близкое общение, собрания, пирушки «не под золотыми цепями, но под сенью сельских дубов»⁵³.

Словно предвидя последующие упреки в эгоизме и мизантропии, Петрарка пишет: «Меня улаживают не столько уединенный простор, и не тишина, сколько обитающие там покой и свобода, и я не настолько бесчеловечен, чтобы ненавидеть людей, любить которых нам предписывает божественное повеление»⁵⁴.

Гармония между человеком и природой,— пишет Р. И. Хлодовский,— начинает рассматриваться гуманистом как величайшая предпосылка человеческой свободы⁵⁵. Лучшим же выражением любви к людям служит все творчество Петрарки, полное внимания и уважения к человеческим чувствам и помыслам, устремленное не только на себя, но и на общественные беды и нужды. А ведь большая часть его сочинений была «либо написана, либо начата, либо задумана»⁵⁶ именно в уединении, в котором, как говорит его Августин, «никогда не был празден твой ум, но всегда занят какой-нибудь высокой мыслью, и, сопутствуемый музами, ты никогда не был один»⁵⁷. Не менее выразительно сказано и в одном из сонетов:

Других не знаю в этом мире мест,
Где пишутся стихи в один присест,
Где даже слезы мне мои желанны⁵⁸.

⁵² Ferguson W. K. The Renaissance. N. Y., 1940, p. 115.

⁵³ Petrarca. De vita solitaria, II, 2, 2; I, 5, 4, p. 243—244.

⁵⁴ Ibid., I, 3, 3, p. 233: «Nec me tam vacui recessus et silentium delectant, quam neque adeo inhumanus sum ut homines oderim, quos edicto celesti diligere jubeor ut me ipsum...».

⁵⁵ Хлодовский Р. И. Цит. соч., с. 79.

⁵⁶ Петрарка. Письмо к потомкам..., с. 18.

⁵⁷ Петрарка. Моя тайна, с. 99.

⁵⁸ Петрарка. Сонет ССІХ.— В кн.: Петрарка. Избранная лирика/ Пер. Е. Солоновича. М., 1970, с. 103.

В уединении не только окрылялась песня поэта, но углублялись его мысли. В трактате «Об уединенной жизни» он многократно подчеркивает, что должно избрать уединение «не для бесславного безделья, но для размышлений, ибо известно из Цицерона: для ученого мужа жить — значит мыслить». А в начале трактата говорится еще более определенно: «Уединение без наук — изгнание, тюрьма, жало, смерть, живая могила человеку, присоедини науки — родина, свобода, наслаждение»⁵⁹. Совершенно ясно, что уединение избирается и предпочитается Петраркой для гуманистических занятий. А первая часть фразы — не характеристика ли монашеского уединения?

Вообще в этом трактате, как отмечал еще Г. Фойгт, слышен голос философа-гуманиста, который жаждет плодотворного обращения к чтению и науке, избавленный от суеты, мелочных забот, пустых и утомительных распрей, зависти знатной черни⁶⁰. Петрарка полагал, что и в будущем истинные философы не побегут в города, но скроются в уединении, как делает это он сам и как поступали прежние, античные мыслители⁶¹.

Особенно важно отметить, что в уединенном Геликоне Петрарка молился нечасто, хотя и считал себя грешником, но зато «редко помышлял о чем-нибудь другом, как о свободных студиях»⁶². Их результатом явились «Моя тайна», сотни писем, трактат «О средствах...», весьма четко показывающие становление нового, светского мировоззрения. Петрарка отстаивает право на условия для свободного творчества.

Сколь неразрывно уединение Петрарки было связано с творчеством, столь же тесно — со славой. В «Моей тайне» Августин упрекает Франциска: «...твоя похвальба насчет бегства из городов и нежная любовь к лесам — не оправдание, но только перелицовка твоей вины... Ты стремишься по скользкой тропинке к той же честолюбивой цели... (о чем свидетельствуют) самые твои труды, до сих пор неизменно венчавшиеся славой»⁶³. Но если Франциск еще как бы оправдывается за свое стремление к славе, то в трактате «Об уединенной жизни» возможность «выделиться наиболее прекрасно и доблестно» выдвигается в качестве одного из важнейших преимуществ

⁵⁹ Petrarca. De vita solitaria, I, 3, 2, p. 231.

⁶⁰ Фойгт Г. Цит. соч., с. 104—107.

⁶¹ Petrarca. De vita solitaria, II, 7, 1, p. 278.

⁶² Petrarca. De sui ipsius..., p. 1041.

⁶³ Петрарка. Моя тайна, с. 63.

ществ уединенной жизни. Нет жизни без «прекрасной жадности доброй славы и почетных занятий»⁶⁴.

И, наконец, одним из главных доводов Петрарки в пользу уединения является представление о его прямой общественной полезности. Вопрос о том, как сочетать «жизнь для себя» с жизнью для других, поднимается уже на страницах «Моей тайны». Августин, повторяя сентенции Цицерона, говорит, что даже те, «которые считались наиболее счастливыми и для которых живут тысячи, в то же время сами живут для других, о чем свидетельствуют их непрестанные бдения и труды»⁶⁵. Франциск соглашается с этим, но дальше разговор на данную тему не идет. В трактате «Об уединенной жизни» вновь встают обе проблемы. Отмечая, что в уединении «всем твоим трудам благоприятнейшее место»⁶⁶, Петрарка включает в их число размышления о родине, труд на ее благо, воспитание в себе качеств и способностей к великим делам. Он ссылается на пример Цицерона и других античных деятелей⁶⁷. Гуманист считает, что уединение не мешает, а помогает стать «прекрасным гражданином родины»; в нем «нет ничего вредного для политики: наоборот, уединение часто бывает ей очень полезно»⁶⁸. Оценивая свое воклюзское затворничество, Петрарка говорит, что в нем «сочетается собственное желание и польза для общества: именно из уединения я буду более полезен миру»⁶⁹. Эти рассуждения раскрывают подлинный общественный смысл ренессанского индивидуализма, побуждавшего человека не просто раскрывать все заложенные в нем возможности, но и направлять их на общественную пользу.

Особенно важно отметить, что Петрарка при всей его огромной любви к творческому одиночеству, все же не абсолютизирует его. Уже из «Моей тайны» ясно, как горячо он тянется к людям, городу, который ненавидит лишь постольку, поскольку он полон стеснений и пороков, и даже к нему обращая свои взоры из уединения⁷⁰. А в трактате «Об уединенной жизни» он говорит просто и убежденно: «...я готов покинуть уединение, где я удовольствуюсь самим собой, и подчинить мои устремления государству; я буду жить и действовать там, где я могу стать полезным миру»⁷¹. Можно ли после этого со-

⁶⁴ *Petrarca*. De vita solitaria, I, 3, 2, p. 232.

⁶⁵ *Petrarca*. Моя тайна, с. 136.

⁶⁶ *Petrarca*. De vita solitaria, II, 10, 2, p. 286.

⁶⁷ *Ibid.*, I, 2, 1; II, 10, 2; II, 8, 2, p. 281.

⁶⁸ *Ibid.*, II, 2, 1.

⁶⁹ *Ibid.*, I, 3, 2, p. 232; «...unde utilis mundo sim».

⁷⁰ *Petrarca*. Моя тайна, с. 146—147, 198.

⁷¹ *Petrarca*. De vita solitaria, I, 3, 2, p. 232.

гласиться с утверждением А. Трипе, что у Петрарки противоположность между «я» и обществом достигает уровня литературного манихейства, в котором раю одиночества противопоставит демоническая жизнь коллектива⁷². Трипе не видит различий между отношением Петрарки к окружающей его феодальной действительности, к жизни авиньонской мешанской толпы, действительно схожей с жизнью скота, и его желанием быть полезным обществу и людям. Он потому и бежит от окружающего его общества, что в нем «не гуманности ты выучишься, не ненависти к отвратительным порокам, но, напротив, ненависти к людям, ненависти к занятиям, ненависти к тому, что ты ценил, ненависти к себе самому»⁷³. Но в том же трактате он говорит: «Что счастливее, что достойнее человека и более приятно богу, чем служить и помогать как можно большему числу людей? Если же кто этого не делает, тот, на мой взгляд, отвергает славный долг человечности, утрачивая из-за этого имя и природу человека»⁷⁴.

Петрарка наполнил уединение глубоко гуманистическим содержанием. Он же первым поставил важный вопрос о необходимости свободного развития и самораскрытия человека. Требование духовной и интеллектуальной свободы означало раскрепощение человека от феодально-церковно-сословной нивелировки и подавления, подъем чувства личности. Дополняясь и обогащаясь представлением о социальной независимости, оно стало вдохновляющим импульсом для последующих поколений гуманистов.

Л. В. Дорофеева

КРИТИКА ДВОРА ПЕРВЫХ ТЮДОРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА СКЕЛТОНА

«...как о том написал магистр Скелтон,
веселый поэт».

Эдуард Холл. «Хроники»¹

Веком честолюбия называют рубеж XV и XVI столетий в Англии². Никогда дотоле английская история не знала более

⁷² *Tripet A.* Op. cit., p. 42—46.

⁷³ *Petrarca*. De vita solitaria, I, 4, 9.

⁷⁴ *Ibidem*, p. 322.

¹ *Hall E.* Henry VIII. L., 1904, v. 1, p. 287.

² *Du Boulay F. R. H.* An age of ambition. English society in the late middle ages. N. Y., 1970.

крутого и болезненного перелома во всем: в экономической жизни (огораживания, экспроприация крестьянства, рождение мануфактуры), религиозной (реформация), политической (окончательное утверждение абсолютизма) и культурной (начало гуманизма).

Литературные свидетельства этой ломки сохранило творчество современника двух первых Тюдоров — Генриха VII и Генриха VIII — поэта-лауреата Джона Скелтона (1460—1529). Выпускник Кембриджа, переводчик многих ученых трудов, автор учебника английской грамматики, в 1494—1504 гг. он был приближен ко двору Генриха VII в качестве воспитателя будущего короля — принца Генри. Правда, готовили принца к духовной карьере, поскольку трон предназначался его старшему (вскоре умершему) брату Артуру. Видимо, подготовили Генри к этой карьере чересчур хорошо, ибо позднее он нисколько не сомневался в своем праве быть даже главой церкви. При Генрихе VIII Скелтон часто приезжал в Лондон и был королевским оратором.

Не все из написанного Джоном Скелтоном сохранилось, а был он плодовитый поэт: из-под его пера в изобилии выходили баллады (его «Баллада о шотландском короле» *A ballade of the Scottyshe kynge* в 1513 г. явилась первой печатной английской балладой), озорные любовные песни в духе вагантов (хотя сам Скелтон уже с 1494 г. был священником и с 1504 г. имел приход Дисс в Норфолке), мадригалы знатым дамам и многочисленные сатиры. На нескольких произведениях последнего жанра мы и остановимся. Задача данной работы — определить роль Скелтона как поэта (более крупного поэтического таланта в его время в Англии не было) в формировании и выражении общественного мнения в начавшемся гуманистическом культурном движении и художественную специфику отражения в его произведениях круга явлений, ставших объектами его сатиры.

Скелтон — фигура переходная и, конечно, очень противоречивая. Он обличает пороки духовенства — и нападает на Уиклифа, Лютера и других «еретиков», он оплакивает смерть графа Нортумберлендского во время народного мятежа — и он же пишет о жалком положении бедняков, он призывает к миру — и он же сочиняет филиппики против Шотландии, он переводит Цицерона и Диодора Сицилийского — и в университетской «войне грамматиков» отстаивает схоластические позиции. «Был ли Скелтон герольдом английского Ренессанса или последним песнопевцем средневековья? Гуманист ли он и в партии Лютера, сам того не ведая, или традиционный защит-

ник веры? Пока критики отвечают на эти вопросы субъективно, нам предлагается несколько разных Скелтонов», — пишет в 1965 г. один из его истолкователей Стэнли Фиш³. Обратимся же к его сатирам.

Самую раннюю сатиру Джона Скелтона, поэму «Придворный паек» английские исследователи датируют по-разному. В «Кембриджской истории английской литературы» указан 1509 г.⁴, более поздние авторы относят поэму Скелтона к 1498 г.⁵. Как бы то ни было, Генрих VIII вступил на престол в 1509 г. — в поэме же высмеиваются придворные порядки до его царствования или в момент его прихода к власти.

Атмосферой праздничности, столь характерной для двора Генриха VIII, двор его отца не отличался (хотя и при дворе Генриха VII имелись распорядители рождественских и майских торжеств и актерская труппа исполнителей масок)⁶; отличала же двор атмосфера алчности. Главным стяжателем был сам Генрих VII, скопивший к концу жизни 2 млн. фунтов стерлингов. Многие были разорены двумя его бессовестными законниками Ричардом Эмпсоном и Эдмундом Дадли. Друг Томаса Мора итальянец Полидор Вергилий (1470—1555), проживший в Англии почти всю жизнь, в своей «Истории Англии» писал об этом: «Когда такое положение вещей утвердилось, никто не осмеливался жаловаться на происходящее открыто, но все пребывали в страхе за себя и свои интересы...»⁷. Полидор Вергилий перечисляет все дежурные королевские достоинства Генриха VII, но с прискорбием отмечает его жадность: «...Алчность (как мы уже показали) теперь настолько возобладали и пронизала все формы деятельности, что это стало воистину бременем для его народа и не принесло пользы самому монарху»⁸. То есть не принесло пользы доброму имени короля... Само название поэмы Скелтона «Придворный паек» говорит об алчности, стяжательстве, как определяющей черте жизни двора Генриха VII.

Поэт, заснувший в Гарвичском порту, в гостинице «Ключ к власти», видит во сне хорошо оснащенный корабль с характерным названием «Придворный паек» (*The Bouge of Court*).

³ Fish S. E. *John Skelton's Poetry*. L., 1965, p. 27.

⁴ *Cambridge History of English Literature*. Cambridge, 1918, v. 3, p. 74.

⁵ *The Complete Poems of John Skelton, Laureate*/Ed. by Ph. Henderson. L., 1948.

⁶ *Welsford E. The Court Masque*. N. Y., 1962, p. 116—117.

⁷ *Vergilius Polydorus. The Anglica Historia of Polydore Vergil*. A. D. 1485—1537/Ed. with a translation by Denys Hay. L., 1950, p. 131.

⁸ *Ibid.*

Слово *bowge*, или *bowge* очень емкое; оно вмещает несколько синонимических и омонимических рядов: бумажник, котомка (не правда ли, «кошелек» тоже неплохо звучит как имя корабля?); богатство, добыча, мешок, кожаная сумка, вымя, чрево, грубо — проститутка; стряпня, харчи; коррупция — со всеми оттенками испорченности, искаженности, продажности, недостоверности; широкая часть бочки, днище судна, трюмная вода; оттопыриваться, надуваться (о парусе), висеть мешком, заявлять права, кричать «чур», убивать, захватить, пробить днище. Заголовок уже сам по себе звучит как целая сатирическая поэма. В комментариях к современному изданию поэм Скелтона слово *bowge* толкуется как «даровые харчи от королевского стола».

В трюмах стоящего на якоре корабля есть все, что пожелаешь:

Его высокая владелица знатна,
Зовется Несравненною та Дама,
Товар на корабле богат весьма,
Хоть плата непомерна, скажем прямо;
Фавор — вот королевский этот самый
Товар, и этой леди посвящен.
И в давке все спешат со всех сторон
Желающие видеть леди эту...

«The owner thereof is lady of estate
Whose name to tell is Dame Saunce-pere;
Her merchandise is rich and fortunate,
But who will have it must pay therefor dear;
This royal chaffer that is shipped here
Is called Favour to stand in her good grace».
Then should ye see there pressing in apace
Of one and other that would this lady see...

(Стихи здесь и далее переведены автором статьи.)

Стремящиеся к Фавору хотят заглянуть за шторку из золота и шелка, где трон хозяйки «Придворного пайка»:

Там трон ее слепит сильнее, чем Феба
Сияние в лазурных сферах неба,
А блеска красоты ее, клянусь,
Описывать я даже не берусь.

In a throne which far clearer did shine
Than Phoebus in his sphere celestine;
Whose beautie, honour, goodly port
I have too little cunning to report.

Поэма Скелтона частично драматизована по образцу средневекового моралите. Поэт, назвавшись Скромником (*Drede*),

замечает в толпе даму по имени Опасность (*Danger*) и робко топчется на месте, хотя и ему хочется вместе со всеми приблизиться и купить немножко приманчивого товару. Но тут к нему приближается другая дама по имени Желание (*Desire*):

«А ну, — она сказала мне, — взбодрись-ка, брат,
Да не тушуйся, право, будь смелей,
Шагни вперед — не отступай назад.
И хотя наш товар дороговат,
Тебе советую я молвить смело:
Кто смел для речи, глядь, уж смел для дела».

Эта строфа выражает типичные для той эпохи приметы — кто рискует, тому чаще выпадает удача:

«О госпожа, где связи и друзья,
С которыми пути вперед легки!
А во-вторых, ничтожен слишком я...»
«Тс-с, — мне Желание, — все пустяки!
Вот бриллиант в кредит с моей руки —
Во всей стране нет краше и богаче, —
А ну, взгляни: в твоих руках Удача!»

Бриллиант Удача (*Bon Adventure*) становится для Скромника спасительным талисманом. Желание показывает Скромнику рулевого «Придворного пайка»: это не кто иной, как капризная Фортуна.

«Кого возлюбит, все дары тому
Дает смеясь, а обернется зло
К кому — в пучину тех, во тьму;
Нахмурится — уж замышляет бой;
Тебя делеет — и тебя ж долой».
«Увы, — сказал я, — мне-то как же быть?»
«Ну, а на что Удача?», — говорит.

«Whom she loveth, of all pleasure is rich,
Whiles she laugheth and hath lust for play;
Whom she hateth, she casteth in the ditch,
For when she frowneth, she thinketh to make a fray;
She cherished him, and him she casteth away».
«Alas», quod I, «how might I have her sure?»
«In faith», quod she, «by Bon Adventure».

Полидор Вергилий писал о Генрихе VII: «Он не избегал учености... Но с теми своими подданными, которые были у него в долгу и не платили ему подобающим почитанием, или теми, которые были щедры только на обещания, он обходился со всей суровостью»⁹. Положение ученого было таким же ненадежным, как и любого другого фаворита. Недаром Томас

⁹ Ibid., p. 145.

Мор воспринял свое приближение ко двору Генриха VIII как несчастье.

Как только Скромник оказался на борту, а корабль вышел в открытое море, вокруг героя начали кружить семь темных личностей. Это, однако, не семь традиционных смертных грехов. Это букет придворных персонифицированных пороков: Лыстец (Favell), Подозрительный (Suspect), Гордец (Disdain), Разгул (Riot), Лицемер (Dissimuler), Коварный (Subtily) и вор Гарви Хафтер (Harvy Hafter). Фортуна часто с ними танцует. Поначалу темные личности не захотели водиться со Скромником, но, узнав, что ему везет, ищут способов с ним рассчитаться, по очереди подходят к нему, то заискивая перед ним, то угрожая, — и наконец организуют против него общий заговор.

Живописует Скелтон этих негодяев в проническом духе Джеффри Чосера, в его традициях и даже его размером. Однако фигуры поэмы не только колоритны, но и откровенно аллегоричны (вспоминается не столько Себастьян Брант, сколько Уильям Ленгленд). При этом аллегория дана в таких живых и метафорически насыщенных образах, что ведут себя как реальные персонажи не только герои поэмы — носители символических имен, — но также их вещи, их одежда, внутренние органы их тела и даже их страсти и чувства. Вот портрет продувной бестии Гарви Хафтера, всюду посящего на груди мешочек с игральными костями:

Игрок таскал суму своих утех,
Готова его глотка неть была.
(А под плащом виднелся лисий мех).
Запел по-воровски: «Идут дела...»,
Осклабясь, с бородой, как у козла.—
Лишь ею он мой взгляд к себе привлек,
Мой начал сокращаться кошелек.

Гарви Хафтер, как и другие персонажи поэмы, поливал грязью остальных пассажиров корабля и уверял Скромника, что он его единственный друг, — пока не отошел к надменно-му Гордецу:

Чуть отдалившись, тотчас заодно
Он стал с другим, а этот, на мой взгляд,
Нос так задрал высоко, что чудно,—
Так ни во что он ставил всех подряд;
Презрительно кричал его наряд,
Был гневом оторочен капюшон,—
И хмурился, кляня всех будто, он.
Перекошнным пыжился лицом
Он, как от жала ос,— взбредет кому
На ум с таким водиться гордецом?

Разъела зависть печень всю ему:
Как смертный прах, он бледен потому;
Так иссушил его, что стал он слаб,
Высокомерия когтящий краб.

With that, as he departed so from me,
Anon there met with him, as methought,
A man, but wonderly bessen was he.
He looked haughty; he set each man at nought;
His gawdy garment with scorn was all wrought;
With indignation lined was his hood:
He frowned, as he would swear by cockes blood.

He bit his lip, he looked passing coy;
His face was belimmed as bees had him stung:
It was no time with him to jape nor toy.
Envy had wasted his liver and his lung,
Hatred by the heart so had him wrung
That he looked pale as ashes to my sight:
Disdain, I ween, this comerous crab is hight.

Перед нами аллегория надменности, но одновременно — и типичная фигура придворного: такого надменного можно встретить только при дворе.

Конкретные детали придворного быта мы находим и в любопытном сатирическом описании Разгула:

...Разгул ввалился — лоботряс,
Красавчик, шелудивый франт, нахал;
<...>
Что он за гусь, я ближе разглядел:
Тяжелый он имел с попойки вид
И мутный взгляд; лик, что стекло, блестел;
Плащ у него был ветерком подбит —
К тому же им и зад-то не прикрыт!
Хоть на штанинах модная кайма,
Но у коленок порвано весьма.

Описывая наряд своего героя, Скелтон поминает даже Керби Кендала, хозяина знаменитой мануфактуры зеленого сукна:

Костюм в заплатках (красных все да синих);
Зеленый Керби Кендала жилет;
«Дал дьякон петуха» гнусил он;
Продрались локти (тоньше сукон нет!);
Под носом капля, губ бескровен цвет;
Меч и кошель болтались на боку
(Черт сломит ногу там ища деньги).

His coat was checked with patches red and blue;
Of Kirby Kendal was his short demie
And aye he sang, In faith, Deacon, thou crew;
His elbow bare, he wear his gear so nigh;
His nose a-dropping, his lippes were fully dry;
And by his side his whinard and his pouch,
The devil might dance wherein for any crouch.

Насмешливый взгляд поэта ничего не упускает:

Мотив О их перстом вам отстучит...
А страусиное перо из каплуна
Свежо так в шляпе у него торчит!

«Ну ж раут был!» — и вот понес спяна,
С ним сколько раз Жаннет была одна,
Сколь часто, к пышке Филис, к крошке Кэт
Стучась, он смог задвижку отпереть.

«What revel rout» quod he, and gan to rail
How oft he had hit Jannet on the tail,
Of Phillis flaatuous, and little pretty Kate,
How oft he had knocked at her clicked gate.

В конечном счете, Разгул оказывается сутенером: проигравшись в кости, он бежит за деньгами в бордель к своей милашке, достоинства которой он описывает в жокейских терминах:

Имей коня я, какова кобыла
Она, я б Францию объехал без труда;
Ее наезднику легко, но не сломила б
Копья и шею резвая езда:
Нет, ей нужна короткая узда.
Мы с бедностью спешим к ней со всех ног,
А ты вот шляпу подержи в залог.

Had I as good an Horse as she is mare
I durst adventure to journey thorough France;
Who rideth on her, he needeth not to care,
For she is trussed for to break a lance:
It is a curtal that well can winch and prance.
To her will I now all my poverty allege,
And, till I come, have here my hat in pledge.

Не исключено, что современники в этих острокarakterистиках по каким-то деталям узнавали вполне определенных лиц.

Придворная шайка поэмы воспринимает Скромника как выскочку, который при дворе без году неделя, в то время как они, старые придворные, на их взгляд, немногого добились.

«Так он в большом фаворе? Мы в теки,
А Доктору Вороне весь почет?
Пока — клянусь христовыми костями! —
Наш свет у нас крадет он, мы — не в счет».
А Гарви в тон ему тотчас: «Вот-вот,
Чтоб не был наш удел и впрямь таков,
Швырнем его за борт без лишних слов».

Но фаворита без лишних слов за борт швырнуть нельзя, его голыми руками не возьмешь — на то он фаворит! — поэто-

му вокруг Скромника плетется сеть интриг, — впрочем, эта сеть плетется вокруг каждого. Как говорит один из персонажей:

Боюсь сказать: повсюду западни,
И весь наш двор — обманщики одни.

I dare not speak, we be so laid in wait,
For all our court is full of deceit.

Когда Скромнику становится ясной обстановка на корабле, он приходит в ужас, заметив, как вся эта темная компания из семи молодчиков со злобещим видом приближается к нему, плотно смыкая кольцо. Он чувствует себя прижатым к борту — он в отчаянии сам выбрасывается за борт «Придворного пайка»... и просыпается. «Это было во сне, — говорит поэт. — Я не скажу, что это было на самом деле. Но иногда такие сны правдивы».

В поэме 76 строф, но написана она очень динамично и прочитывается с неослабевающим интересом. Она имеет явные средневековые черты: форму видения, аллегоричность, однако, ей присуща и «индивидуалистическая экспрессия». «Будучи видением и аллегорией, «Придворный паек» сосредоточен на «я» как литературном характере»¹⁰. Это относится прежде всего к образу Скромника и к образам других персонажей, особенно когда они раскрываются в монологах. С. Фиш считает, что сознание Скелтона трагично отразило в поэме начавшуюся ломку общественного бытия; поэма, по его мнению, оставляет «в итоге впечатление не посрамленного или осмеянного, но торжествующего порока»¹¹. Л. Ллойд видит смысл поэмы в конечном выводе: честный человек в таких условиях должен или бежать, или погибнуть¹².

Джон Скелтон не обладал широтой взгляда и глубиной проницательности Томаса Мора, но в «Придворном пайке» он набросал живой и яркий образ общества пожирающих друг друга паразитов и хищников; он выразил присущую человеку эпохи раннего гуманизма веру в ценность интеллектуальных и этических достоинств личности, улование на то, что эти ценности могут быть взяты под защиту абсолютизмом и — растерянность перед дурными предчувствиями. Эта растерянность, однако, не лишила его смелости остаться сатириком и в меру своих способностей нападать на зло.

¹⁰ Heiserman A. R. Skelton and Satire. Chicago, 1961, p. 15, 27.

¹¹ Fish S. E. Op. cit., p. 74.

¹² Lloyd L. J. John Skelton: a Sketch of his Life and Writings, N. Y., 1968, p. 37.

Второе крупное сатирическое произведение Джона Скелтона — драма «Великолепие» (*Magnificence*), написанная в 1516 г., обращено против пороков двора Генриха VIII и пороков молодого короля.

Генрих VIII был самым большим разочарованием для английских и даже европейских гуманистов. Лорд Уильям Монтжой писал 27 мая 1509 г. Эразму: «Я говорю не сомневаясь, мой Эразм: когда ты услышишь, что наш принц, ныне Генрих Восьмой, кого мы могли бы лучше назвать нашим Октавианом, достиг отцовского трона, твоя меланхолия вмиг тебя покинет. Ведь именно ты так много ожидал от принца, с чьим выдающимся и почти божественным характером ты хорошо знаком и кому ты не только известен, но даже близок, ибо располагаешь полученным от него (чем обладают немногие) собственноручным письмом. Но когда ты узнаешь, каким героем он сейчас выглядит, как мудро он смотрит на вещи, какой он поборник справедливости и доброты, какую страсть он питает к ученым, я осмелюсь поклясться, что тебе не понадобятся крылья, чтобы прилететь взглянуть на эту новую и благоприятную звезду. О мой Эразм, если бы ты только мог видеть, как весь мир сейчас ликует, приобретя столь великого государя, как его жизнь для всех дорога, ты не удержал бы слез радости. Небеса смеются, земля торжествует, все сущее полнится млеком, медом и нектаром! Алчность изгнана из страны. Великодушные разбрасывает блага щедрою рукою. Наш король жаждет не злата, жемчуга, драгоценных металлов, но добродетели, славы, бессмертия!»¹³.

И Томас Мор, и Джон Скелтон поднесли панегирики и оды восемнадцатилетнему Генриху VIII, который в зрелом возрасте эволюционировал в тирана, короля-преступника, злоупотреблявшего правами абсолютного монарха.

Генрих VIII был спортсмен, музыкант, композитор, блистал разносторонними талантами. Итальянский посол Себастьян Джустиниани писал о нем в отчете 10 октября 1519 г.: «Он ладно сложен; хороший музыкант, славно сочиняет; мастерский наездник; прекрасный боец на турнирах; хорошо говорит по-французски, латински, испански; очень религиозен: слушает три мессы в день охоты, а в обычные дни и пять. ...Он поистине обожает охоту и никогда не окончит этого развлечения, не загнав восемь или десять лошадей. ...Он чрезвычайно

¹³ England under the Early Tudors (1485—1529)/Ed. by C. H. Williams. L., 1925, p. 65.

любит теннис, — и приятнейшая вещь в мире видеть его за игрой...»¹⁴. Любопытно, как сам Генрих VIII представлял себе свой жизненный идеал. Известна песня, которую король написал, положил на музыку и сам исполнил:

Я буду до последних дней
Любить веселый круг друзей —
Завидуй, но мешать не смей
Мне бога радовать своей

Игрой: стрелять,
Петь, танцевать —
Вот жизнь моя,
Иль множить ряд
Таких услад
Не волен я?

Чтоб юность весело текла, —
То время для добра и зла, —
Всего приятней круг друзей,
Тогда и выдумка смелей

В делах утех.
Безделье — всех
Пороков мать.
Чем славен тот,
Кто предпочтет
Весь день лежать?

Дружба, коей честь залог,
Отгеснит любой порок;
В дружбе с благом, злом ли

жить —

Каждый волен сам решить.

Добру — привет,
Худому — нет.
К добру стремлюсь
Я сердцем всем,
А зла совсем
Я сторонюсь¹⁵.

Pastance with good company
I love and shall until I die
Grudge who will, but none deny
So God be pleased this life will I

For my pastance,
Hunt, sing and dance,
My heart is set,
All goodly sport
To my comfort
Who shall me let?

Youth will needs have dalliance,
Of good or ill some pastance;
Company me thinketh best
All thought and fancies to digest,

For idleness
Is chief mistress
Of vices all;
Than who can say
But pass the day
Is best of all?

Company with honesty
Is virtue — and vice to flee;
Company is good or ill

But every man hath his free will.

The best I sue
The worst eschew;
My mind shall be
Virtue to use;
Vice to refuse
I shall use me.

Из приведенного видно, что «ренессансный государь», как его называют английские историки, был сторонником свободы своей воли к развлечениям и склонен был к морализаторству. Смысл его морали: добродетель — это то, чего хочет король; развлечение он противопоставляет не труду, а ничегонеделанию. Но и с этой точки зрения, он, несомненно, был очень деятельной личностью. Если в поэме Скелтона «Придворный паек» программа Разгула выглядела так:

...Пить, есть да спать — вот, братец, жизни соль,
А ты компанию уважить совзволь.
This world is nothing but eat, drink and sleep,
And thus with us good company to keep,

¹⁴ Ibid., p. 89.

¹⁵ Цит. по кн.: Williams N. Henry VIII and his court. L., 1971, p. 34—35.

то развлечения «доброй компании» Генриха VIII на несколько порядков выше. Он наслаждался жизнью артистично. При нем «двор стал национальным театром, концертным залом, галереей искусств»¹⁶. Даже отправляясь в поход в 1513 году, он вез с собою всю королевскую капеллу в составе 115 капелланов и певцов. Его слух услаждали при дворе Филипп ван Вилдер — великий голландский игрок на лютне — и Дионисио Мемо — знаменитый органист из собора св. Марка в Венеции. Утонченный эгоист, король собрал вокруг себя и талантливых английских композиторов той поры, что не помешало ему в конце жизни отправить нескольких из них на плаху. Король был не только маниакально ненасытным зрителем, но и неутомимым участником всех карнавалов, маскарадов и прочих театрализованных празднеств. В лучшие дни он для королевы Екатерины Арагонской инсценировал историю Робин Гуда: организовывал похищения, вылазки и т. п. Королева писала домой в Испанию, что такие праздники происходят ежедневно.

В такой театральности просматривается, конечно, ренессансная основа, но у Генриха VIII она утрачивала свою невинность. Игра не допускала никакой мишуры, никакой бутафории: все, что являлось взору золотым и драгоценным, было золотым и драгоценным на самом деле. Генрих был обуреваем честолюбием и самовлюбленностью, а положение короля позволяло ему двигаться в их удовлетворении до полной деградации личности. Безумная роскошь двора разоряла страну. В одном только Гринвиче (а это была лишь одна из восьми унаследованных Генрихом VIII резиденций, не считая еще восьми, появившихся к концу его жизни) ежедневно готовилось пища на тысячу человек, причем «блюда подавались в виде дворцов или диковинных животных»¹⁷.

Пьеса «Великолепие» была наивной попыткой Джона Скелтона вразумить своего бывшего воспитанника. По жанру это моралите. Под именем Великолепия аллегорически выведен сам король. А Кёлбинг в «Кембриджской истории английской литературы» пишет, что, в отличие от персонажей прежних моралите, Великолепие не вообще человек, а тип благородного принца, который введен в заблуждение, плохо использует свою свободу, — поэтому пьеса занимает важное место в истории английской драмы как переход от религиозной к светской аллегорической драме¹⁸.

¹⁶ Ibid., Introduction.

¹⁷ Ibid., p. 33.

¹⁸ Cambridge History..., v. 3, p. 78.

В пьесе действуют различные добродетели и пороки, которые при всяком удобном случае ввязываются в дискуссии:

— Великолепие располагает кладом?

— Да, если Чувство Меры рядом.

— Hath Magnificence any treasure?

— Yea, but he spendeth it in measure.

Обман поет хвалу самому себе. Хитрость толкует о том, как трудно изворачиваться в жизни, Прихоть покупает у Безрасудства собаку по имени Преступление. Великолепие втягивается во всеобщую похвальбу, Злоупотребление Куртуазией начинает лстить Великолепию и сводничать, предлагая — за деньги — некую небывалую красотку, убеждает его поступать по-своему и никого не слушать. Великолепие изгоняет Чувство Меры и радуется этому, хотя остается беззащитным. Является Напасть с мрачным взором и избивает Великолепие, после чего приходит Бедность. Великолепие оплакивает свою изменившуюся судьбу и просит подаяния у Обмана с компанией, но те обещают ему подать зубную боль, лому в костях и прочее — и уходят в кабак. Великолепие хнычет, не в силах смириться с Бедностью, а по приходе Отчаяния, произносящего подобающий ему монолог, собирается покончить с собой. Но тут является Добрая Надежда, объявляет, что Бедность была дана Великолепию во испытание и избавляет его от пороков.

Генрих VIII не обратил на пьесу Скелтона внимания. Любопытно, что в этой пьесе в аллегорической форме уже есть выпады против кардинала Томаса Уолси (1475—1530), вошедшего в силу временщика-фаворита, — как против дурного советчика короля.

Нет сведений, была ли пьеса Скелтона поставлена. Однако своей острой злободневностью она подала пример другим драматургам: в «Хрониках» Холла осталось описание постановки на рождество 1527 г. в гостинице Грей Инн пьесы, написанной Джоном Роу. В пьесе говорилось о злключениях персонажа по имени леди Общественное Благо (lady Publike welth), которую возвращают к первоначальному состоянию персонажи Ропот Народа (Rumor Populi), Совесть (Inward grudge) и Презрение к Роскоши (disdain of wanton). Пьеса «...была высоко оценена всеми, исключая кардинала, который вообразил, что в пьесе есть намеки на него, и в большой ярости послал за вышеупомянутым мастером Роу»¹⁹ — и отправил его и моло-

¹⁹ Hall E. Op. cit., v. 2, p. 79.

дого актера Томаса Мойла из Кента в тюрьму. Быть может, в пьесе Роу слышатся отголоски критической части «Утопии» Томаса Мора, о чем можно судить хотя бы по остро тенденциозному подбору символических имен персонажей.

У Скелтона, кроме «Великолепия», были и другие пьесы, но они до нас не дошли. Зло безудержного индивидуализма (оборотная сторона расширившихся в ту эпоху возможностей развития личности) в последующие годы персонифицировалось для Скелтона в фигуре Томаса Уолси, удачливого и всемогущего фаворита, правой руки короля.

Карьера Уолси была головокружительна. Сын богатого мясника из Ипсвича, в 15 лет окончивший Оксфорд, магистр искусств, человек несомненно талантливый, он в 1507 г. становится капелланом Генриха VII, в 1514 — архиепископом Йоркским, в 1515 — кардиналом и лорд-канцлером при Генрихе VIII, а в 1518 — папским легатом. Полагали, что он мечтает о папской тиаре. В народе ходили о нем сатирические баллады:

Мужлан — вельможа растолстел, A great carl he is and fat,
Шапку красную надел²⁰. Wearing on his head a red hat.

Всех приходов, с которых он обогащался, не перечесть. Он выстроил дворец Хемптон Корт — богаче всех дворцов короля.

Об этом дворце и о сюжетах gobеленов (весьма мирского содержания), которыми дворец священнослужителя украшался внутри (причем ковры менялись каждую неделю!), писал Скелтон в своей самой знаменитой и демократической по духу сатире — объемистой поэме «Коллин Клаут» (Colyn Clout, 1519—1524)²¹. В этой поэме, написанной рашным стихом «доггерель», Джон Скелтон от лица простолюдина Колина Клаута, бродяги-деревенщины, язвительно обличает временщика Уолси, а с ним и всю клерикальную знать за роскошь, в которой они утопают, когда народ пребывает в нищете:

Не жалеют бдений,
Чтоб не зевнуть ни пенни
С вершка землиц своих,
Плывущих в руки их.
Гребут любую малость:
Все — рыбка, что попалась!
И строят себе царские
Дворцы-палаты барские

For they will have no loss
Of a penny nor of a cross
Of their predial lands,
That cometh to their hands:
And as far as they dare set
All is fish that cometh to net.
Building royally
Their mansions curiously,

²⁰ Цит. по кн.: *Williams N. Henry VIII...*, p. 97.

²¹ *Дорофеева Л. В.* Джон Скелтон и его сатирическая поэма «Коллин Клаут». — В кн.: *Нравственно-гуманистическая проблематика и художественные искания литературы.* Хабаровск, 1977.

С башнями, колоннами,
Залами, пилонами,
Вверх тянут до светил,
С тьмой окон, тьмой перил;
А на стенах парадных
Гора ковров нарядных:
Картины эти райские,
Что первоцветы майские!
Диана, вся нагая;
Здесь, страстно пылая, —
Венера; Купидон:
Стрелу готовит он
И метит, привередник,
Никак в ее передник;
А Парис-троянец
Пустился в модный танец
В давке вожденной
Со своей Еленой.
Их глаза утешены
Всем, что здесь навешано:
Сосчитать могу ли я
И триумфы Юлия,
И Помпея бранные
Дела несказанные.
Пялятся весь мир,
Что это за кумир —
На слоне верхом
С лавровым венком;
Трубно носороги
Народ тешат с дороги,
Их держат под узды
Голые юнцы —
И едут там блудницы.
Ну как не подивиться...

With turrets and with towers,
With halls and with bowers,
Stretching to the stars,
With glass windows and bars;
Hanging about the walls
Cloths of gold and palls,
Arras of rich array,
Fresh as flowers in May;
With dame Diana naked;
How lusty Venus quaked;
And how Cupid shaken
His dart, and bent his bow
For to shoot a crow
At her tirty tirlow;
And how Paris of Troy
Danced a lege de moy,
Made lusty sport and joy
With dame Helen the queen;
With such stories bydene
Their chambers well besene
With Triumphs of Caesar,
And of Pompeius war,
Of renown and of fame,
By them to get a name.
Now all the world stares,
How they ride in goodly chairs,
Conveyed by elephants,
With laureate garlands,
And the unicorns
With their seemly horns;
Upon these beasts riding,
Naked boys striding,
With wanton wenches winking.
Now truly, to my thinking...

Джордж Кавендиш, слуга Томаса Уолси, оставивший мемуары о нем и не склонный чернить его, писал: «Король был молод и похотлив (young and lusty), расположен к веселью и радости и следовал своим желаниям и прихотям, не заботясь о делах королевства, с чем хорошо справлялся его альмонер²², который так кстати перекладывал с короля на себя бремя тяжких и опасных забот, позволяя королю предаваться всяческому наслаждению (putting the king in Comfort)...»²³. Подлинная вина Уолси была в том, что он так же опьянял властью и тщеславием, как и король. Он так же, как и король, был развращен безмерной властью и безнаказанностью.

²² Альмонер — должность раздатчика королевской милостыни, с которой начал Уолси свою службу у Генриха VIII.

²³ *Cavendish G. The Life and Death of cardinal Wolsey.* Oxford, 1959, p. 12.

С деспотизмом Генриха VIII Англии приходилось мириться (в памяти всех еще были живы потрясения войн Алой и Белой роз), но демонстративно нагло Уолси ненавидела вся страна.

Джон Скелтон обращается к обличениям Уолси в поэмах «Говори, Попугай!» (Speak, Parrot, 1521) и «Почему вы не являетесь ко двору?» (Why come ye not to Court? 1522—1523). Последняя сатира считается самой смелой по нападкам на всемогущего кардинала (именно за нее Скелтон на некоторое время был лишен кардиналом свободы).

Поэма по композиции очень свободна: это горячие потоки брани, подобные бочкам с горячей смолой, на голову ненавистного противника:

Мы получим tot quot²⁴
От римского папы —
В пауковы лапы
Попадутся все,
Opus male dulce:²⁵
Пусть черт его убажует!
Но, пока он управляет,
Все идет хуже и хуже...
Пусть черт ему лижет!

We shall have a tot quot
From the Pope of Rome,
To weave all in one lome
A web of linsey-woolsey,
Opus male dulce:
The devil kiss his cule!
For, while he doth rule
All is warse and warse...
The devil kiss his arsel!

С помощью каламбура *A web of linsey — woolsey* автор называет врага полным именем (web — ткань, паутина, сплетение лжи, интриг; linsey — woolsey — грубая полушерстяная ткань; перен.: дрянной, состоящий из неподходящих частей).

В этой поэме, как и в «Коллине Клауте», Скелтон снова обрушивается на пышность выстроенных Уолси дворцов:

И вот вам снова
Хотел сказать бы слово:
Что пет вас при дворе?
Что за двор?
Короля?
Или Хемптон Корт?
Короля! Короля!
Королевский двор
Должен быть блестящ.
Но Хемптон Корт —
Превосходящ.
А Йорк Плейс кто не знает?
Его честь там проживает.
И таково значение
Его, что там — стечение
Молений, просьб, дотаций
И послон всех наций.

Once yet again
Of you I would fraim,
Why come ye not to court?
To which court?
To the king s court,
Or to Hampton Court?
Nay, to the king s court.
The king s court
Should have the excellence,
But Hampton Court
Hath the preeminence,
And York s Place,
With my Lord s Grace.
To whose magnificence
Is all the confluence,
Suits and supplications,
Embassades of all nations.

²⁴ Особая милость, полное разрешение.

²⁵ Мало приятная штука.

Двор кардинала затмил королевский двор: это было замечание, попавшее в цель. Уолси сам это в конце концов почувствовал и в 1525 г., боясь зависти Генриха VIII, подарил Хемптон-Корт королю. А другой его прекрасный дворец — Йорк-Плейс (позднее — знаменитый Уайтхолл) — Генрих VIII в 1529 г. отобрал у низложенного Уолси.

Гордыня Уолси не имела предела. У него было от 500 до 1000 человек челяди. Скелтон пишет с укором:

У апостола Петра
Митра бедная была.
Когда он папу создавал,
Простую ризу надевал.

The apostle Peter
Had a poor mitre
And a poor cope
When he was create Pope.

Рассказывают, что слуги Уолси послали ливрен из малинового бархата, его мул был украшен позолоченной попоной. А помпезность процессий, с которой Уолси передвигался по стране, была призвана ошеломить и унижить окружающих. Холл сообщает: «Кардинал в это время своей властью легата послал своего капеллана по имени доктор Джон Аллейн, чело века, может, и ученого, но без добродетели и разума, посетить все приходы: этот священник ехал в его бархатной мантии, большим поездом, и принимался в каждом приходе с процессией, как если бы это был сам легат, и взыскал большие суммы за свой визит, и скорбь приходов была велика, и много роптали против этого, особенно потому, что были уже обременены денежными поборами для короля, а теперь этот визит, или грабеж, совершенно обрил их»²⁶.

Особенно распоясался Уолси в парламенте и королевских советах, — и эту картину выразительно рисует Скелтон:

Он в Палате Звёздной
Разошелся грозно:
Никому ни в чей черед
Слова молвить не дает,
Выступает только сам,
Нет препоны словесам.
Глас возвышает гордо:
«Что вы сказали, лорды?
Я прав ли, на ваш суд?»
(Прав, честный Робин Гуд!)

That in the Chamber of Stars
All matters there he mars:
Clapping his rod on the board,
No man dare speak a word,
For he hath all the saying
Without any renaying.
He rolleth in his records,
He saith «How say ye, my lords?
Is not my reason good?»
(Good even, good Robin Hood!)

Пословица «Good even, good Robin Hood!» означала в то время согласие под давлением.

Иные «Да!» сказали,
Те в рот воды набрали.
Вот так он верховодит,

Some say «Yes!» and some
Sit still as they were dumb!
Thus thwarting over thum.

²⁶ Hall E. Op. cit., v. 2, p. 48.

Вкруг пальца всех обводит,
Все терпят этот гнет:
Обманет, припугнет.
Давит спесью в лух и прах
С аллилуйей на устах.
Со Сребролюбья Дамой
В связи он тесной самой
И любит только злато...

Скелтон перечисляет все оскорбления и ругательства, которыми Уолси осыпал членов палат, не считаясь ни с их пэрским, ни с депутатским достоинством. Поэт все надеется раскрыть глаза королю, намекая, что монополизация власти в руках одного человека в ущерб парламенту вредна для общественного блага:

Оно, конечно, ясно,
Что ум один — прекрасно,
Умов же многих свет
Верней подаст совет.

Поэма Скелтона грешит описательностью, длиннотами, не отличается продуманной стройностью, но написана она страстно и сочно: в ней много пословиц, поговорок, фольклорных образов:

Мышонок прековарный
Построил дом шикарный
В ухе у кота —
И не знает страха там!

А Генрих VIII и в самом деле души не чаял в своем фаворите. Письма короля к Уолси всегда кончались заверением: «написано рукой того, кто есть и будет вашим любящим суверенным лордом и другом — Генри К. (Король)»²⁷.

Несомненно, Уолси был своеобразным громоотводом для короля: его считали ответственным за все дипломатические неудачи Англии, разорительные войны, рост налогов, ущемление прав парламента и даже за огораживание, хотя как раз с ними Уолси пытался по мере сил бороться. Преступная расточительность короля не так была заметна рядом с вызывающей плотоядностью святого отца. Полагали, что он вымогает деньги не для короля, а на подкупы в Риме для собственного возвышения.

Адьо, Философия!
Адьо, Теология!
Здравствуй, дама Симония

Adeu, Philosophia!
Adeu, Theologia!
Welcome, Dame Simonia,

²⁷ Henry VIII. The Letters of King Henry VIII/Ed. by M. St. Clare. Byrne, L., 1968, p. 78.

He ruleth all the roast
With bragging and with boast,
Borne up on every side
With pompe and with pride,
With «Trump up, Alleluia!»
For Dame Philargeria
Hath so his heart in hold.
He loveth nothing but gold...

One wise man's head
May stand somewhat in stead:
But the wits of many wise
Much better can devise.

Yet it is a wily mouse
That can build his dwelling house
Within the cat's ear
Withouten dread or fear!

И Чревоугодие!
Ему пить и есть —
Сладких блюд не счесть!
Чтобы плоть была чиста,
Средь великого поста
Жрет тушеных каплунов,
Куропаток, фазанов,
Кур, цыплят и кабанов;
Ходит строг и отрешен,
Не минуя дев, ни жен,
А и впрямь апостол он!

Обнищал не только народ, бесконечные поборы разоряли и дворян, нанесены были чувствительные удары целому ряду отраслей торговли и промышленности, и даже, как это ни парадоксально, ювелирной. Абсолютизм был исторической необходимостью, но обходился он Англии при Генрихе VIII непомерно дорого:

Теперь ты, сэр Тристрам,
Что носишь — просто срам:
Каиново полотно —
Не видать шелков давно.
У нас «рояли» были —
Да с «ноблями» уплыли
В бургундские карманы,
Во фландрские все страны,
На блеск в Испании ракет.
Потеет Джил, придет все Кэт —
Так счастливы от всех побед;
Могла бы Англия сказать:
«На те победы нам чихать!
Плати — а все без толку!
Клади зубы на полку!»

Скелтон устало зубоскалит над дворянами, в чьих буфетах гончарные изделия заняли место золота и серебра, хотя мэром Лондона в 1522 г. стал золотых дел мастер Джон Манди, член ювелирной корпорации. А ведь в начале царствования Генриха VIII Англия была самой богатой европейской страной и в ее торговых кварталах было больше золотых изделий, чем в любом городе на континенте. Скелтон винит во всем Уолси:

Его честь на пет
Той весны расцвет,
Видно, хочет свесть
Чтоб уж ей не цвествь.

My Lord's Grace will bring
Down this high spring,
And bring it so low
It shall not ever flow!

Под его пером Уолси превращается в какого-то многоликого демона, злого гения Англии:

Он иссушит, черт,
Все, что ни течет

He would dry up the streams
Of nine king's reams,

With Dame Castrimargia,
To trink and for to eat
Sweet hippocras and sweet meat!
To keep his flesh chaste,
In Lent, for a repaste
He eateth capons stewed,
Pheasant and partridge mewed,
Hens, chickens, and pigs;
He froynes and he frigs,
Spareth neither maid nor wife:
This is a'postle's life!

For now, Sir Tristram
You must wear buckram,
Or canvas of Caen,
For silks are wane.
Our royals that shone,
Our nobles are gone
Among the Burgonions,
And Spaniards onions,
And the Flanderkins.
Jill sweats, and Kate spins,
They are happy that wins,
But England may well say,
«Fie on this winning away!
Now nothing but pay, pay!»
With, «Laugh and lay down».

В родниках, струях
В девяти краях:
Выпить хочет он
Целый Альбион.

<...>

Высосет нас так,
Что хотя б пятак!
Бог спаси его честь
И пошли ему днесь
Потеплее в аду
Сковороду!

<...>

Да он там все исправит —
И плясать ад заставит.

<...>

Учинит для затей
Фейерверк из чертей.

<...>

После вправит вполне
Он мозги Сатане.

<...>

А общественное благо
Будет в хворях, бедолага.

All rivers and wells,
All waters that swells!
For with us he so mells,
That within England dwells...

<...>

He well drink us so dry,
And suck us so nigh,
That men shall scantly
Have penny or halfpenny.
God save his noble Grace,
And grant him a place
Engless to dwell

With the Devil of hell!
That he would then make
The devils to quake

<...>

And set all hell on fire
At his own desire.

<...>

That he would break the brains
Of Lucifer in his chains...

<...>

That the commonwealth
Shall never have good health.

Скелтон не дожид до падения временщика, не узнал, что и без Уолси король совершил немало преступлений: ограбил корпорации, выпускал фальшивую монету, физически уничтожил лучших людей страны. Правда, король извлек и некоторые уроки из безрассудной политики Уолси: он уже не третирует парламент, а сделал его своим орудием: «Это было достигнуто такими способами, как прямое вмешательство в выборы, подкуп, создание гнилых местечек, влияние двора на членов Нижней палаты»²⁸. Удавалось же ему это потому, что он инстинктивно опирался уже не на одного, а на тысячи маленьких Уолси, желавших любой ценой жить и править по его образу и подобию. Однако нехитрый механизм этого сюжета «алчность — роскошь — разорение» в правление Генриха VIII был усвоен поднимающейся буржуазией наглядно. Не удивительно, что ей, дабы выжить и богатеть, пришлось уже при Эдуарде VI начать проникаться духом пуританства, который стал позднее духом революции.

Скелтон же, не ведая всего этого, заканчивает в 1523 г. свою поэму жаждой перемен:

²⁸ Трайль Г. Общественная жизнь Англии. М., 1897, т. 3, с. 17.

Царственные бритты
Ныне позабыты.
Всюду запустение.
Воссылаю пени я:
Боже правый, нам внемли,
Перемены ниспосли!

Most royal English nation
Now all is out of fashion,
Almost in desolation.
I speak by protestation
God of his miseration
Send better reformation.

Таким образом, в творчестве Скелтона, хотя он и не обладал столь мощным даром живописца нравов, как его предшественник Чосер, и глубиной философского интеллекта, как его современник Томас Мор, — мы находим горячую и художественно убедительную критику придворной верхушки тюдоровской Англии. Джон Скелтон уповает на абсолютизм, но относится к нему достаточно уже критически. Он нападает на алчность и дикую роскошь двора, его неприглядные нравы. Его обличения спесивого и жадного, утопающего в богатстве высшего духовенства дышат надвигающейся реформацией. Он отвергает деспотизм — пока не короля, но его всевластного временщика, и не скрывает своих парламентских симпатий. Губительной тирании он противопоставляет идею общественного блага (commonwealth). Он жаждет перемен. Было бы неразумно искать у Скелтона сколько-нибудь цельной буржуазной программы, ведь и сама английская буржуазия только-только начинала себя осознавать, но голос общественного, прежде всего городского протеста, слышится в его сатирах громко.

Сын века честолюбия, Скелтон не был и сам лишен честолюбия, но это уже было честолюбие гуманистического толка. Поэму «Лавровый венок» (The Garland of Laurel, 1523) — о своей собственной поэтической славе — он посвятил своему врагу Уолси, надо полагать, надеясь в пику ему доказать в веках, что лучший способ самоутверждения личности — творчество, а не унижение и ограбление других. Не впадая в аскетизм, Скелтон призывает своих читателей к чувству меры. Как сатирик, он чутко улавливает опасности крайнего индивидуализма, которым были чреватые новые тенденции социального развития, и стремится предостеречь от этих опасностей общество. Его поэзия еще не в состоянии оторваться от старой аллегоричности и дидактизма, но в ней громко звучит грубая, меткая народная речь и уже ощутимо веет ветер наступающего Ренессанса.

**ЗАРОЖДЕНИЕ НОВЫХ ФОРМ ПРОИЗВОДСТВА
В ЛЮБЕКСКОМ РЕМЕСЛЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА**

Средневековое ремесло, защищаемое системой цеховых союзов и ограничений, является основной формой, столбовой дорогой развития промышленности и товарного производства, подготавливавшей предпосылки для возникновения крупного производства и перехода к капитализму. И в силу этого позднее средневековое ремесло представляет большой интерес вообще и в частности для северо-ганзейских городов Германии, где в 30-е гг. XVI в. произошли крупные антифеодальные выступления бюргерско-плебейской оппозиции, называемые иногда «городской реформацией»¹, принявшие наиболее яркую форму в Любеке (движение Вулленвевера).

Но в исторической литературе Любек известен прежде всего как центр посреднической торговли ганзейцев на Балтике, как политический и духовный центр Нижней Германии². В силу этого в историографии Германии XIX—XX вв. сложилось представление об абсолютном преобладании в экономике Любека посреднической торговли. Многие авторы игнорировали значимость ремесла самого Любека и острую социальную борьбу ремесленников в XIV—XVI вв. (восстание мясников 1380—1384 гг., восстание 1403—1416 гг., движение Вулленвевера). Это представление нашло яркое отражение в современной историографии ФРГ (Райнке, Брандт, Фридланд), где сложилась концепция особого экономического и социального развития Любека как «чисто торгового города», в котором не было развитого экспортного ремесла, а в качестве экономической основы существования была крупная транзитная торговля. В силу этого в Любеке отсутствовала резкая социальная дифференциация, что обусловило уравновешенную социальную структуру (в противоположность городам южной Германии) и определило характер классовых борьбы в позднее сред-

¹ Engelberg E. Nochmals zur ersten bürgerlichen Revolution und westgeschichtlichen Periodisierung. — ZfG, 1972, H. 10, S. 1294.

² Brandt A. Geist und Politik in der Lübeckischen Geschichte. Lübeck, 1954.

невековье, которая представляла собой борьбу за власть внутри собственно бюргерства³.

Но нельзя сказать, что любекское ремесло не изучалось. В XIX — начале XX в. появился ряд работ В. Бредерлова, К. Верманна, Т. Гаха, И. Варнке, в которых рассматривались история термина «цех», цеховые уставы, взаимоотношения ремесленников с советом, ученики, подмастерья, мастера⁴. Но рассмотрение истории ремесла идет от основания города в XII в. до XIX в. безотносительно к этапам развития феодальной формации. Другой особенностью данных исследований является идеализация цеха, игнорирование его усиливающегося замыкания и разложения, внутрицехового и межцехового имущественного и социального расслоения⁵.

В работах немецких историков-экономистов в конце XIX — начале XX в. В. Штиды, А. Гофмейстера, Е. Драгендорфа, К. Нергера исследуется проблема образования межгородских союзов цеховых мастеров в XIV—XVI вв.⁶, но также не ставится вопрос об эволюции ремесла. Таким образом, буржуазная историография XIX—XX вв., изучающая экономику Любека, главное внимание уделяла эволюции цехового права, а не анализу эволюции самого ремесла.

В советской историографии зарождение элементов капитализма в городском производстве Германии во второй половине XV — начале XVI в. показывается на ограниченном материале южно-немецких городов и ряда отраслей — в типографско-издательском деле и горнодобывающей отрасли (работы М. М. Смиринна, А. Н. Немилова, А. Л. Ястребицкой, Ю. К. Не-

³ Reincke H. Bevölkerungsprobleme der Hansestädte. — HGBll, 1951, 70; Brandt A. Die Lübecker Knochenhaueraufstände von 1380/84 und ihre Voraussetzungen. — ZVLGA, 1959, Bd. 39.

⁴ Die gesellschaftliche Struktur der spätmittelalterlichen Lübeck. — In: Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Stuttgart/Konstanz, 1966; Friedhand K. Lübeck, Typ der Ostseestadt. — In: Lübeck 1226. — Reichsfreiheit und frühe Stadt. Lübeck, 1976.

⁵ Bredelrow W. Geschichte des Handels und der gewerblichen Kultur der Ostseereiche im Mittelalter. Brl, 1820; Die älteren Lübeckischen Zunftrollen/Hrsg. von C. Wehrmann. Lübeck, 1864; Einleitung. Hach Th. Zur Geschichte der Lübeckischen Goldschmiede — Kunst. Lübeck, 1893; Warncke J. Handwerk und Zünfte in Lübeck. Lübeck, 1912; Warncke J. Die Zinngiesser zu Lübeck. Lübeck, 1922.

⁶ Stieda W. Hansische Vereinbarungen über städtisches Gewerbe im 14. und 15. Jh. — HGBll, 1886, 1888; Hofmeister A. Amtsrecesse der wändischen Städte. — HGBll, 1889, 1891; Dragendorf E. Die älteste Vereinbarungen der Schmiede — Ämter der wändischen Städte. — HGBll, 1899, 1900; Nerger K. Amtsrecess der Klippenmacher der Städte Lübeck, Rostock und Wismar vom Jahre 1486. — HGBll, 1900, 1901.

красова⁷. Северо-немецкие ганзейские города оказались в советской медиевистике почти вне рассмотрения.

Такое же положение наблюдается и в марксистской историографии ГДР, где нет специальных исследований по социально-экономическому развитию Любека XV—XVI вв., но в ряде работ он включается в общую проблему рассмотрения сдвигов в социально-экономической структуре немецких городов периода раннебуржуазной революции в Германии. Но все это на материале «прогрессивно развивающихся областей» — верхней (Южной) Германии, Саксонии, Рейнской области. Регион Северной Германии затрагивался лишь в связи с характеристикой капиталистических форм производства в судостроении⁸. Если же историками ГДР и характеризуется процесс первоначального накопления в области ганзейской торговли, то подчеркивается только одна сторона — образование денежных фондов, другие моменты или отрицаются или, как нам кажется, недооцениваются (К. Шпадинг, К. Фритце)⁹.

Задачей данной статьи является определение характера экономического развития Любека во второй половине XV — первой половине XVI в. и прежде всего рассмотрение новых тенденций в ремесле, нецеховых форм производства, которые в определенной степени обусловили остроту социальных противоречий Любека и в конечном счете классовую борьбу XVI в.

Основным источником по ремеслу Любека является 3-томная публикация «Решений любекского суда», охватывающая период 1421—1550 гг. и содержащая около 3000 документов¹⁰.

⁷ Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях. М., 1969; Немилев А. Н. К вопросу о формах раннекапиталистического производства в Нюрнберге. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1974, вып. 2; Ястребицкая А. Л. О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города XV—XVI вв. — Вестн. Моск. ун-та, 1958, № 3; она же. Некоторые формы раннекапиталистических отношений в немецком книгопечатании второй половины XV — середины XVI в. — СВ, 1963, 24; Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв. (по материалам Аугсбурга). — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1971, т. 518.

⁸ Laube A., Steinmetz M., Vogler G. Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution. Brl, 1974; Klassenkampf-Tradition-Sozialismus. Grundriß. Brl, 1974; Schildhauer J., Fritze K., Stark W. Die Hanse Brl, 1974; Laube A. Bemerkungen zum Zusammenhang von Frühkapitalismus und frühbürgerlichen Revolution. — In.: Der deutsche Bauernkrieg 1524/25. Brl. 1977.

⁹ Spading K. Probleme ursprünglichen Akkumulation in Hansischen Handelsgebiet. — Hansische Studien III. Weimar, 1975; Fritze K. Die progressive Rolle des hansischen Handelskapitals und ihre Grenzen. — Ibidem.

¹⁰ Lübecker Ratsurteile/Hrsg. von W. Ebel. Göttingen, 1955—1958, Bd. 1—3.

По форме эти документы представляют собой краткую запись судебного дела, в которой указывается название сторон, содержание жалобы и решение совета. Другими источниками стали цеховые уставы Любека, опубликованные К. Верманом, регистры зундской пошлины, таможенные книги Любека, а также списки грузов и кораблей, прибывавших из Любека в порты Балтики¹¹.

Любек во второй половине XV — первой половине XVI в. был центром многоотраслевого ремесленного производства. В нем насчитывалось свыше 70 ремесленных специальностей, объединенных в 65 цехов. Основной формой организации ремесла был цех. Но это уже не классический цех XIII—XIV вв. В нем наметились признаки разложения, отчасти рассмотренные в работах В. В. Стоклицкой-Терешкович и Ф. Я. Полянского. О разложении цеха и зарождении новых форм производства и производственных отношений свидетельствует еще ряд моментов. Прежде всего такое явление как совмещение профессий. В Любеке возник ряд судебных дел, разбираемых городским советом, по поводу нарушения монополий одних цехов другими. Дела такого рода можно разделить на два вида: когда наблюдается превышение полномочий ремесленниками родственных специальностей и когда сталкиваются ремесленники казалось бы далеких специальностей.

К первым относятся жалобы продавцов железа (stahlmeneger) на мелочных торговцев, которые торгуют товарами из стали (Krämer) (12 мая 1482 г.)¹²; старейшин мясников (knockenhouer) на забойщиков скота (kuter), которые забивают волов и другой скот в своих домах, разделявают и продают в розницу, принося тем самым большие убытки мясникам (21 октября 1487 г.)¹³, спор 10 июля 1521 г. между старейшинами цеха сапожников (schumacker) и старейшинами починщиков обуви (scholapper)¹⁴. Были случаи, когда целые цехи претендовали на привилегию заниматься другим ремеслом. Так, 21 января 1503 г. возникло дело между цехом изготовителей металлической посуды (apengerer) и ремесленниками (remensleger) из-за права изготовления фонарей (luchten). Ремесленники ссылались на право давности: уже в течение 30—40

¹¹ Die älteren Lübeckischen Zunftrollen/Hrsg. C. Wehrmann. Lübeck, 1864 (далее — Die Lüb. Zunftrollen); Lübeckische Pfundzollbücher von F. Bruns. — HGBll, 1904—1905, H. 2, 1908, H. 2.

¹² Lübecker Ratsurteile, Bd. 1, N 266, S. 175.

¹³ Ibid., Bd. 1, N 390, S. 243.

¹⁴ Ibid., Bd. 2, N 852, S. 458—459.

лет они изготовляли фонари¹⁵. 22 марта 1511 г. спорили старейшины продавцов кож (hudekoper) и старейшины изготовителей волосяных покрывал (hagmakege) из-за права на продажу шерсти с павших животных¹⁶.

В этих случаях причина совмещения профессий, очевидно, в том, что основная специальность перестала обеспечивать ремесленников и они вынуждены были братья за работу по совмещительству.

Более интересны дела второго рода: 28 июня 1485 г. старейшины цеха продавцов кож жалуются на Генриха ван Лепепе, который занимается и торговлей шерстью (wantsnede) и скупкой кож (kopenschop)¹⁷. Аналогичное дело было в 1505 г. у дубильщиков кож (logeren), которые жаловались на ножовщика (mestbereder) мастера Иллие из-за изготовления им ножен из кожи (gherwendes van ledder), чем названный Иллие приносил ущерб цеху кожевников¹⁸.

В этих спорах обращает на себя внимание фигура ответчика, противостоящая цеху, к которому он не принадлежит. Очевидно, этих людей можно отнести к разряду предпринимателей. Они, кроме своей основной, «цеховой» специальности, занимаются другим ремеслом, и, наверное, в значительных масштабах, если наносят ущерб целому цеху. И еще: вряд ли эти люди занимались вторым ремеслом сами. Их функция заключалась скорее в раздаче сырья.

О социальной напряженности среди ремесленников, о ремесленной конкуренции говорит большое число дел, внешне имеющих форму «соседского права» (Nachbarrecht). Они обозначаются в источнике как «unleidliche Gewerbe», то есть ремесло, против которого могли возразить соседи из-за опасности пожара, шума, запаха¹⁹. Это давно сложившееся «соседское право» стало использоваться в конце XV — начале XVI в. против возникновения новых мастерских, заведений и т. п., то есть стало орудием борьбы ремесленников с конкуренцией.

Трудности анализа источника заключаются в том, что редко указывается, кто (по специальности) возражает против создания новых заведений; называются «соседи», без чьего согла-

¹⁵ Ibid., Bd. 2, N 98, 100, S. 51—52.

¹⁶ Продавцы кож имели право покупать и продавать шкуры (fuware) животных, павших в городе или привезенных в город крестьянами.— Die Lüb. Zunftrollen, S. 240.

¹⁷ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 347, S. 220.

¹⁸ Ibid., Bd. 2, N 207, S. 114.

¹⁹ Ebel W. Bürgerliches Rechtsleben zur Hansezeit. Göttingen. Frankfurt. Berlin. 1954, S. 57.

бля городской совет не разрешает функционирование вновь созданных заведений и мастерских.

Возражение соседей вызывает проживание угольщика (16 октября 1494 г.), варка меда (4 августа 1498 г.), сдача в найм дома бочарам (11 мая 1502 г.), чеканка золота (5 ноября 1529 г.)²⁰, создание ткацкой мастерской (1 сентября 1491 г.), мыловарни (5 июня 1478 г.)²¹, но более всего — возникновение пивоварен (11 ноября 1489 г., 23 января 1497 г.)²² и трактиров (2 июля 1461 г., 26 апреля 1516 г., 13 ноября 1527 г.)²³. В этих случаях мотивировкой поведения соседей действительно могло служить опасение пожара, грязи, шума.

Но из тех судебных протоколов, в которых есть указание на профессию жалобщиков-соседей, выступают иные причины жалоб. 25 июля 1489 г. кузнец-медник Ганс Древенстедте жалуются совету на Петера Вульве, изготовителя металлической посуды (gropengeter)²⁴. Известно, что ремесленники этой специальности, в отличие от других изготовителей металлической посуды (kannengeter, arengeter), использовали в качестве сырья медь²⁵. Таким образом, жалоба кузнеца-медника была вызвана не боязнью шума (он сам производил его не меньше), а опасением иметь конкурента по сырью, а может быть и по готовым изделиям.

Тот же мотив прослеживается и у пивоваров, проживающих на улице изготовителей колоколов и «сообща жалующихся» (int gemene ancleregen) на Корде Радемана, который хотел сделать пивоварню в своем доме (23 января 1497 г.)²⁶.

Обращает на себя внимание жалоба соседей с Danckwardesgrouwen (6 февраля 1494 г.) на Ганса Юнгена, живущего на Klingenberg, но устроившего в одном из домов на улице жалобщиков медницкую мастерскую (koppersmeden)²⁷. Обычно ремесленник имел свою мастерскую в доме, где жил. В данном же случае, очевидно, его заведение было или больших размеров или еще одной мастерской, раз он помещал его на другой улице.

Наряду с возникновением цеховых форм производства под покровом цеха, наблюдается и возникновение их вне цеха. Это

²⁰ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 623, S. 353; N 845; S. 461; Bd. 2, N 72, S. 38; Bd. 3, N 180, S. 121.

²¹ Ibid., Bd. 1, N 515, S. 304; N 211, S. 141.

²² Ibid., Bd. 1, N 455, S. 270; N 754, S. 414.

²³ Ibid., Bd. 1, N 59, S. 38; Bd. 2, N 543, S. 279; Bd. 3, N 77, S. 51.

²⁴ Ibid., Bd. 1, N 435, S. 266.

²⁵ Lüb. Zunftrollen, S. 225. f.

²⁶ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 754, S. 414.

²⁷ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 594, S. 340.

прежде всего относится к явлению, получившему в исторической литературе название «вольный мастер» (Freimeister)²⁸. Любекский городской совет имел право на предоставление работы нецеховым мастерам. Получивший такое разрешение на ремесло не был членом цеха и мог не иметь учеников и подмастерьев. Возникновение этого явления в Любеке относится к позднему средневековью, что вызвано, с одной стороны, замыканием цеха, ограничением его твердо установленным числом мастеров, а с другой стороны, — складыванием за рамками цеха предприятий нового предпринимательского типа. «Вольные мастера» упоминаются во многих уставах цехов Любека, возникших в XVI в. Естественно, что цехи выступали против вольных мастеров и пытались им мешать. Например, в статуте изготовителей металлической посуды (kannengetere) 1508 г. запрещалось frommet kannengeter делать посуду в городе или в городской округе (lantwer)²⁹.

Первое упоминание о «вольных мастерах» историки относят к началу XVI в. (К. Верманн — к 1519 г., И. Варнке — к 1500 г.)³⁰. Но записи решений любекского совета позволяют говорить о более раннем возникновении этого явления. 24 апреля 1475 г. старшина бочаров (bodeker) и весь цех пожаловались совету Любека на бондаря (bender) Гартиха Хольсте, так как он и его подмастерье своей работой наносят ущерб их цеху, на что бондарь ответил, что он имеет разрешение от совета³¹.

Ременщик Петер Бенедиктус получил в 1500 г. особое пожалование от совета делать ремни «на русский манер» (voglent gemen upre de guschen wise to maken), которое было записано в городскую книгу. А в 1502 г. на него пожаловался цех ременщиков (gemensleger) из-за превышения полномочий: очевидно, он делал ремни не только разрешенного образца³².

Интересным является судебное дело от 5 сентября 1524 г. Старейшины торговцев сукном (wantschnieder) жалуются на Германа Гутенборга, своего члена цеха, который, вопреки уставу их цеха, варит любекское пиво, принося тем самым убытки торговцам сукном; ответчик сказал, что он делал это с разрешения совета³³. В предшествующих делах ответчиками бы-

²⁸ Wehrmann C. Op. cit., S. 65—66; Warncke J. Handwerk und Zünfte, S. 80.

²⁹ Lüb. Zunftrollen, S. 246 f.

³⁰ Wehrmann C. Op. cit., S. 65—66; Warncke J. Op. cit., S. 80.

³¹ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 169, S. 115.

³² Ibid., Bd. 2, N 86, S. 45.

³³ Ibid., Bd. 2, N 1033, S. 569.

ли люди, не принадлежащие ни к какому цеху. Здесь же разрешение от совета на занятие другим ремеслом получил член другого цеха.

Документы не дают, к сожалению, материала для анализа отношений, которые возникали в мастерских «вольных мастеров». Но можно предположить: раз они возникали вне цеха и его ограничений, без обязательного присутствия учеников и подмастерьев, очевидно работа выполнялась по найму. И сама фигура «вольного мастера» не укладывается в привычные контуры средневекового ремесленника. Это были богатые люди предпринимательского типа. Только учитывая это, можно понять, почему городской совет Любека предоставлял им право заниматься ремеслом вне рамок того или иного цеха.

Записи решений любекского совета имеют и прямые свидетельства возникновения новых форм производства в ремесле Любека в последней четверти XV — первой четверти XVI вв. В источнике они назывались: vteje kunst, vorlecht, Verlag — свободное мастерство, скупка, авансирование. 31 июля 1475 г. старшина кузнецов с членами своего цеха предстали перед советом и пожаловались на Хинрика Хагелькена, жителя Любека, из-за того, что он завел медеплавильню (kupferhütte) в Везенберге, которая приносит ущерб их цеху. Интересно, что этот Х. Хагелькен имел еще одну медеплавильню в нескольких километрах от Любека, в Ольдесло. Совет Любека принял решение, по которому ответчик не мог держать медеплавильню ни в Везенберге, ни в Ольдесло³⁴.

В Везенберге же в 80-е гг. XV в. Вильгельм Занде и Петер Пинне основали «vorlecht» и продавали квасцы (alluen) и краску (vagwe), а также делали в Везенберге rothlasch (кожа красного цвета), чем вызвали неудовольствие любекских кожевников (10 июня 1483 г.)³⁵. Очевидно, основанное в Везенберге предприятие было довольно сложным производством. Кожевники данной специальности работали только с овчиной (Schaffell), изготавливая обработанную квасцами кожу красного и белого цвета³⁶. Названные предприниматели продавали (может быть, раздавали) и квасцы, и краску, и rothlasch. Так же, как и в предыдущем деле, совет предписал ликвидировать данное предприятие.

Интересный пример новых отношений в книготорговле и переплетном деле дает нам жалоба мастеров переплетчиков на книготорговца (bokevoger) Иоганна Эблера. Раньше они пе-

³⁴ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 178, S. 121.

³⁵ Ibid., Bd. 1, N 296, S. 192.

³⁶ Lüb. Zunftrollen, S. 388.

реплетали ему книги, а теперь он привлёк двух чужих подмастерьев (*twe vremde gesellen*), которые переплетают и чужие книги, принося тем самым большие убытки жалобщикам³⁷. Ясно, что книготорговец прежде пользовался услугами названных мастеров, которые работали у себя, а в 1483 г. основал переплетную мастерскую, используя труд «чужих», то есть не любекских подмастерьев. Безусловно, это был наемный труд.

Нецеховые формы возникали и в производстве канатов, веревок для парусов. В 1486 г. членами цеха канатчиков (*geersleger*) совету была подана жалоба на Маркуса Зассена, нанявшего подмастерьев (*knecht*) из Локфельда. Они изготовляли канаты, принося ущерб цеху канатчиков. На это ответчик сказал, что он не зависим от цеха (*idt ene vrye kunst*) и поэтому может нанять подмастерьев. Совет же решил, что Зассен должен уволить подмастерьев ко дню рождества святой Марии (8 сентября): решение было принято 15 августа³⁸.

Вне любекского цеха изготовителей металлической посуды (*kappengießer*) возникло производство в 1488 г. в деревне Моислинг, чьи *kappengießer* составили серьезную конкуренцию любекским³⁹.

О своей «свободе» (*he eunen fryen hoff*) изготовлять бочки (*tunne*), крючки для котлов (*hele*), четверти (*verendele*) заявил любекскому совету Яспар Боемхоувер в ответ на жалобу цеха бочаров от 19 марта 1522 г.⁴⁰

Самым ярким примером возникновения в Любеке раннекапиталистических отношений явилось дело о продаже красильни в апреле 1505 г. Даже чисто внешне этот судебный спор отличается от других. Очевидно, для самих любекцев дело было настолько необычным, что они посвятили ему несколько судебных заседаний (1 апреля и 22 апреля 1505 г.)⁴¹. Были запроколированы подробные показания четырех свидетелей, среди которых двое являлись членами совета. Иоганн Буцель, любекский бюргер, заключил в 1501 г.⁴² договор с Иоганном ван Акеном, своим прежним служащим (*olden dener*), по которому ван Акен продал ему красильню (*varwerige*), красильные чаны (*varwe ketel*), две трамбовки (*twe gamen*), три ушата (*dre kuwen*), стол (*eine tafelen*) и все, что принадлежа-

³⁷ Lüb. Ratsurteile, Bd. 1, N 304, S. 195.

³⁸ Ibid., Bd. 1, N 366, S. 230.

³⁹ Edel W. Bürgerliches Rechtsleben, S. 74.

⁴⁰ Lüb. Ratsurteile, Bd. 2, N 928, S. 505.

⁴¹ Ibid., Bd. 2, N 200, N 204, S. 109, 111.

⁴² Ibid., S. 111—113.

ло к красильне и необходимо было для изготовления сукон (*laken*)⁴³ за 65 любекских марок, которые Акен должен был получить в два срока: один в середине лета, другой — осенью. Акен обязался никому не продавать и не сдавать в наем (*penende to vorkopende noch to vorhurende*) дом на Коберге, в котором он жил. Затем Буцель снова взял Акена к себе на службу, предоставив стол, постель, одеяло (*frye kost, unde kamer, bedde unde slaplaken*) и в качестве денежной платы (*vor sup loen*) 65 любекских марок ежегодно. Каждый мог расторгнуть договор в течение 3 месяцев. Четыре года спустя договор, очевидно, был расторгнут, так как Буцель 1 апреля 1505 г. подал жалобу любекскому совету на своего бывшего служащего Акена, у которого он купил красильню с условием, что тот не будет больше заниматься ремеслом. Акен же утверждал, что он «не продавал умения красить» (*nicht de kunst des warwens vorkoft to hebbende*). Акен опять занялся ремеслом, чему и воспротивился Буцель. Совет решил обратиться к свидетелям этого договора, из показаний которых от 11 апреля 1505 г. стали ясны его условия. 22 апреля совет собрался вторично и вынес решение: так как Иоганн ван Акен красильню передал (*avergegeven hefft*), то он не может больше заниматься крашением в Любеке.

Прежде всего обращает на себя внимание то, что речь идет не о мастерской цехового ремесленника. Это была продажа предприятия, не связанного с цехом. И продавец и покупатель — новые люди. И прежде всего — Акен. Он раньше служил у Буцеля, потом стал самостоятельным мастером-красильщиком, но в силу каких-то обстоятельств был вынужден продать свою красильню и наняться, именно наняться, к Буцелю. Об этом говорят условия договора, заключенного между Буцелем и Акеном после продажи красильни. Профессия Буцеля не указана. Но по тому, что у него служил красильщик, и по тексту договора 1501 г. о том, что ему было продано «все, что принадлежало к красильне и необходимо было для изготовления *laken*», можно судить, что он был сукноделом. К сожалению, источник не указывает, кто работал в мастерской Буцеля и в приобретенной им красильне Акена. Характер отношений между Буцелем и Акеном позволяет предположить, что здесь мог использоваться труд и других наемных рабочих.

Таким образом, анализ данных источников о нецеховых, предпринимательских формах производства в Любеке пока-

⁴³ Это местные грубые сукна, идущие, в основном, на экспорт.

зывает, что металлургическое, канатное производство, обработка кож и производство красок для них, переплетение книг, бочарное, сукнодельческое производство, изготовление металлической посуды было связано с широким рынком. Производство канатов и бочек обслуживало потребности любекской торговли, известной своими масштабами⁴⁴. Сукно, металлическая посуда, кожи были предметом экспорта Любека в другие районы Германии и соседние страны. Металлургическое и книжное производство, наряду с экспортом, обслуживали внутренние потребности Любека и его окрестностей.

Местом возникновения новых форм производства стал не столько Любек, сколько его окрестности, где, естественно, отсутствовала цеховая регламентация. Это Везенберг, Ольдесло, деревня Моислинг. Интересно отметить, что хотя эти предприятия возникали вне Любека, но продукцию они сбывали на его рынке, так как жалобщиками выступали цехи Любека. Очевидно, капиталы тоже шли из Любека, так как ответчики часто являются любекскими бюргерами.

Началом зарождения раннекапиталистических отношений, эмбриональной стадией их развития можно считать 70-е годы XV в. — первую треть XVI в.

Судьба предпринимательских форм производства в Любеке во многом зависела от патрицианского городского совета. Его политика по отношению к цеховому ремеслу и нецеховым формам была сложной и противоречивой. С одной стороны, совет давал вольным мастерам разрешение на свободное ремесло, а с другой стороны, он же категорически выступал против нецеховых предпринимателей. Политика городского совета по отношению к ремесленной массе определила как характер социальной борьбы в Любеке начала XVI в., так и ее итоги. Но это — новый отдельный вопрос.

О. В. Трофимова

БОРЬБА РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ГРУППИРОВОК В ЛАРОШЕЛИ В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН XVI ВЕКА

Гражданские войны, одно из сложнейших явлений в позднесредневековом развитии Франции, далеко еще не изучены.

⁴⁴ Объем одной только балтийской торговли Любека в 1492 г. равнялся 660 тыс. марок (Dollinger Ph. La Hanse. P., 1964, p. 269).

Вопросы их происхождения, идейно-политического содержания французской реформации, расстановки социальных сил в каждой из группировок, участвовавших в борьбе, продолжают оставаться объектом внимания историков. Об этом свидетельствуют переиздания сочинений Жана Кальвина, Теодора Бэза, публикации документов, освещающих их деятельность, а также деятельность видных участников реформационного движения и гугенотских войн¹. Появляются новые исследования², значительное внимание уделяется региональной проблематике³. При этом во французской буржуазной историографии 70-х годов заметно стремление отказаться от достигнутой социально-экономического направления⁴, и рассматривать реформацию и гражданские войны XVI в. как явления прежде всего религиозные, не ставя вопросов об их социально-экономической обусловленности и социальном составе враждовавших лагерей. Наиболее показательна в этом отношении работа профессора Сорбонны Жана Делюмо, направленная против марксистского объяснения природы реформации.

В советской историографии проделана немалая работа по выяснению социального состава борющихся религиозно-политических группировок и их эволюции на различных этапах гражданских войн⁵, но многое остается неясным. Еще не изу-

¹ Calvin J. Institution de la religion chrétienne. Paris, 1957—1963, t. 1—5; Beze Th. Histoire ecclésiastique des églises réformées au royaume de France. Neuwkoop, 1974, t. 1—3; Correspondance de Th. de Bèze. Genève, 1960—1965, t. 1—4; Cazeaux J. Jeanne d'Albret. Paris, 1973; Terrasse Ch. Francois, rois et le regne. Paris, 1970; Cabie E. Guerres de religion dans le Sud-Ouest de la France (1561—1590). Genève, 1975; Lettres de Henry III, rois de France. Paris, 1959—1972, t. 1—3; Droz E. Chemins de l'hérésie. Textes et documents. Genève, 1970—1971, t. 1—2; Stauffer R. La Réforme (1517—1564). Paris, 1970.

² Jardeni M. La conscience national en France pendant les guerres de religion (1559—1598). Paris, 1971; Delumeau J. Naissance et affirmation de la Réforme. Paris, 1973.

³ Crozet R. Histoire de Poitou. Paris, 1970, ch. 8/Réforme et crises religieuses; Deveau J.—M. Histoire de l'Aunis et de la Saintonge. Paris, 1974, ch. 6, Réforme et guerres de religion; Lambert G. Histoire des guerres de religion en Provence (1530—1598), 1972, t. 1—2; Longeon C. Une province française à la Renaissance. La vie intellectuelle en Forez au XV s. Lille, 1976.

⁴ Hauser H. La réforme et les classes populaires en France.— In: Études sur la Réforme française. Paris, 1909; Hauser H., Renaudet A. Les débuts de l'âge moderne. La Renaissance et la réforme. Paris, 1938.

⁵ Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965; Скаскин С. Д. Реформация и религиозные войны.— В кн.: История Франции. М., 1972, с. 181—234; Лозинский А. А. Кульминационный этап гражданских войн во Франции XVI в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра ист. наук. М., 1978.

чен локальный материал, особенно — история отдельных городов юга и юго-запада Франции в эту бурную пору.

Объект нашего исследования — формирование и борьба религиозно-политических группировок в Ларошели с весны 1563 г., когда в городе в условиях открытых гражданских войн развернулась острая борьба, подготовившая захват власти наиболее радикальными элементами из числа гугенотов и способствовавшая превращению его в столицу гугенотского движения.

Ларошель имела важное стратегическое положение на юго-западе Франции, защищая побережье и путь вглубь страны от вторжений извне, главным образом из Испании и Англии, кроме того, она располагала значительными материальными ресурсами и укреплениями⁶. Королевские войска опасались оставлять город у себя в тылу. И действительно, после ряда поражений протестантов в провинции Пуату в 1569 г. Ларошель превратилась в огромный укрепленный лагерь бежавших гугенотов. Попытка королевских войск в том же году блокировать город-крепость с суши и с моря успеха не имела; более того, отсюда проводились успешные наступательные операции протестантов.

Вопрос о дальнейшей судьбе гугенотского движения на юге Франции в известной степени зависел от позиции Ларошели, от того, кто возьмет власть в городе: рьяные или умеренные. Не удивительно, что еще И. В. Лучицкий, рассматривая развитие политической борьбы в городах юга, уделил особое внимание Ларошели. Королевская власть, писал он, «покровительствуя городам, добилась того, что внутри их образовалась партия, готовая поддержать власть». Именно среди горожан «монархический дух пустил более глубокие корни, чем в каком-либо другом сословии». Монархисты в противовес аристократии, к которой они относились всегда враждебно и с недоверием, поддерживали короля с целью обрести мир и спокойствие для своей торговой деятельности⁷. До тех пор,

⁶ Трофимова О. В. Экономическое развитие и муниципальный строй Ларошели в первой половине XVI в. — В кн.: Из истории западноевропейского средневековья. М., 1972; она же. Социально-политическая борьба в Ларошели в первой трети XVI в. — В кн.: Из истории Франции. Уфа, 1972, вып. 4; она же. Начало реформационного движения в городе Ларошели и его округе. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1978, вып. 5; Позиция городских низов Ларошели на начальном этапе гугенотских войн. — В кн.: Средневековый город. Саратов, 1981, вып. 6.

⁷ Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871, с. 37, 38, 220.

пока шел процесс приумножения городских привилегий, монархисты не имели противников.

Причиной возникновения партии «рьяных» послужили попытки усилившейся центральной власти уничтожить коммунальные привилегии: «Были и лица, и таких было особенно много в городах юга и западного побережья, в которых монархические чувства отступали на второй план, когда дело шло о правах и вольностях города... То были так называемые «рьяные» (zelés, seditiosi), главной ареной которых служили такие города, как Рошель, Ним, Монтобан и другие. Эти партии возникли потому, что данные города потратили много трудов, денег, крови, прежде чем они получили свои вольности и привилегии»⁸.

Деятельность рьяных достигла апогея во время гражданских войн. С распространением кальвинизма партию рьяных возглавили пасторы. Они поддерживали в горожанах любовь к независимости и муниципальной свободе, вражду к знати. Программные лозунги этой партии в 50—60 гг. XVI в. — упрочение привилегий и вольностей города, достижение независимости от центральной власти, обеспечение права самоуправления и свободы вероисповедания. Руководящая роль в городе во время религиозных войн, по мнению Лучицкого, принадлежала пасторам, разжигавшим фанатизм, недоверие к дворянству, стремившемуся сосредоточить власть в своих руках.

Лучицкий не смог увидеть, что средневековый буржуа в условиях начавшегося процесса первоначального накопления капитала во Франции превращается в буржуа капиталистической эпохи⁹. По словам Энгельса, догма Кальвина «отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии»¹⁰. Лучицкий не расшифровывает социальной принадлежности монархистов, рьяных и т. д., упоминая иногда, что рьяные — это буржуа Ларошели, чернь, руководимая пасторами, буржуазия¹¹. В его труде не содержится четкого определения социального состава религиозно-политических группировок в гугенотских городах в начале гражданских войн.

Академик С. Д. Сказкин, отмечая, что крайние элементы, или рьяные (zelés, homines seditiosi), квалифицировались современниками как «чернь», писал: «По-видимому, это — плебейство городов и те мелкие бюргеры, которые еще не осоз-

⁸ Там же, с. 37.

⁹ Там же.

¹⁰ Энгельс Ф. Введение к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке». — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 308.

¹¹ Лучицкий И. В. Указ. соч., с. 226, 246.

нали, что они превращаются из горожан в буржуазию, т. е. класс в пределах национального государства»¹².

Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, помогают уточнить процесс размежевания в Ларошели религиозно-политических группировок и их социальный состав.

Протестантская община Ларошели, открывшая свою церковь в 1558 г., в обстановке начавшихся войн не имела единого мнения по вопросу о политической ориентации города. Это видно как из соперничества различных группировок в муниципалитете, представлявшем интересы купцов, судовладельцев, домовладельцев и т. п., так и из событий 1562 — начала 1563 г., когда исход противоборства решался на площадях и улицах города с участием ремесленников (*ménu peuple*). Так, весной 1562 г. прокатилось массовое иконоборческое движение, основными участниками которого были ремесленники и простой люд (*artisans et common du peuple, ménu peuple*)¹³; в сентябре — раскрыт заговор во главе с ларошельским адвокатом Жаном Грено, попытавшимся влупить в город протестантские войска Ларошфуко; в октябре — ноябре последовал католический террор королевских войск герцога Монпансье, выведенных благодаря подкупу ларошельцами придворных короля и из-за опасения самого Карла IX, как бы стремление сделать ларошельцев добрыми христианами не заставило стать их «плохими французами», т. е. прибегнуть к помощи английской короны¹⁴. В декабре произошли столкновения горожан с солдатами королевского гарнизона, творившими грабеж и насилие во главе с капитаном Ришелье, «пристрастившимся больше брать, чем просить у Господа или у людей».

В феврале 1563 г. состоялась попытка вооруженного переворота с целью открытого вступления Ларошели в военные действия на стороне гугенотской партии. Во главе заговора стоял уроженец острова Олерон капитан Шене, который проник в город с несколькими солдатами, спрятавшись в трюме торгового судна, а затем нашел приют у купца Никола Годе. Утром восьмого февраля заговорщики, среди которых вновь фигурировал Грено, а также вице-губернатор Жан Пьер и другие лица, всего не менее 30 человек, с условными белыми метками и криками «Да здравствует евангелие!» при помощи

¹² История Франции. М., 1972, т. 1, с. 197—198.

¹³ Histoire de La Rochelle depuis l'an 1199 jusques en 1575 (plus exactement 1574) par Amos Barbot/Publée par la Société des Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis par m. Denys d'Aussy, 1886—1890, т. 2, p. 170—171.

¹⁴ Документы по истории гражданских войн во Франции, 1561—1563 гг./Под ред. А. Д. Люблинской. М.—Л., 1962, с. 189, 198.

500—600 горожан захватили главные стратегические объекты города. При поддержке ремесленников (*artisans et gens de mestier*) Шене удерживал город в течение шести часов.

Растерявшиеся сначала члены городского совета, включая мэра Пино, прятаясь полдня в стойле конюшни, придя в себя, нацепили метки заговорщиков и, провозгласив лозунг «Да здравствует евангелие, король и господин мэръ!», дезорганизовали толпу и сорвали планы заговорщиков. Третьего марта были повешены наиболее активные участники переворота: ювелир Сарре, сапожник Бонавентюр Тибайо, колесных дел мастер (безымянный) и Франсуа Ожье, ремесленник из города Фонтенэ, а его земляку капралу Байо, уличенному в разбивании замков и запоров городских ворот, была отрублена голова и выставлена при въезде в город. Капитан Шене был помилован согласно Амбуазскому эдикту от 19 марта 1563 г.

В течение 1562 г. городской совет, впервые возглавленный протестантами братьями Гильомом и Жаном Пино, известными купцами и владельцами сеньорий, упорно отстаивал позицию невмешательства: делегация, посланная летом к королю, уверяла, что «город не вступит в партию принца Конде, если разрешат свободу исповедания их религии»¹⁵. Одновременно лидеры гугенотского движения, действуя через проповедников и военных, прилагали усилия для открытого перехода Ларошели в свой лагерь.

Наиболее энергичные сторонники открытого выступления Ларошели на стороне гугенотов, не сумев захватить власть силой оружия, попытались сделать это на муниципальных выборах весной 1563 г., выдвинув своего кандидата на пост мэра. К этому времени в городе сложились три группировки, претендующие на власть: католики, политики, рьяные. Политика из числа протестантов выступали за послушание и служение королю. В этом плане их программа поддерживалась католиками. Что касается рьяных, то они на первое место выдвигали свободу исповедания кальвинизма. Каждая из группировок осознавала, что сокращение традиционных привилегий городской коммуны отрицательно скажется на состоянии торговых дел, о чем свидетельствует прошение губернатора Ларошели Екатерине Медичи от 2 декабря 1562 г. о сохранении для рошельцев свободы совести и торговли, «в которой им ставят помехи, отчего произойдет большое уменьшение доходов короля и большое ущемление для республики (т. е. Ларошели.— О. Т.), потому что город и его купцы держатся только благо-

¹⁵ Histoire de La Rochelle..., т. 2, p. 175.

даря свободе торговли, и если ее пресечь, то придет конец и Ларошели и моему губернаторству»¹⁶.

Платформы политиков придерживались крупнейшие купцы Ларошели — Мишель Ги, Жан Никола, Гильом Пино, Жозеф и Закари Барбье, Жан и Пьер Ги, Пьер Жентиль и королевские чиновники — отец и сын Бландены, зарекомендовавшие себя верными исполнителями воли короля, ларошельский губернатор Ги Шабо барон де Жарнак, суперинтендант Жан дю Лион сьер де Гран-Фьеф, судебный исполнитель президиального суда Жак де ла Руш. Эти лица ранее участвовали во внутримunicipальной борьбе по поводу ввода в состав магистрата королевских чиновников. С начала гугенотских войн они выступили единым фронтом.

К группировке рьяных относился Жан Пьер сьер де Фьеф Бланден, королевский советник и вице-губернатор, ведавший уголовными и гражданскими делами, одновременно эшевен магистрата. Он примкнул к протестантам в 1561 г. и был причастен к заговору Шене. Этим он завоевал авторитет среди рьяных и был выдвинут на пост мэра. Будучи родом из Фонтенэ-ле-Конта, Жан Пьер «покумился» и породнился с видными ларошельскими семействами: 9 апреля 1563 г. участвует в крещении сына купца Жана Берна; 16 июля 1563 г. крестят сына самого Жана Пьера — Тимоте; в апреле 1566 г. Жан Пьер вторичным браком рожается с семьей Саллеберов, имя которых значится среди активных деятелей рьяных¹⁷. Жан Саллебер сьер де Вильер, один из старых членов городского совета, эшевен, был казначеем коммуны еще в 1539 г., а в 1568—1569 гг. благодаря покровительству Жанны д'Альбре становится мэром¹⁸. Пьер Саллебер сьер де Ла Гербодьер — также эшевен и помощник мэра в 1567 г.¹⁹. Таким образом, один из лидеров рьяных Жан Пьер был в родстве с верхушкой рассматриваемой группировки. Родственные связи соединяли и некоторых других представителей рьяных. Например, купец и пэр магистрата Рулле дю Жо, занимавшийся торговлей винами, был близок к семейству Тевененов, домовладельцев. Пьер Тевенен сьер де Бьярд, член муниципалитета, очевидно, приходился родственником эшевену Жану Тевенену сьеру де Бьярд, который сдавал в аренду свой дом для молитвенных

¹⁶ Документы по истории гражданских войн..., с. 202—203.

¹⁷ Histoire de La Rochelle..., t. 2, p. 1164, 201; Inventaire-sommaire des archives départementales. Charente — Inférieure. Archives civiles et ecclésiastiques. Série C—H. Paris, 1877, t. 2, p. 2—3.

¹⁸ Ibid., p. 10, 257.

¹⁹ Ibid., p. 8, 235, 260; Inventaire-sommaire..., t. 2, p. 8.

собраний протестантов в 1561 г.²⁰. Среди 1659 имен, упоминаемых в актах гражданских состояний ларошельской реформированной церкви, встречаются фамилии дю Жо и Тевененов, которые во второй половине 60-х годов крестили друг у друга детей²¹.

В группировку рьяных входили также адвокаты Жан де Ла Гэз и Жан Грено, участники заговора Шене; судебские чиновники Понтары. Королевский прокурор Гуго Понтар, умерший в 1564 г., «с рвением» служил делу установления реформированной религии в Ларошели, а его сын Франсуа Понтар стал мэром в 1567 г. К ним примыкали многие купцы: Кошон, Гильом Шуази, Пьер Буше, Никола Годе, крупнейший судовладелец Луи Гаргуйо с сыном, принадлежавшие к числу первых протестантов Ларошели и предоставлявшие свой дом для их собраний, и наконец, член муниципалитета, богатый купец Жан Мориссон.

Следовательно, социальная структура верхушки религиозно-политических группировок одинакова — это представители торгово-купеческой олигархии Ларошели, узурпировавшей власть в городском совете, и лица, породнившиеся с королевскими чиновниками, либо купившие должности судей, сборщиков налогов и т. п. Затруднительно судить из-за отсутствия точных данных, какую группировку поддерживали средние и низшие слои горожан, не имевшие доступа к органам власти. Судя по поведению городских низов и ремесленников в иконоборческом движении и во время выступлений заговорщиков в 1562—1563 гг., они активно поддерживали рьяных.

В предвыборной кампании 1563 г., согласно установившемуся правилу²², король потребовал представить ему трех кандидатов («мне приятных») для утверждения одного из них мэром. Католическое меньшинство и политики выдвинули совместного кандидата — протестанта Мишеля Ги сьера де Ла Батай и де Пьер Лева, королевского сборщика тальи, «считая его миролюбивым и стремящимся сохранить этот город в повиновении королю»²³. Ко дню выборов 18 апреля 1563 г. всевозможные интриги и споры вызвали недовольство горожан. Пэр Рулле дю Жо от имени рьяных опротестовал кандидатуру Мишеля Ги на том основании, что он был одновременно сбор-

²⁰ Ibid., p. 126, 127, 163, 204, 205, 226.

²¹ Inventaire-sommaire..., t. 2, p. 4.

²² Выборы мэра производились ежегодно во второе воскресенье после Пасхи. Из трех кандидатов, выдвинутых членами муниципалитета, губернатор или вице-губернатор одного утверждал мэром.

²³ Histoire de La Rochelle..., t. 2, p. 200.

щиком талы и казначеем коммуны и согласно городским статутам не мог быть мэром. Однако Мишель Ги вместе с двумя богатыми горожанами Гильомом Пино сьером де Фьеф-Жослен (мэр в 1562 г.) и эшевенем Жаном Никола сьером де Курей получили большинство голосов.

Рьяные подали апелляцию на политиков сенешалу. В ответ Мишель Ги апеллировал в еще более высокую инстанцию — Парижский парламент. Во время судебной тяжбы никто из претендентов не был утвержден мэром, так как исполняющий функции губернатора (в его отсутствие) Жан Пьер сам стремился стать мэром Ларошели. Для ускорения дела Мишель Ги со своими сторонниками обратился к судье по уголовным и гражданским делам Аматору Бландену, который утвердил его мэром. Одновременно рьяные добились от старого члена магистрата Гильома Фаверо утверждения своего кандидата Жана Пьера.

Создавшееся двоевластие вызвало крайнее замешательство в городе. Большинство членов муниципалитета перестали являться на заседания, вследствие чего магистрат не мог нормально функционировать.

Как сообщал 22 августа 1563 г. де Бюри, генеральный наместник Гиени, политики «опасаются за свою жизнь и беспокоятся по поводу малой возможности удержать город в повиновении королю, если его величество не отдаст распоряжений относительно мятежей и происков, каковых... в Ларошели больше, чем когда бы то ни было». По его мнению, «было бы хорошо выслать оттуда изрядное число бунтовщиков в другие города королевства»²⁴. 30 августа королевские комиссары, направляясь в Ларошель для проверки на местах Амбуазского эдикта об умиротворении от 19 марта 1563 г.²⁵, констатировали, что в Нижнем Пуату он не соблюдается и «приверженцы реформированной веры пользуются всеми свободами без всякого ограничения»²⁶. 6 сентября губернатор Бордо и Лиможа граф д'Экар доносил Екатерине Медичи о беспорядках

²⁴ Документы по истории гражданских войн..., с. 292.

²⁵ Эдикт подтверждался трижды: 16 августа и 14 декабря 1563 г., 4 августа 1564 г. Неоднократно издавались указы о запрещении носить оружие, проводить вооруженные собрания, вести тайную переписку с иностранными государствами и их подданными. Они свидетельствуют о нарастании сил гугенотской партии и бессилии королевской власти прекратить волнения в стране (Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420 jusqu'à la Révolution de 1789. Par Isambert, Decrusy, Armet. Paris, 1829, t. 14, p. 1, p. 59, p. 142—145; p. 74, p. 159; p. 79, p. 159).

²⁶ Документы по истории гражданских войн..., с. 298.

в Сен-Жан-д'Анжели и Ларошели, где «среди жителей постоянная распря и недавно возникло волнение»²⁷.

Королевская власть, стремясь предотвратить возможное открытое выступление Ларошели на стороне гугенотов, оказывала поддержку политикам. 15 декабря 1563 г. они получили разрешение от короля осуществлять деятельность городского совета, независимо от числа присутствующих, с обязательным выполнением принятых решений всеми горожанами²⁸. Согласно воле Карла IX, Мишель Ги был оставлен на посту мэра на второй срок без перевыборов — вопреки статутам коммуны. Затем, полагая, что «благодаря мудрому правлению упомянутого сьера мэра и членов муниципалитета, хотя и различных вероисповеданий», в Ларошели в течение 1564 г. сохранялось стабильное положение (в то время как в других районах страны продолжались столкновения католиков и гугенотов) король и в 1565 г., в третий раз, оставил мэром Мишеля Ги.

Однако в городе только поддерживалась видимость спокойствия. Активно действовали протестантские проповедники де Л'Иль, Магнен, де Нор и де Валле (очевидно, это прозвища). Среди них выделялась фигура искусного оратора Оде де Нора, выходца из Ажена. Он был выкуплен протестантами Ларошели из тюрьмы, куда был заточен по приказу генерального наместника Гиени Монлюка в октябре 1562 г. Поскольку официально протестанты были лишены возможности пользоваться церковными помещениями, то они собирались либо в самом большом городском зале Сен-Мишель, либо в доме купца Луи Гаргуйо. В своих проповедях пасторы, «увлеченные страстью и рвением к возвышению своей веры», разоблачали жестокое отношение к протестантам, обвиняли короля в беспринципности, так как он нарушал Амбуазский эдикт новыми декларациями, ущемлявшими права и интересы сторонников кальвинизма²⁹. Они призывали паству не подчиняться этим постановлениям. В результате «жители этого города позволяли себе различные вольности, имелись и такие, кто зло-

²⁷ Там же, с. 302.

²⁸ Histoire de La Rochelle..., t. 2, p. 207.

²⁹ Согласно Руссильонскому эдикту от 4 августа 1564 г. запрещалось созывать синоды протестантской церкви, а также осуществлять реформированный культ помимо мест, указанных во второй статье Амбуазского эдикта; духовным лицам, нарушившим обет безбрачия, надлежало развестись, либо покинуть пределы королевства. Ранее, 24 июня 1564 г., вышла «Декларация, запрещающая исповедание реформированной религии в местах пребывания короля» (Recueil général des anciennes lois..., n. 82; 85; p. 170—172).

словил и ругал короля, королеву и совет и намеревался препятствовать исполнению деклараций»³⁰. Политики стали опасаться открытого мятежа или повторения иконоборчества.

Рост волнений временно прекратился в связи с пребыванием в Ларошели в сентябре 1565 г. Карла IX, направлявшегося в Байонну на свидание со своей сестрой Елизаветой, супругой короля Испании Филиппа II. Целью встречи, как полагали кальвинисты, было достижение договоренности об истреблении гугенотов. В Ларошели королю организовали торжественную встречу. На улицах соорудили помосты, богато драпированные коврами и тканями, на которых должны были стоять дети в белых одеждах и кричать здравицы в честь Карла IX; улицы и площади украшали большие картины, символически изображавшие верность и преданность ларошельцев короне вопреки силе, жестокости, лести и всевозможным козням врагов королевства, а также прославлявшие королевское милосердие и правосудие. Городская артиллерия была приведена в боевую готовность для проведения салюта. Однако 12 сентября за два дня до прибытия короля коннетабль Анн де Монморанси приказал сложить все виды оружия, в том числе, артиллерию за городской чертой на лугу Мобек.

На следующий день многочисленная процессия отправилась в предместье Сент-Элуа встречать короля. Она включала роты солдат, духовенство пяти церквей, монахов с крестами и хоругвями, членов президиального суда в длинных мантиях и четырехугольных шапках, и наконец, мэра Мишеля Ги и членов муниципалитета, пышно одетых в бархат голубого и белого цвета в сопровождении лучников, привратников и пушкарей города. Карл IX принял от городских властей богатый подарок и преподнесенные ему в знак верности ключи от Ларошели, которые милостиво были возвращены мэру. Однако он не дал у городских ворот традиционной клятвы о соблюдении и сохранении коммунальных статутов, а коннетабль со словами — «это было хорошо в старину» — разрубил шпагой шелковую веревку, преграждавшую въезд в город.

Демонстрация преданности и лояльности горожан не спасла их от репрессивных мероприятий королевского совета. 17 сентября были изданы два указа, которые предписывали: соблюдать эдикт о мире под страхом изгнания из города и лишения буржуа должностей и прав произвести судебные расследования об оскорблении католиков и разграблении их имущества; пасторам запрещалось в своих проповедях оскорблять

³⁰ Histoire de La Rochelle..., t. 2, p. 214.

его величество, членов королевского совета и произносить скандальные и мятежные речи; ряд лиц изгонялся из города, в том числе в двухдневный срок — проповедник Ла Валле, с запрещением под страхом смерти приближаться на два лье к губернаторству и проповедовать в королевстве; в 15-дневный срок высылались в Париж глава рьяных Жан Пьер (должен был находиться под домашним арестом до особого распоряжения короля) и еще 6 буржуа: эшевен Жан Мориссон — в Бурж, эшевен Пьер Тевенен — в Этамп, купец Пьер дю Жо — в Шартр, купец Жан Дюруи — в Шатильо-сюр-Сен, торговец Никола Года — в Санлис, Винсен Мэро — в Труа, под надзор местных властей. Вся полнота власти по охране города, а также его боеприпасы оставались в распоряжении губернатора барона де Жарнак.

Таким образом, в результате пребывания короля в Ларошели наиболее активная часть протестантов была выслана за пределы губернаторства. Однако спустя полтора месяца, 4 ноября, в зале Сен-Мишель и купеческих домах они возобновили свои собрания, на которых присутствовал сьер де Монтлье, старший сын барона де Жарнак, возможно, с целью контроля за соблюдением порядка и выполнением королевских предписаний. Католики же провели в марте 1566 г. всеобщую процессию по городу, чего не осмеливались делать в течение последних трех-четырёх лет. Все это отразилось на результатах муниципальных выборов 1566 г., когда мэром был избран политик, член президиального суда Амата Бланден. Бланден вместе с сыном Жаном, членом городского совета, пользовавшимся покровительством губернатора, стремился сосредоточить всю полноту власти в своих руках и единолично решать все вопросы. Новый мэр и его сторонники, из опасения, что жители «спутаются с теми, кто сеет беспорядки», взяли с горожан подписку прибегать к силе оружия только по приказу короля.

Такая политика новой администрации вызвала обострение отношений в муниципалитете, что в определенной мере отражало настроение горожан. Во время избирательной кампании в апреле 1567 г. Амата Бланден «составляет заговор», чтобы оставить преемником своего ставленника Пьера Жентилья сьера д'Эсандес. Его противники, в число которых входил президент президиального суда Клод д'Англиер, член купеческого семейства Ги и «другие лица из добрых семей города», избрали мэром 27-летнего Франсуа Понтара сьера де Трей-Шаре, а его помощниками — Пьера Саллебера сьера де Ла Гербодьер и Жюльена Никола сьера де Ботрей. Поддержку

этому кандидату оказали многие политики, рьяные и сам губернатор в надежде, что Понтар по молодости будет марионеткой в их руках. Однако эти надежды не оправдались. Франсуа Понтар ловко использовал недовольство горожан Бланденом и губернатором де Жарнаком для усиления личной власти и вскоре установил в Ларошели диктатуру рьяных. Ларошельцы отказывались повиноваться губернатору, который неоднократно демонстрировал свое вероотступничество, и обращались по спорным вопросам непосредственно к королю или в его совет. Игнорирование горожанами губернатора вынудило короля в конце марта 1567 г. прислать три специальные грамоты о подтверждении его в должности губернатора³¹.

Таким образом, в результате борьбы различных религиозно-политических группировок, продолжавшейся в Ларошели в течение пяти лет и выражавшейся в таких формах, как судебные тяжбы, интриги, гражданское неповиновение, а чаще всего в виде соперничества на выборах в муниципалитете, к власти пришли наиболее радикально настроенные элементы из числа протестантов — рьяные, благодаря усилиям которых уже в 1568 г. Ларошель стала оказывать открытую поддержку гугенотам. Социальная структура политиков, рьяных и, по всей видимости, католиков идентична — это купцы, судовладельцы, чиновники. Руководителями в среде рьяных, а также членами их группировки, оказались высокопоставленные должностные лица, купцы, домовладельцы — Жан Пьер, Ги, Гаргуйо, Саллебер, Понтар и другие. Рьяных поддерживали городские низы, ремесленники, пользовавшиеся любой возможностью, чтобы выступить против коррупции, злоупотреблений, мошенничества «отцов города».

³¹ Ibid., p. 240.

СООБЩЕНИЯ

Л. И. Солодкова

К ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО ПРАВА СРЕДНЕВЕКОВОГО КЁЛЬНА

История средневекового Кёльна издавна привлекает внимание исследователей. Город античного корня, вновь возникший рядом с бывшей римской *Colonia Agrippina*, средневековый Кёльн славился как центр ремесла и торговли¹. В XI—XII вв. кёльнские купцы торговали не только с другими немецкими городами, но и с Норвегией, Россией, Испанией, Голландией, особенно же — с Англией и Фландрией². Известно, что английские короли охотно давали и подтверждали привилегии кёльнским купцам, торгующим в Лондоне и других городах Англии³. Большого расцвета достигли в XI в. кёльнские ярмарки. Английский монах того времени так записал свои впечатления: «Кёльн, центр всей Германии, — город первой величины и наполнен товарами всех видов»⁴. Ламберт Герсфельдский, хронист конца XI в., упоминал о большом числе богатых кёльнских купцов (до 600 чел.)⁵, причем это были не разъезжие *mercatores* оттоновских времен, а жители Кёльна, *cives*⁶.

Городская община Кёльна рано вступила в активную борьбу с сеньором города — архиепископом, стремясь ограничить его произвол и поборы. Крупные выступления горожан против

¹ Торгово-ремесленное поселение, *Vorstadt*, в 948 г. было окружено каменной стеной (*Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt*. Bonn, 1953, S. 310).

² *Ennen L. Geschichte der Stadt Köln*. Köln, 1863, Bd. 1, S. 480.

³ *Quellen zur Geschichte der Kölner Handels und Verkehrs im Mittelalter*/Hrsg. v. Kuske. Bonn, 1923, Bd. 1, N 2, 3, 7, 9, 11 usw.

⁴ Цит. по кн.: *Ennen L. Op. cit.*, Bd. 1, S. 482.

⁵ *Ennen L. Op. cit.*, Bd. 1, S. 483.

⁶ *Planitz H. Die deutsche Stadt im Mittelalter*. Köln — Graz, 1954, S. 100.

архиепископа произошли в 1074 г. и в 1112 г.⁷ И хотя сеньор сохранил обширные прерогативы и власть, тем не менее уступки в пользу горожан были сделаны. Грамоты середины XII в. фиксируют наличие городских органов самоуправления. Очевидно, эти органы обладали определенным правом юрисдикции, если в грамоте 1159 г. речь идет о «*fraternitates, que civi-lem respiciunt justiciam*»⁸. В том же 1159 г., делая запись о покупке монастырем св. Гереона аллода в Марсдорфе, составители грамоты упомянули, что сделка совершена «согласно праву города Кёльна» (*secundem jus coloniense urbis*) в присутствии шеффенов (*senatores*) и горожан⁹. Наиболее важные решения принимались на собрании всех горожан¹⁰. Леонард Эннен, автор многотомной истории Кёльна, видел в правовых источниках середины XII в. выражение политической самостоятельности кёльского бюргерства¹¹.

Многие хартии немецких городов ссылались на кёльское право, на право кёльских купцов. Так, в городском праве Фрейбурга в Брейсгау 1120 г. есть ссылка на *jus mercatorum Coloniensium*¹². Право Зёста в Вестфалии, дочернего города Кёльна, первые статьи которого относятся, по мнению Г. Планица, к первой половине XII в., было составлено на основе кёльского права¹³. Ссылки на кёльское право имеются также в хартиях городов Берна и Гослара (обе относятся к началу XIII в.)¹⁴. Между тем никому не известна запись кёльского права, то есть неясно, на что ссылаются составители этих городских грамот. Остается лишь предполагать, что когда-то права и привилегии городской общины были зафиксированы в отдельной грамоте или грамотах, составившие кёльское право. Однако вопрос о содержании раннегородского права вряд ли можно решать, имея в виду отдельный источник, сколь ни была бы велика его историческая ценность. Ибо, как правило, привилегии городского права — не единовременный

⁷ Подробнее об этих событиях см.: *Ennen L. Op. cit., Bd. 1.*

⁸ *Quellen zur Geschichte der Stadt Köln/Hrsg. v. Ennen und G. Eckertz. Köln, 1860, Bd. 1, N 73 (далее: Quellen...)*

⁹ *Ibid., N 74.* В источниках XII—XIII вв. шеффены (обычно *scabini*) назывались также *senatores* (*Hegel K. Städte und Gilden der Germanischen Völker im Mittelalter. Leipzig, 1891, Bd. 2, S. 324.*

¹⁰ «*totius populi unanimi consensu...*» (*Quellen...*, Bd. 1, N 73) «*...co-ram multitudine civitatis, que convenerat*» (*Ibid., N 70*).

¹¹ *Ennen L. Op. cit., 1865, Bd. 2, S. 12.*

¹² *Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands/Hrsg. v. Keutgen. Berlin, 1901, Bd. 2, S. 118. (Далее: Urkunden...)*

¹³ *Planitz H. Op. cit., S. 104.*

¹⁴ *Urkunden...*, Bd. 2, S. 126, 179.

акт, а результат длительной борьбы горожан против сеньориального режима.

В некоторой степени приблизиться к решению вопроса о содержании раннегородского права позволяет, на наш взгляд, так называемый *Schiedsspruch 1169 г.* — грамота кёльского архиепископа Филиппа по поводу спора между бургграфом и фогтом о границах их полномочий и распределении доходов в городе¹⁵. Хотя этот источник, очевидно, не является искомым кёльским правом, он позволяет выявить некоторые важные моменты того, что в этом праве содержалось. Интересно, как составлена грамота: архиепископ Филипп, в качестве третейского судьи, разрешает спор двух своих должностных лиц в городе — бургграфа, «знатного мужа» Генриха Арбергского, и фогта, рыцаря Герхарда фон Эппендорфа. На первый взгляд может показаться, что разграничение прав этих чиновников было главным для составителей грамоты. На деле же решение их спора затрагивало гораздо более важные вопросы. Не случайно грамота то и дело упоминает о полномочиях кёльских шеффенов, о правах горожан, о какой-то «древней» хартии их вольностей.

Дело в том, что третейское решение архиепископа Филиппа было оформлено как «обновление» (*ipponatio*) древнейшей привилегии, хранившейся в городском (не церковном!) архиве, у шеффенов. Архиепископ объясняет необходимость этого обновления тем, что та, древнейшая грамота, слишком обветшала и изъедена червями. Поэтому он вынужден созвать для подтверждения (или для пересмотра?) старых привилегий не только приоров огромной епархии и крупнейших феодальных сеньоров региона, но и представителей городской общины: городских магистров (*magistri civium*), шеффенов (*scabinos*) и официалов Рихерцехе (*officiales de Rigirzegheida*)¹⁶.

В споре двух архиепископских чиновников выиграл бургграф¹⁷, державший судебный банн, как отмечено в грамоте, от королевской власти, а не от духовного сеньора. Это обстоя-

¹⁵ Текст грамоты 1169 г. опубликован в данном выпуске сборника.

¹⁶ Кёльский Рихерцехе этой эпохи — привилегированная организация богатейших и влиятельнейших людей города, осуществлявшая, по мнению В. В. Стоклицкой-Терешкович, надзор над цехами и городской торговлей. (*Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города. М., 1960, с. 156*). Г. Планиц трактует Рихерцехе как организацию, состоящую из заслуженных цеховых мастеров, бургмастеров и цеховых мастеров — кандидатов в члены магистрата. *Planitz H., op. cit., S. 285 и а.*

¹⁷ Должность бургграфа впервые упоминается в кёльских источниках в 1032 г. (*Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins. Hrsg. v. Th. Lacomblet. Düsseldorf, 1840, Bd. 1, N 167*).

тельство, видимо, представлялось весьма важным для коллегии шеффенов, подчинявшейся бургграфу и состоявшей уже в XII в. только из представителей городского сословия. Границы прав фогта¹⁸ (шультгейса, то есть сеньориального судьи), архиепископского министерала, очерчены в грамоте 1169 г. менее определенно. Что явилось тому причиной, сказать трудно, тем более что тогдашний фогт Герхард фон Эппендорф состоял в дружеских отношениях с архиепископом Филиппом¹⁹. Можно предположить, что у фогта были другие, деревенские источники доходов, что он оставался прежде всего управляющим поместий и казначеем. Так что архиепископ не очень сильно его обидел²⁰.

При чтении грамоты бросается в глаза, как скупо и будто вскользь упоминает она о правах кельнских граждан. Возобновлять-то их архиепископ возобновляет, но, видимо, очень неохотно; а весьма возможно — и в ограниченном объеме.

Как было отмечено выше, более ранние источники свидетельствовали о наличии в Кельне городского суда, точнее, нескольких судебных коллегий (по кварталам), хотя, видимо, — под председательством бургграфа, фогта или их викариев. А в грамоте 1169 г. говорилось, что горожан нельзя вызывать в суд за пределами города Кельна, то есть признавалось определенное ограничение сеньориального произвола. Та же грамота подтверждает факт существования коллегии шеффенов (*scabinatus*), упоминает о магистрах горожан, которые, по всей видимости, были муниципальными чиновниками, подчиненными коллегии шеффенов²¹. Не потому ли архиепископ неоднократно напоминает о ветхости и непригодности для чтения той старой привилегии? Вместе с тем его власть в городе еще очень сильна: шеффены заседают в судах, возглавляемых его чиновниками, кроме того, в его руках — церковный суд. В некоторых случаях архиепископ грозит горожанам «карающей властью церкви». Еще сохраняются такие остатки феодального судопроизводства, как кровавый поединок. С одной стороны, судопроизводство в Кельне XII в. уже не обходится без участия коллегии шеффенов, с которой вынуждены считаться и бургграф, и стоящая за ним огромная сила — архиепископ

¹⁸ Впервые упоминается в 1061 г. (*Ibid.*, N 196).

¹⁹ См.: *Ennen L.* Op. cit., Bd. 2, S. 13.

²⁰ См.: *Lau F.* Entwicklung der kommunalen Verfassung und Verwaltung der Stadt Köln bis zum Jahre 1396. Bonn, 1898, S. 14—20.

²¹ Лизеганг высказал мнение, что магистраты горожан — это, как правило, члены *fraternitas* или *officium*. (*Liesegang E.* Die Sondergemeinden Kölns. Bonn, 1885, S. 11).

и церковь. С другой — выборы и назначение новых шеффенов их предшественниками находятся под контролем бургграфа, причем грамота Филиппа дает возможность для злоупотреблений с его стороны (там много оговорок по поводу того, кто не может стать шеффеном!).

Любопытная деталь: в грамоте сказано, что представители городской общины «неохотно открыли свой ларец, в котором были спрятаны их привилегии». Можно предположить, что шеффены и магистры, зная сложившуюся ситуацию, опасались потерять те вольности, которые были прежде завоеваны горожанами и записаны в «обветшавшей» древней грамоте. Их опасения были вполне оправданы. Ведь архиепископ, окруженный сонмом крупнейших духовных и светских феодалов, возобновляя грамоту, всячески старался представить дело только как спор между бургграфом и фогтом. И ему, по-видимому, удалось несколько урезать права кельнских горожан.

Может быть, здесь лежит ключ к отысканию ускользающего от историков кельнского городского права? Не скрывалось ли оно в той недошедшей до нас «обветшавшей» старинной привилегии кельнских горожан, которую «обновил» (и тем самым отменил!) своим актом 1169 г. кельнский архиепископ? Несомненно одно: этот акт явился лишь одним из этапов долгой, шедшей с переменным успехом, борьбы горожан Кельна с могущественным сеньором. Этот эпизод, как нам кажется, ярко показывает, что средневековое городское право складывалось длительно и неровно, как бы пульсирующими толчками, отражавшими менявшееся соотношение борющихся сил — городского сословия и сеньориальной власти.

Каждую уступку в свою пользу горожанам приходилось завоевывать и отстаивать. Так, еще в первой половине XII в. кельнские горожане начинают выкупать у архиепископа рыночные пошлины. Как ясно из грамоты 1169 г., уже до нее (и значительно раньше) горожане добились полного освобождения от уплаты крайне обременительной торговой пошлины по всей территории архиепископа. Когда тому же архиепископу Филиппу в 1174 г. понадобились деньги для итальянского похода, он не смог заставить «своих верных кельнских бюргеров» платить дополнительные поборы, а должен был за тысячу марок, которую получил от них, заложить им одну из своих ценнейших регалий — доход с чеканки монеты²². Мы можем рассматривать кельнскую грамоту 1169 г. как отражение одного из этапов борьбы горожан за свои права.

²² *Geschichte des Erzbistums Köln, Köln, 1964, Bd. 1, S. 482.*

А. Н. Галямичев

ПРОГРАММА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАБОРИТОВ В ОСВЕЩЕНИИ БЕЦОЛЬДА

Историография гуситского движения чрезвычайно обширна, революционные события в Чехии начала XV века привлекали и продолжают привлекать историков разных стран, поколений, религиозных и идейно-политических воззрений. Изучение историографического наследия необходимо для научной оценки старых и новых исторических идей и концепций, для дальнейшего осмысления исторических явлений.

Одна из интереснейших страниц развития гуситологии, как по обилию самых различных по форме и содержанию гуситских исследований, так и по методологической значимости — немецкая буржуазная историография второй половины XIX в. Вторая половина прошлого века имеет исключительное значение для развития исторической науки в целом¹, и немецкой историографии в частности, поскольку последняя в те времена прочно занимала ведущее место в буржуазной исторической науке².

Немецкая буржуазная историография гусизма времен «золотого века» немецкой медиевистики до сих пор не стала предметом обстоятельного исследования. Колоссальный материал по историографии гуситского движения собран в капитальной работе чешского буржуазного историка А. Крауса «Гуситство в литературе, преимущественно немецкой», третий том которой посвящен литературе XIX в.³ Работа имеет библиографическую направленность: стремясь максимально охватить литературу о гусизме, включая произведения художественной литературы и публицистику, А. Краус порой ограничивается лишь краткими характеристиками творчества видных ученых, внесших значительный вклад в историографию гусизма.

Отдельные оценки и характеристики гуситской историографии содержатся в работах историков-марксистов И. Мацека, Х. Кёпштейна и З. Хойера, А. И. Озолина⁴.

¹ Гутнова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в.—1917 г.). М., 1974, с. 3—4.

² Вайнштейн О. Л. Историография средних веков в связи с развитием исторической мысли. М.—Л., 1940, с. 227.

³ Kraus A. Husitství v literaturě, zejména německé. Praha, 1924, d. 3.

⁴ Macek I. K ohlasu husitství v Německu.—Ceskoslovenský časopis historický, 1956, N 2, s. 189—191; Köpstein K. Ohlasy husitského revolučního hnutí

Нам думается, что исследование данной проблемы можно начать с рассмотрения взглядов наиболее значительных представителей немецкой буржуазной гуситологии, поскольку, с одной стороны, творчество таких историков составляет важные вехи в развитии историографии гусизма, а с другой — в нем наиболее рельефно отражаются особенности всего историографического процесса соответствующего периода.

К числу звезд первой величины на небосклоне немецкой буржуазной гуситологии второй половины XIX в. несомненно, следует отнести Фридриха фон Бецольда (1848—1928). Бецольд вошел в историю медиевистики прежде всего как автор всемирно известной «Истории реформации в Германии»⁵, увлеченно занимался историей средневековой и гуманистической культуры⁶, много и плодотворно работал в знаменитом «Историческом журнале» и Мюнхенской исторической комиссии⁷. Концепция истории гуситства, созданная им в самом начале его научной деятельности, внесла ценный вклад в буржуазную историографию и оказала воздействие на дальнейшее развитие гуситологии.

Интересна оценка «гуситского» творчества Бецольда в литературе. Его работы положительно оценивают современные историки-марксисты⁸, представители прогрессивной традиции

ti v Německu.—In: Mezinárodní ohlas husitství. Praha, 1958, s. 223—225; он же. Über den deutschen Hussiten Friedrich Reiser.—Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1959, H. 5, S. 1069; Hoyer S. Die Auswirkungen der hussitischen revolutionären Bewegung auf Deutschland als Forschungsgegenstand.—In: Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1966, Bd. 9, S. 313; Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962, с. 18—19; он же. Складывание национальной программы бюргерской оппозиции в Чехии конца XVI—начала XV вв.—В кн.: Средневековый город. Саратов, 1968, вып. 2, с. 114—115; он же. Историки ГДР о гуситском революционном движении.—Историографический сб. Саратов, 1974, вып. 2 (5), с. 157—159.

⁵ Bezold F. Geschichte der deutschen Reformation. B., 1890; в рус. пер.: Бецольд Ф. История реформации в Германии. СПб., 1900, т. 1—2.

⁶ Bezold F. Aus Mittelalter und Renaissance. München und Berlin, 1918.

⁷ Beyerhaus G. Friedrich von Bezold.—Historische Zeitschrift, 1929, Bd. 141, H. 2, S. 315, 318; Geschichte der Wissenschaften in Deutschland. Neuere Zeit, Bd. 20; Geschichte der deutschen Historiographie. München und Berlin, 1885, S. 1080.

⁸ См. указанные выше работы марксистов-историков. Отметим также, что в историографической главе двухтомной работы И. Мацека «Табор в гуситском революционном движении» автор положительно оценивает труды Бецольда (М., 1956, т. I, с. 31) и считает его единственным заслуживающим внимания представителем всей чешской буржуазной историографии.

в буржуазной историографии⁹, и наряду с этим — буржуазные историки реакционного направления¹⁰.

Бецольд создал яркую, но вместе с тем и чрезвычайно противоречивую концепцию истории гусизма, отражавшую положение немецкой либеральной буржуазии 70-х гг. XIX в.¹¹. В ней причудливо переплетались прогрессивные и консервативные взгляды и оценки. Это и послужило основой для столь противоречивого единодушия в характеристике его творчества.

Ядро «гуситского наследия» Бецольда составляют две книги: «Король Сигизмунд и имперские войны против гуситов» и «К истории гуситства. Культурно-историческое исследование»¹². Особого внимания заслуживает последняя — исследование теоретического плана, методология которого во многом определила творческое лицо Бецольда. Оригинальная концепция гуситской истории сразу же обратила на себя внимание в научных кругах¹³.

На первых же страницах книги Бецольд утверждает: «То, что мы понимаем под именем гуситства, есть переплетение и взаимосвязь религиозных, национальных и социально-политических идей и устремлений», и ставит перед собой задачу «специального рассмотрения отдельных составных частей»¹⁴. Такая постановка вопроса была принципиально новой, поскольку в предшествующей историографии социальное содержание гуситского движения обычно оставалось вне поля зрения исто-

⁹ Seibt F. Die hussitische Revolution und die europäische Gesellschaft. — In: *Cultus pacis*. Prague, 1966, p. 27.

¹⁰ Pekar J. Zizka a jeho doba. Praha, 1927, d. 1, s. 173—174.

¹¹ О том, что Бецольд пишет о гуситах, постоянно имея перед глазами XIX век, свидетельствуют его собственные слова: «Социально-политические идеи чешского движения, его стремление преобразовать все человеческое бытие дают ему полное право на имя революции и позволяют нам сравнить его с потрясениями в современной жизни народов» (*Bezold F. Zur Geschichte des Husitentums*. *Culturhistorische Studien*. München, 1874, S. 54).

¹² *Bezold F. König Sigmund und die Reichskriege gegen die Husiten bis zum Ausgang des dritten Kreuzzugs*. München, 1872—1877, Bd. 1—3; *Bezold F. Zur Geschichte des Husitentums*. *Culturhistorische Studien*. München, 1874. К истории гуситского движения и в особенности к вопросу о гуситских откликах в Германии Бецольд обращается также в «Истории реформации» и других работах.

¹³ *Beyerhaus G. Op. cit.*, S. 318. Успех книги Бецольда не был сиюминутной сенсацией. Работа молодого немецкого историка действительно явилась значительным вкладом в историографию гусизма. Знаменателен факт ее перевода на чешский язык и переиздания 30 лет спустя, когда книга, по словам современников, «была признана наименее компетентнейшими рецензентами как ценная» (*Kraus A. Op. cit.*, S. 274) и «не дождавшаяся своей замены» (*Ястребов Н. В. Этюды о Петре Хельциком и его времени*. СПб., 1908, вып. 1, с. 8).

¹⁴ *Bezold F. Zur Geschichte...*, S. 2.

риков. В немецкой историографии (И. А. Хельферт, К. Хёфлер) имела место националистическая концепция сущности гусизма, изображавшая гуситские войны как борьбу всех чехов против всех немцев; высказывались взгляды о гусизме как чисто религиозном, предреформационном, «предлютеровском» явлении в буржуазном понимании сущности реформации (Л. Круммель)¹⁵. Национальные и религиозные моменты подчеркивались в сочинениях крупнейших чешских историков Ф. Палацкого и В. Томека¹⁶. В русской историографии гуситского движения до середины 70-х гг. главное место занимала славянофильская концепция, согласно которой гуситское движение объявлялось борьбой за восстановление православия в чешских землях¹⁷.

Бецольд явился пионером специального исследования социальной истории гуситского движения в буржуазной историографии, что связано с новыми запросами, которые на данном этапе предъявляла к историкам буржуазная идеология¹⁸.

¹⁵ *Озолин А. И.* Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962, с. 17—18.

¹⁶ *Мацек Я.* Табор..., т. 1, с. 25—31.

¹⁷ *Лаптева Л. П.* Русская историография гуситского движения (40-е гг. XIX в.—1917 г.). М., 1978, с. 310.

¹⁸ Отвечая на вопрос: почему Бецольд обратился к социально-политическому содержанию гуситского движения раньше, чем чешские историки, И. Мацек считает, что последние, как идеологи чешской буржуазии, стремились использовать гуситскую традицию лишь как знамя борьбы против национального гнета и опасались показать социальное значение гуситства перед лицом растущего рабочего движения, поскольку гуситское движение грозило стать нежелательным источником вдохновения чешского пролетариата. Для немецкого же историка, считает Мацек, обращение к социально-политической борьбе гуситов не могло иметь подобного рода непосредственных политических последствий (*Мацек Я.* Табор..., т. 1, с. 31). С таким решением вопроса согласиться трудно. Как известно, поворот буржуазной историографии к исследованию социальной истории произошел уже после 1848 г. и ускорился с начала 70-х гг. прежде всего под влиянием революционных событий и дальнейшего развития общественно-политической борьбы (*Fueter E.* *Geschichte der neueren Historiographie*. München und Berlin, 1936, S. 530—532, 600—601). Процесс этот глубоко затронул немецкую историографию в целом (*Данилов А. И.* Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. М., 1958, с. 36), и смежную с гуситологией проблему истории и предистории Великой Крестьянской войны 1525 г. (*Смирин М. М.* Народная Реформация Томаса Мюшера и Великая Крестьянская война. М., 1955, с. 26—27).

Вопрос о социальном содержании гусизма был поставлен в немецкой историографии раньше, чем в чешской, как нам представляется, потому, что острота социальных противоречий, требовавших ответа и средствами истории, в тогдашней Германии была выше, перед ней не стояла задача национального освобождения. Кроме того, сыграл свою роль и более высокий общий уровень развития исторической науки.

Однако до подлинного понимания сущности гуситского движения Бецольд не поднялся. Социальная сторона в гуситстве, по его мнению, — лишь один из факторов, причем второстепенный, что вытекает из утверждения: «Религия и национальность суть, бесспорно, два главных фактора богемской революции»¹⁹. Таким образом, Бецольд в объяснении общественных явлений остановился на позициях позитивистского плюрализма. Сама социальность у Бецольда выглядит весьма аморфно, ведь это был только первый шаг от традиционного понимания сущности гусизма.

Важнейшим вопросом истории гуситства, индикатором идейно-политических взглядов, или, по меткому выражению Й. Мацека, мерилем прогрессивности историка является оценка таборитского лагеря. В произведениях современников Бецольда, в особенности его соотечественников, широкое хождение имели представления о таборитстве как некоей безликой, недифференцированной толпе изуверов, грабителей и убийц. Бецольд отказывается от подобного рода безоговорочно негативной оценки таборитов. Не отрицая фактов таборитской жестокости, историк рассматривает их как оправданный ответ на насилие, чинимые католическим лагерем, которые и положили начало жестокостям гуситских войн. Бецольд понимает и сложность структуры Табора, выделяя в его составе три большие группы: «умеренные, собственно табориты и крайние табориты»²⁰.

Останавливаясь на программных требованиях таборитов, Бецольд, протестант по вероисповеданию, дает исключительно высокую оценку религиозной программе гуситских радикалов, с ее обращением к священному писанию как единственному источнику божественной истины, демократической организацией духовенства, введением народного языка в богослужение, отказом от пышных католических церемоний и обрядности²¹.

Особое внимание уделяет историк социально-политической программе таборитов, взяв за основу статьи таборитских хилистов весны 1420 года. Бецольд признает антифеодальный, демократический характер программных требований Табора, которые «совершенно отрицали общественную и государственную жизнь средневековья»²², положительно оценивает таборитские идеи равенства, например, провозглашаемые ими требования уничтожения всех сословных различий и привиле-

¹⁹ *Bezold F. Zur Geschichte...*, S. 6.

²⁰ *Ibid.*, S. 12.

²¹ *Ibid.*, S. 28, 31.

²² *Ibid.*, S. 54.

гий, упразднения феодальных правовых традиций и ограничений, отмечает зарождение «неясных представлений о народном суверенитете»²³. В то же время историк с откровенной неприязнью отзываясь о выдвигаемой хилистами идее ликвидации частной собственности, попытках введения общности имуществ, что представляется ему явлением однопорядковым с требованием введения общности жен²⁴. И все же, несмотря на эти совершенно неприемлемые суждения, высокая в целом оценка программы таборитского лагеря, исключительно смелая для либерала должна быть отнесена к самым значительным достижениям историка.

Бецольд видит и социальные силы, подхватившие таборитство, считая главным источником силы таборитов крестьянство, а «вторым по важности элементом таборитской партии» ремесленников и городские низы²⁵, причем важнейшими предпосылками для восприятия ими таборитских идей считает тяжелое экономическое и правовое положение крестьянства в предгуситской Чехии и экономические интересы горожан²⁶. Высоко оценивая эти положения Бецольда, следует все же заметить, что первичными для него являются идеи, объектом воздействия которых выступают в той или иной степени подготовленные к их восприятию народные массы.

Идеалы таборитской программы, на которые откликнулись крестьяне и городская беднота Чехии, в освящении Бецольда оказываются нейтрализованными практикой таборитов: «У самих таборитов идеи свободы нашли свое осуществление в неуловимо малой мере»²⁷. Таборитская практика, по мнению Бецольда, разрушает и связь таборитов со «своими естественными опорами» — крестьянством и горожанами²⁸.

Острые бецольдовской критики направляется против наиболее активной части плебейско-крестьянского лагеря — таборитских войск, «божьих воинов», которые противопоставляются массе сельского люда, сочувствующей таборитским идеям, но не расставшейся с крестьянской жизнью. Бецольд ограничивает их взаимоотношения вниманием таборитскими войнами непомерно больших поборов с крестьянства и кровавыми экзекуциями по поводу и без него: «Вскоре сельский люд был приведен в такое состояние, которое напоминает нам печаль-

²³ *Ibid.*, S. 55, 71.

²⁴ *Ibid.*, S. 44.

²⁵ *Ibid.*, S. 55, 63.

²⁶ *Ibid.*, S. 56—57, 63—64.

²⁷ *Ibid.*, S. 77.

²⁸ *Ibid.*, S. 75.

ные времена Тридцатилетней войны и которое полностью парализовало силу сопротивления крестьян будущему закреплению»²⁹. Историк пишет также о недовольстве действиями таборитских войск со стороны городских ремесленников, страдавших от разрушительных последствий длительной войны³⁰. Наконец, Бецольд настойчиво выдвигает на первый план руководящее положение представителей дворянства, присоединившихся к таборитским войскам, по его мнению, главным образом из корыстных соображений. Это руководство, считает Бецольд, противоречило демократическим принципам программы таборитов и оттолкнуло от них значительную часть народа³¹.

Умалчивая о героической борьбе «божьих воинов» против феодально-католического лагеря Чехии и против иноземных вторжений, Бецольд утверждает, что войска «братьев» «чем дальше, тем больше превращались в особый род разбойничьих банд, объединявших в своих рядах разношерстный чужеземный сброд» и не имевших иных целей, кроме грабежа Чехии и соседних стран³².

Таким образом, деятельность таборитов противопоставляется таборитской программе³³. Такое противопоставление отражает, на наш взгляд, противоречивое положение немецкой либеральной буржуазии 70-х гг. XIX в., находившейся под впечатлением революции 1848 г., роста рабочего движения, ошеломляющего примера Парижской Коммуны. Она лелеяла надежды встать у руля государственной власти, но ее страшила революционная активность народных масс. Поэтому идеи таборитов привлекают Бецольда своей антифеодальной направленностью, но конкретная революционная практика чешских крестьян и плебеев гуситской эпохи, тяжелому положению которых он сочувствует, рисуется в мрачном свете.

Исследования историков-марксистов убедительно показали, что таборитская практика соответствовала в основном теоретическим положениям таборитов, а не противоречила им. Бецольд направляет внимание читателя на неизбежные разрушительные последствия гуситских войн, игнорируя созидательную деятельность таборитского лагеря, фактически уста-

²⁹ Ibid., S. 62.

³⁰ Ibid., S. 64.

³¹ Ibid., S. 74—75.

³² Ibid., S. 75.

³³ Именно за это положение Бецольда с воодушевлением ухватился П. Пекарж, ссылаясь отнести его книгу к реакционной историографии, противопоставить взгляды Бецольда концепции Ф. Палацкого (*Pečar J. Zizka a jeho doba. Praha, 1927, d. 1, s. 173*).

новившего полное правовое равенство всех таборитов без различия их социального положения, новую, республиканскую организацию общества. Вопреки утверждениям Бецольда об упадке чешского крестьянства, факты свидетельствуют о том, что революционная практика таборитов, осуществлявших раздел феодальной земельной собственности, привела к заметному улучшению положения чешского крестьянства в первые десятилетия после гуситского движения³⁴. Решительными действиями именно плебейско-крестьянского лагеря таборитов были отражены страшные вторжения крестоносцев, защищена независимость Чехии. Революционная практика таборитов, хотя и не вполне свободная от обычных слабых сторон крестьянских движений эпохи феодализма, показывает, что антифеодальная борьба здесь поднялась на более высокую ступень.

Что касается вопроса о месте представителей дворянства в таборитских войсках, то здесь следует отметить элемент классового подхода у буржуазного историка: Бецольд справедливо подчеркивает их чужеродность в плебейско-крестьянском лагере таборитов. Вместе с тем роль представителей дворянства в деятельности таборитов историк явно преувеличивает, считая их единственной руководящей силой в практической деятельности таборитов, направлявшей эту деятельность в выгодное для себя русло. Практика таборитов определялась прежде всего насущными требованиями крестьянства и городских низов. Дворяне (необходимость использования военного опыта которых на первом этапе движения признает и сам Бецольд)³⁵ смогли возглавлять таборитские войска лишь постольку, поскольку они приняли эти требования в качестве руководства к действию.

Образцом гармонии программы и практики таборитов, по Бецольду, является «содержавшее демократические и республиканские ростки созревающее (gährende) таборитство первых лет»³⁶, еще не обратившееся к оружию для достижения своих идеалов и не вступившее в борьбу с утраквизмом. Примечательно, что Бецольд высказывает мысль о возможности и желательности единства гуситских рядов и в годы народного восстания: «Все располагало к тому, чтобы это неизменно счастливое эффективное объединение сил (речь идет об объединении военных усилий пражан и таборитов перед лицом внешней опасности) превратить в постоянное и органиче-

³⁴ *Озолн А. Н.* Из истории гуситского революционного движения. Сапатов, 1962, с. 119, 120, 129, 130, 135, 248.

³⁵ *Bezold F.* Zur Geschichte..., S. 74.

³⁶ Ibid., S. 71.

ское», — пишет он о политическом положении в стране после разгрома третьего крестового похода и даже обвиняет Жижку, не осуществившего объединения, в политической недалекости³⁷. Напротив, Бецольд высоко оценивает политическое дарование Прокопа Великого прежде всего в свете его попыток «посредничать и объединять»³⁸.

Таким образом, в освещении Ф. Бецольдом программы и деятельности таборитов следует отметить обращение к социально-политическим требованиям таборитов, высокую оценку их программы, верное в основном представление о социальном составе таборитского лагеря, понимание сложности структуры таборитства. Вместе с тем, нельзя принять в позиции Бецольда следующее: противопоставление программы и практики плебейско-крестьянского лагеря, либеральные попытки заглушать классовые противоречия среди гуситов, выразившиеся в идее о возможности органического объединения таборитов и утраквистов.

Т. В. Мосолкина

**ПРОПАГАНДА КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ
В АНГЛИИ НАЧАЛА XVII ВЕКА
(памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии»)**

Первые колониальные предприятия Англии были связаны с пиратскими рейдами елизаветинских адмиралов — Дрейка, Рэли и др., с захватом о. Ньюфаундленд в 1583 г. В конце XVI — начале XVII в. Англия нанесла ряд тяжелых ударов своей главной сопернице на море — Испании, которая была в то время крупнейшей колониальной державой. В этот же период возникают крупные торговые компании, в том числе Восточная (1579), Левантийская (1581) и Ост-Индская (1600). Последняя сыграла, как известно, большую роль в создании английской колониальной империи. Эти компании не только вели торговлю с различными странами, но и приступили к захвату опорных пунктов в Азии, Африке и Америке. В 1607 г. была основана первая английская колония в Северной Америке — Вирджиния. А в 1612 г. была учреждена ком-

³⁷ Bezold F. König Sigmund und die Reichskriege gegen die Husiten. München, 1872, S. 29; Bezold F. Zur Geschichte..., S. 68.

³⁸ Ibid., S. 70—71.

пания 120 «предпринимателей-авантюристов» для колонизации Бермудских островов (островов Соммерса)¹.

Для осуществления колониальных предприятий, организации заморских экспедиций нужны были деньги. Получить их можно было лишь заинтересовав определенные круги английского общества теми выгодами, которые сулят колониальные предприятия. Кроме того, необходимо было заручиться покровительством королевской власти на осуществление задуманного предприятия. Вот эту двуединую задачу и должна была помочь решить пропагандистская литература, распространявшаяся в Англии в XVI—XVII вв.

Современные буржуазные историки вопросу о пропаганде колониальной экспансии в Англии XVII в. почти не уделяют внимания. И это не случайно. Ранняя пропагандистская литература с предельной откровенностью говорит не только об истинных целях и задачах колониальных предприятий, но и рекомендует методы колониального проникновения. Только одна работа непосредственно посвящена рассмотрению этого вопроса: книга К. Норра «Британские колониальные теории. 1570—1850 гг.»². Норр использует много не опубликованных ранее документов, но отрывает пропагандистское значение колониальных теорий от реальной исторической почвы и целей, которым они служили.

Среди советских историков большое внимание этой проблеме уделила М. М. Яброва³.

В конце XVI — начале XVII в. число публикуемых пропагандистских произведений было очень значительным. Ярким

¹ Подробнее об этом: см.: Кудрявцев А. Ост-Индская проблема в Англии XVII в. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1938, т. 11; Левин К. Я. Из истории английского проникновения в Индию. — Учен. зап. Горьк. ун-та, 1959, т. 51; Олгаржевский В. П. Из истории английской Ост-Индской компании первой половины XVII в. Иркутск, 1971; Самойло А. С. Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М., 1963; Цыпурича Г. И. Торговля Англии со странами Африки и Левантом во второй половине XV в. Автореф. дис. на соиск. учен. канд. ист. наук. М., 1974; Яброва М. М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966.

² Knorr K. E. British Colonial Theories, 1570—1850. Toronto, 1944.

³ Яброва М. М. Очерки... Саратов, 1966. В последние годы появились две статьи В. М. Кирилловой, предметом исследования которых является пропагандистская деятельность Ричарда Хаклюйта (Кириллова В. М. Р. Хаклюйт как идеолог английского колониализма конца XVI — начала XVII в. — В кн.: Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975; Она же. К вопросу о колониальных воззрениях Ричарда Хаклюйта — младшего (1553—1616). — В кн.: Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979).

образцом этой литературы является памфлет Джона Смита «Описание Новой Англии»⁴. Интересно отметить, что буржуазными историками Дж. Смит не рассматривается как пропагандист колониальной экспансии. Даже Норр только один раз упоминает Смита, да и то по незначительному вопросу. В таком авторитетном издании, как «Кембриджская история Британской империи»⁵, деятельность Смита рассматривается в плане практической колонизации северо-американского побережья. Результаты деятельности Смита оцениваются очень высоко. Смит характеризуется как «прирожденный организатор», и делается вывод: «...нельзя отрицать, что Дж. Смит со служил первоклассную службу созданию империи...»⁶. И лишь один раз отмечается, что «его книга («Описание Новой Англии») способствовала развитию рыболовства в новых областях и побудила Плимутскую компанию активизировать свои действия»⁷.

Может быть, творчество Дж. Смита действительно не заслуживает серьезного внимания? Но современники были хорошо знакомы с произведениями Смита, и его публикации пользовались большой популярностью в среде торгово-промышленной буржуазии. «Его книга вызвала такой большой интерес и была так широко распространена, особенно среди тех, кто был занят в рыболовном промысле на Западе Англии, что название (Новая Англия) почти сразу вытеснило прежние названия... и стало употребляться всеми»⁸. В наше время Смит — личность известная, но... только как географ и первопроходец Америки. Во всех работах, связанных с географическим и колониальным освоением Северной Америки, имя Дж. Смита присутствует непременно⁹. Но буржуазные историки, как правило, умалчивают о целом ряде его сочинений. Причина заключается, очевидно, в излишней «откровенности» Смита.

⁴ Smith J. A Description of New-England 1616. Tracts and other Papers/Ed. by Force P., N. Y., 1947, v. 2. Кроме данного памфлета, Дж. Смит опубликовал около десяти других произведений. Из них наиболее известна «Generall History of Virginia» (1624).

⁵ Cambridge History of the British Empire. Cambridge, 1929, v. 1.

⁶ Ibid., p. 81.

⁷ Ibid., p. 89.

⁸ Ibid., p. 89.

⁹ Наиболее интересную характеристику деятельности Смита как географа дает И. П. Магидович (*Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий*. М., 1949, т. 1; Он же. История открытия и исследования Северной Америки. М., 1962). О деятельности Смита в плане практической колонизации побережья Северной Америки пишет в своей биографии Л. Ю. Слезкин (*Слезкин Л. Ю. У истоков американской истории*. М., 1978).

В этом плане очень типичную характеристику деятельности Дж. Смита дает в своих книгах Рауз¹⁰. Автора интересуют проблемы колониального проникновения Англии в Северную Америку. Умолчать совсем о капитане Смите Рауз не считал возможным. Однако и он рассматривает деятельность Дж. Смита с географическим уклоном. Когда Рауз пишет об освоении Вирджинии, то отмечает, что Смит описал границы Вирджинии на восток от «великого океана», на юг до Флориды, на север до Новой Франции¹¹. В другом месте Рауз пишет, что Смит опубликовал лучшую для своего времени карту побережья Новой Англии¹². И так же, как в «Кембриджской истории Британской империи», Рауз только вскользь упоминает о том, что Смит стал «главным пропагандистом Севера» (Северной Вирджинии): «Его пропаганда содействовала повышению интереса к рыбному промыслу в Новой Англии и помогла оживить колониальную активность в Западном направлении...»¹³. Рауз даже пытается представить произведения Смита просто как автобиографические¹⁴.

Капитан Джон Смит был сыном фермера из Восточной Англии (Линкольншира), он уже в юности повидал многие страны. Побывал во Франции и Италии, посетил Египет и Левант. Потом участвовал в войне против испанцев в Нидерландах, и в войне против турок в Юго-Восточной Европе. Смит был одним из основателей Лондонской компании¹⁵. За два года (1607—1609 гг.) он обследовал бассейн реки Джеймс и прилегающие районы; экспедиция, которую он возглавлял, открыла реку Йорк; Смит был первым европейцем, проникшим в центральную полосу плато Пидмонт через линию водопадов и, по-видимому, доходил до Голубого Хребта. Позднее он составил первую карту Вирджинии и написал книгу о ней¹⁶. В 1614 г. Смит предпринял путешествие вдоль побережья Новой Англии. В 1616 г. он опубликовал памфлет «Описание Новой

¹⁰ Rowse A. L. Elizabethans and America. London, 1959; Rowse A. L. The Expansion of Elizabethan England. London, 1955.

¹¹ Rowse A. L. Elizabethans..., p. 67.

¹² Ibid., p. 89.

¹³ Rowse A. L. The Expansion of Elizabethan England, p. 231.

¹⁴ Rowse A. L. Elizabethans..., p. 207.

¹⁵ Лондонская компания была создана для колонизации Южной Вирджинии. Подробнее об этой компании см.: Английская буржуазная революция XVII в. М., 1954, т. 1; Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М., 1967.

¹⁶ Более подробные биографические данные о Смите см.: Encyclopedia Britannica, v. 22, p. 173—176.

Англии», который интересен не столько географам, сколько историкам.

Интересную оценку достоверности «Описания» Смита дает Рауз: «...где только возможно проверить его, он кажется достаточно надежным. Что касается остального, то он является писателем по природе...¹⁷». Нас интересует именно это «остальное», о чем Рауз говорит так бегло, а другие историки и вовсе умалчивают. Действительно, Смит был неплохим писателем. Его памфлет написан ярко и убедительно. Описание природных богатств, населения, географического положения Новой Англии сделано очень подробно.

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные только с пропагандой колониальной экспансии. Попытки Смита решить путем колонизации социально-экономические проблемы Англии требуют отдельного рассмотрения.

Буржуазия XVI—XVII вв. рассматривала колонии как важнейшие источники сырья, товаров и возможные рынки сбыта. Джон Смит решает этот вопрос, учитывая те данные, которыми он располагал в результате своих путешествий. В Новой Англии не было золота, разочарования после экспедиций М. Фробишера были еще памятны¹⁸. Смит в отличие от прочих пропагандистов колонизации Америки не делает золото главной приманкой колониальных предприятий, хотя обойти этот вопрос полностью он не мог: «золотая лихорадка» была основана на реальных потребностях страны.

Смит был деловым человеком. И его в первую очередь интересовали реальные сферы приложения капитала и извлечения прибыли, которые могла предоставить Северная Америка. Дж. Смит полагает, что колонии могут явиться источником материала для кораблестроения, и что Северная Америка, в частности Новая Англия, — может стать важнейшей базой для рыбной ловли.

Особенно большое внимание Смит уделяет проблеме сырья и, в первую очередь, материалу для кораблестроения. Островное положение Англии и отсутствие у нее собственных запасов корабельного леса придавали этому вопросу первостепенное значение¹⁹. Поэтому Смит неоднократно пишет о том, какой прекрасный строевой лес может дать Новая Англия. Он ука-

¹⁷ Rowse A. L. Elizabethans..., p. 208.

¹⁸ Подробнее об этом см.: Яброва М. М. Очерки..., с. 65—78.

¹⁹ Нужно отметить, что к началу XVII в. Россия уже не давала необходимого количества леса, канатов, дегтя и т. д., а предстоящие плаванья, продолжающаяся борьба с Испанией, столкновения с Голландией требовали сильного флота.

зывает, что вдоль побережья имеется более 200 островов, заросших «хорошим строевым лесом с деревьями различных сортов»²⁰. Смит считает, что этот лес можно использовать не только для строительства домов, но и для постройки судов. Он сообщает, что к югу от Пенобскота «побережье все гористое, и острова с огромными скалами, но заросшие всеми сортами превосходного леса для строительства домов, лодок, барок и судов»²¹. И в другом месте: в Новой Англии есть «лес всех сортов, чтобы строить лодки, корабли или барки»²². Особенно важно для Смита, что лес из Новой Англии будет гораздо дешевле, чем тот, который покупают в Европе. «Что касается леса, то он встречается в изобилии и всех сортов, в то время как те, кто строят корабли и боты, покупают дерево по такой высокой цене в Англии, Испании, Франции, Италии и Голландии»²³. Кроме леса, в кораблестроении необходимы были смола и деготь, которые также можно было найти в Новой Англии²⁴.

Исключительно большое внимание уделяет Смит рыбному промыслу, который можно организовать у побережья Новой Англии. Можно назвать минимум десять мест в памфлете, где Джон Смит подробно останавливается на выгодах, которые можно получить от занятия этим промыслом. Причем он пропагандирует именно коммерческое рыболовство. В XVII в. большинство пропагандистов начинают понимать, что само рыболовство может принести значительный доход. В этом не последнюю роль сыграл пример Голландии. Смит, видимо, предпочел сравнения, к которым он неоднократно прибегает. Он считает, что рыболовство может не хуже золотых и серебряных рудников обогатить страну. Для доказательства он сравнивает Испанию и Голландию и делает вывод: «...никогда не смогут испанцы со всеми их золотыми и серебряными рудниками заплатить свои долги; их друзья и армия уменьшились наполовину, в то время как голландцы достигли еще большего благодаря презренной (явно в ироническом смысле) торговле рыбой... — это их рудники; и море является источником этих серебряных ручьев, всего их могущества, которое сделало их теперь чудом предприимчивости»²⁵. В другом

²⁰ Smith J. A Description of New-England..., p. 5.

²¹ Ibid., p. 5.

²² Ibid., p. 8.

²³ Ibid., p. 12.

²⁴ Ibid., p. 8, 9.

²⁵ Ibid., p. 6.

месте Смит отмечает: «Сельдь, треска и морской налим — это троица, которая создала богатство и многочисленный флот голландцев, и продолжает это делать и сейчас. От нее, как многие полагают, они ежегодно получают по крайней мере 1,5 млн. фунтов стерлингов...»²⁶. Не менее важным является и тот факт, что рыбу, добытую у берегов Новой Англии, можно быстрее доставить на рынки сбыта, чем от Ньюфаундленда. Смит пишет, что сезон рыбной ловли у Новой Англии по длительности более чем в два раза превышает сезон рыбной ловли у Ньюфаундленда, расположенного севернее: «В марте, апреле, мае и до середины июня в изобилии идет треска; в мае, июне, июле и августе — кефаль и осетр..., в конце августа, сентябре, октябре и ноябре вы опять имеете треску, и каждая сотня является такой хорошей, как две или три сотни на Ньюфаундленде... И вы можете доставить рыбу на любой рынок раньше, чем европейцы получают что-либо от Ньюфаундленда, где их рыбная ловля приходится главным образом лишь на июнь и июль»²⁷.

Новая Англия, по мнению Дж. Смита, могла дать сырье и для недавно возникшей отрасли промышленности — производства шелка. Он неоднократно указывает на наличие шелковичных деревьев и отмечает, что в некоторых местах они растут целыми рощами. «На западе (залива Пеннобскот) расположен остров в длину две или три лиги, наполовину заросший сочной травой, пригодной для корма, со многими рощами шелковичных деревьев»²⁸.

Смит не обходит своим вниманием и вопрос о драгоценных металлах и рудниках. «Можно сказать, что серебряных, медных залежей и, возможно, свинца и квасцов много, если сведения достоверны. Я делал много проб согласно тем инструкциям, которые я имел, это убедило меня не терять надежду, что в стране есть металл. Но я не алхимик и не могу обещать больше, чем я знаю...»²⁹. Осторожность эта вполне объясняется недостаточным знанием природных ресурсов страны. Смит указывает, что у него не было возможности внимательно изучить природные богатства Новой Англии: «Так как я был послан, чтобы доставить конкретные товары, а не знания о будущих возможных благах, я не мог заниматься исследованиями, как желал»³⁰.

²⁶ Ibid., p. 7.

²⁷ Ibid., p. 10.

²⁸ Ibid., p. 14, 15, 16.

²⁹ Ibid., p. 12.

³⁰ Ibid., p. 3.

Английскую буржуазию в первую очередь интересовало то, из чего можно было извлечь доходы немедленно. Поэтому Смит старался обращать внимание на все, что могло принести выгоду. Например, он приводит сведения о ягодах, из которых можно изготавливать вино, и что самое главное — их можно выгодно продать: «... (в Новой Англии) можно собирать ежегодно в большом количестве некие красные ягоды, называемые алкермес, которые стоят десять шиллингов фунт, но которые можно продать за сорок и пятьдесят шиллингов за фунт»³¹.

Неоднократно Смит упоминает и пушнину³². Он приводит названия многих пушных зверей, которые водятся в Новой Англии — выдры, куницы, черные лисицы, ондатры и т. д. Количество шкурок этих зверей может «ежегодно составлять 6 или 7 тысяч, и, если препятствовать торговле Франции, много больше. Двадцать пять тысяч шкурок было доставлено в этом году во Францию из этих северных областей. В этой торговле мы можем иметь такую же большую долю, как и Франция, если выберем правильное направление»³³.

Колониальное проникновение всегда сопровождалось угнетением местного населения. Достаточно ярко это проявилось и при колонизации Америки. Все пропагандисты предлагают свои методы подчинения местных жителей. Не является исключением и Дж. Смит. Отношения с местным населением у него складывались далеко не всегда мирно³⁴. И это при том, что он отмечает благожелательность индейцев. Смит пишет, что местных жителей можно использовать в рыболовстве, кораблестроении, на лесозаготовках и вообще на всех работах, которые будут обслуживать потребности колонизаторов. Чтобы заставить индейцев работать, он откровенно предлагает применять силу. «И если они будут ленивы (как может случиться), то 30 или 40 хороших людей (имеются в виду англичане) будет достаточно, чтобы подчинить их и создать запас провизии...»³⁵.

Памфлет Смита написан в предреволюционное время, и проблемы, которые стояли тогда перед Англией, нашли в нем непосредственное отражение. Смит защищал интересы буржуазии, в первую очередь городской. Поэтому он адресовал памфлет купцам и горожанам. Это отчетливо видно из обращения к «достойным предпринимателям» Лондона, Бристоля,

³¹ Ibid., p. 11.

³² Ibid., p. 1, 5, 12, 16, 17.

³³ Ibid., p. 12.

³⁴ Ibid., p. 15.

³⁵ Ibid., p. 10.

Экзетера, Плимута, Дартмута и других городов Англии³⁶, а также из текста памфлета.

В «Описании Новой Англии» очень отчетливо проявились истинные цели и методы колониальной экспансии. Экспедиция капитана Смита и описание путешествия послужили пропаганде этой экспансии в Англии начала XVII в. Пропагандистская деятельность Смита была результативной. Этого не могут скрыть даже буржуазные историки, вынужденные признать, что произведения Дж. Смита вызвали интерес у современников, а точнее в кругах торгово-промышленной буржуазии.

³⁶ Ibid., p. 3.

ТЕКСТЫ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ПРАВО ХАГЕНАУ [1164 г.]

...Фридрих, божьим благоволением Римский император. В Страсбургском епископстве (in episcopatu Argentiniensi) в городе, который называется Хагенове (in villa ... Hagenowe), каковой был основан нашим отцом, герцогом Фридрихом, и при Генрихе, римском императоре, блистал своим правом, было нам благоугодно, как исходя из соображений права (iuris ratione), так и в целях подкрепления нашей власти, оное право подтвердить. Вот почему... мы приказали записать, что если какой бы то ни было архиепископ, или епископ, герцог или маркграф, граф или иная персона светская или церковная, малая или великая, дерзнет нижеследующее нарушить, то виновный будет подлежать суду императорского величества (impregialis maiestatis).

1. Мы постановляем, чтобы соблюдалось то право названного города и проживающего там народа, согласно которому любой [человек], бедный или богатый, пришлый или местный житель (incola — видимо, житель епископской территории?), если решит жить там, пусть уплатит сеньору, которому он принадлежит (domino cui pertinet), за собственную персону и за свое недвижимое имущество (de rebus suis fixis); за движимое же имущество (de mobilibus) пусть уплатит должностному лицу (magistratui) того места (loco — т. е. города Хагенау), куда он переберется. Если же он [переселенец] будет владеть наследственным держанием, обязанным денежным платежом (hereditatem tributariam possideat), то мы не возражаем, чтобы он уплатил причитающийся с него платеж (tributi) в присутствии назначенного для этой цели судьи. Что же касается его личности, если он будет принадлежать какой-либо церкви, пусть уплатит причитающийся с него побор (ius) так, как это следует по обычаю чиншевиков (tributario more).

2. Кроме того, мы согласились (concedimus), чтобы все, кто станут верными жителями этого места (quicumque huius

loci incola fidelis exstiterit), будут свободны от тягостной и принудительной повинности постоя (ad omni exactionis pecunia, ab importuno et contra velle suum hospitandi gravamine), как внутри [города], так и за его пределами, а также от всякого денежного побора [за право постоя].

3. Мы также согласились, что, если кто в этом городе умрет пусть никто (nulli hominem) не присваивает чего-либо из его имущества (de sua possessione), за исключением его сонаследников, если они будут обладать на это правом. Мы постановили также, что если из-за дальности мест, как это часто случается, законные наследники сразу не объявятся, то имущество умершего, в присутствии не менее семи верных [жителей] этого города, должно быть передано в руки судьи на срок в один год и день. Если в течение этого срока кто-либо заявит и докажет свое право наследства на имущество умершего, пусть без всякого препятствия наследует все имущество. Если же в течение указанного срока имущество покойного никем не будет взыскано по праву наследства, пусть оно будет передано во власть судьи (in potestatem iudicis transferatur).

4. Мы утверждаем нашей властью, что каждый житель этого города (omnem ibidem inhabitantem) освобождается от всякой торговой пошлины (ab omni thelonio), от всякой провозной пошлины (ab omni ducatu) за продажу или за перевозку своих товаров (pro rerum suarum) в любом месте нашей империи.

5. Если же кто каким-либо образом нарушит требование вышеназванного права пусть в течение восьми дней после того, как это доподлинно установят, будет лишен всего своего имущества и изгнан из сообщества сограждан (a consorcio ceterorum concivium) за пределы этого города.

6. Далее, если кто до переселения [в этот город] для проживания в нем (ante ingressionis illis permanendi locationem) был обязан долгом¹ и если он будет отыскан кредитором (si a creditore requisitus fuerit), то, хотя он уже и приобщился к правам и привилегиям сообщества горожан (communicato iuris atque consorcii civium privilegio), пусть отвечает согласно закону.

7. Если же какой-либо честный (honestum)² [человек] пожелает приобщиться к этому городскому праву, то, по нашему соизволению, пусть он уплатит только один нумм (nummum

¹ Очевидно, речь идет о тех зависимых людях, которые переселились в город, не выплатив сеньору причитающихся с них повинностей.

² Очевидно, тот, кто сполна уплатил сеньору.

nummum) глашатаю, который объявит его принятым в сообщество горожан, и один нумм согражданам (concivibus) на воск во славу церкви (pro cera in honorem ecclesie).

8. Если кто из проживающих здесь вызовет кого-либо из своих сограждан (suorum civium) по какому-либо обвинению к [чужому] судье за пределы округа вышеупомянутого города, пусть он (т. е. истец) отпустит его, сам же будет обязан уплатить установленному (ordinato)³ судье три фунта (tres libram).

9. Также по щедрости нашей мы предоставляем для пользования здешних жителей близлежащую рошу с таким условием: древесину, необходимую для их нужд, — для строительства или на топливо, — может брать каждый; может там же собирать сено, сколько ему будет необходимо; с тем, однако, ограничением, чтобы никто не налагал руку на дуб или бук, разве что для нужд строительства. Свиней же или каких-либо иных животных, за исключением овец, можно пасти свободно (libere — бесплатно), однако сполна уплатив плату (mercede) пастуху.

10. Нашей императорской властью мы объявляем крепкий мир всем направляющимся на рынок названного места (predicti loci), как входящему, так и уходящему, в пределах трех миль в окружности, как их собственным персонам, так и их товарам; а если кто дерзнет нарушить [этот мир], виновный пусть будет [выдан] нашей власти (reus sit maiestatis).

11. Далее, ни римский император, ни кто-либо из горожан (burgensium) из-за нашего здесь пребывания да не посмеет взыскивать (inquietare) с кого-либо из горожан в городской округе или вне ее зерно, — обмолоченное или необмолоченное, — сено, свежее или сухое, собранное или несобранное, — или какое-либо иное их имущество (quibuscunque rebus)⁴. Мы согласились также распространить это право на окрестности болота, расположенного за пределами городской мили, а также на окрестности госпиталя.

12. Мы постановили, что о нашей юрисдикции в дальнейшем должно быть отмечено следующим образом: во-первых, если здесь [в городе] найден и схвачен какой-либо убийца, смертный приговор должен быть вынесен беспрекословно. Его [убийцы] движимое имущество (mobiles) пусть будет передано в распоряжение судьи (in potestatem iudicis). Вотчина (patrimonium) и [недвижимое] наследство (hereditas) его должны

³ То есть городскому судье, который должен был вести эту тяжбу.

⁴ Речь идет об отмене фуражных сборов.

быть возвращены наследникам согласно законному порядку наследования; если же у него не окажется наследников, [это имущество] должно быть отдано на общую пользу этого города (*in communi predicti loci utilitatem*). Что же касается недвижимой собственности, вотчины или наследства, переданных вышеупомянутым образом в распоряжение судьи, то мы постановили, что если в течение года и дня объявится какой-либо законный наследник и его право наследования будет доказано, пусть он наследует умершему.

13. Если же виновный спасется от смертной казни бегством, то монаршей властью он будет осужден вместе со всеми, кто давал ему приют или оказывал ему какое-либо содействие. Если же после этого тот беглец вернется сюда, убежденный в своей невинности, то мы разрешаем семерым верным [жителям] этого города, поклявшись собственной рукой, доказать истинность его невинности, таким образом, что, если он самого факта [убийства] не отрицает, но докажет, что не он был зачинщиком столкновения со своим противником, то пусть не будет лишен своего имущества, но был бы восстановлен незапятнанным, как и прежде, в сообществе прочих [сограждан].

14. Если кто будет ранен кем-либо, но останется жив, однако будет покалечен, виновный пусть лишится руки и будет изгнан из городского сообщества и за пределы городской территории. Из его движимого имущества 50 шиллингов пусть будет уплачено пострадавшему, прочее же пусть будет передано судье; [недвижимое] же его наследство пусть будет предоставлено его наследникам, ежели таковые окажутся.

15. Далее, если кто будет ранен оружием, но не искалечен (*salva membrorum integritate*), виновный пусть будет лишен руки и, как сказано выше, изгнан из сообщества жителей [города]; за дерзость [своего] преступления он обязан уплатить пострадавшему в присутствии трех горожан. Его движимое имущество должно быть передано судье. О [недвижимом] наследстве решается вышеупомянутым образом.

16. Если кто в безрассудном гневе кого-либо здесь избьет рукой или палкой до крови, виновный, приведенный в суд, обязан уплатить судье [штраф размером] до 30 шиллингов; для удовлетворения же пострадавшего он обязан трижды перед ним отвечать, но не должен быть изгнан за пределы города и лишен своего имущества согласно вышеупомянутому закону.

17. Если горожанин (*civis*) вызовет [другого] горожанина в суд за долги, пусть судья предпишет истцу и должнику прийти к соглашению в течение восьми дней: по истечении этих

дней, если ответчик не удовлетворит истца, пусть он уплатит судье 12 пуммов, истцу же — шесть пуммов [в качестве штрафа].

18. Если горожанин по той же причине вызовет в суд чужак (*hospes*), мы разрешаем ему [горожанину] прибыть [на судебное заседание] на следующий день [после вызова,] ввиду возможных задержек в пути (*propter transeuntis impedimenta*). Если же случится, что, напротив, горожанин вызовет в суд чужака, он [чужак] может иметь восемь дней отсрочки, или же, если пожелает, может явиться [в суд] на следующий день; мы постановили оставить ему свободу выбора.

19. Если же кто, дав волю своему беспутству, непристойно оскорбит кого-либо из горожан и будет уличен верными этого города и приведен в суд, то он должен отвечать за проступок перед судьей и истцом и в первый раз, и во второй. Если же и в третий раз будет обоснованно изобличен [в том же] и если не будет обладать средствами для возмещения своего проступка⁵, пусть будет изгнан за пределы города босиком и наголо остриженный, дав клятву никогда не возвращаться.

20. Негодная женщина, если она поносила честь и достоинство сограждан, в первый же раз уличенная подобным образом, должна быть изгнана из городской общины (*extra civitatis collegium*) без всякого возражения.

21. Если трактирщик в какой-либо год отдает на продажу через посредника (*per ductile* — через комиссионера?) вино нового урожая, то пусть, пригласив к себе глашатая вместе с приданными ему, как установлено, другими верными [гражданами] этого города, в присутствии судьи разумно определит цену меры или другого количества вина и тем же сосудом (*vasa*) пусть нальет глашатаю от первой карраты вина; судье же в течение четырех дней по обычаю пусть дважды выставит вино той же мерой (*eiusdem mensure*).

22. И так, не меняя установленного порядка [т. е. цены], пусть он продает вино в течение всего года свободно без всяких поборов (*sine omni iuris exigencia*); если же он ранее установленный порядок изменит и захочет продавать то же количество [вина] по более высокой цене, то мы разрешаем установить [новую] цену тем же путем в соответствии с мерой и по разумению судьи и глашатая. Мы приказываем также, чтобы для зерна и для вина соблюдалась страсбургская мера (*mensure Argentinensis*).

⁵ Следует обратить внимание на то, что размеры штрафа в пользу судьи и пострадавшего вообще не указаны.

23. Мы вручаем шультгейсу (sculteto) власть назначать магистров над пекарями (magistratum super panifices), чтобы они продавали хлеб по цене, по весу и по качеству в соответствии с обычаем [городов] Гохвельдена и Свиндерадена. Если же кто-либо в этом их деле (in officio) допустит нарушение раз и другой и будет уличен, он обязан ответить за проступок перед судьей; если же он в третий раз будет уличен верными гражданами этого города в нарушении этого порядка, пусть выпеченный им хлеб будет продан в пользу шультгейса, [а сам он] за свою вину отлучен (separetur) от сообщества прочих [пекарей].

24. Мы разрешаем, чтобы в случае прибытия императора продавцы зерна имели 2 нумма барыша (lucri) с каждого проданного кварталия.

25. Постановляем, чтобы льготный [дополнительный] срок по уплате долга (vadia) и для выкупа залога для императора составлял 6 недель, для горожан же (burgensium) — 15 дней, без ущерба для обусловленного барыша (sine calumpnia lucri)⁶, если же срок истечет и кредитор будет нуждаться в наличной монете (creditor necesse nummorum habuerit), пусть он [кредитор], призвав к себе должника, в присутствии его или в присутствии других достойных людей (probabilium personarum) открыто заявит, что присваивает себе [залог].

26. Мы предписываем, чтобы мясники продавали мясо здоровое и свежее; если же кто-либо из них продает покрытое язвами или каким-либо иным образом испорченное и будет уличен присяжными города (a coniuratis civitatis), пусть будет изгнан за пределы города (extra ville ambitum) сообществом прочих [горожан].

27. Если император прибудет в город (villam), пусть его маршал разместит его людей на постой мирно, без ущерба для горожан.

Перевод с латинского Т. М. Негулевой. Сделан по тексту, опубликованному в книге: Keutgen F. Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte Deutschlands. Berlin, 1901, Bd. 2, N 134.

⁶ Редкое в средневековых документах официальное признание ростовщического процента.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КЁЛЬНСКОГО ЕПИСКОПА ПО ПОВОДУ СПОРА МЕЖДУ БУРГГРАФОМ И ФОГТОМ КЁЛЬНА [1169 г.]¹

Во имя святой и нераздельной троицы. Филипп, божьей споспешествующей милостью архиепископ святой кёльнской церкви. Всем как будущим, так и ныне живущим навечно.

Дабы то, что делается во времени, не сгнуло вместе со временем, должно быть изложено в словах свидетелей и увековечено в письменной записи. Посему мы желаем заявить для всеобщего сведения, что между верными нашими Генрихом фон Арбергом, знатным мужем, бургграфом кёльнским (Henricum virum nobilem de Arberch Burgrafium Coloniensem) и Герхардом фон Эппендорфом, рыцарем, нашим кёльнским фогтом (Gerardum militem de Eppindorp Aduocatum nostrum Coloniensem), в присутствии нас, приоров, и наших верных приближенных возник спор по поводу права суда, который называется wizeht dinc², причем бургграф непоколебимо утверждал и доказывал, что издревле в суде, который называется wizeht dinc, должен председательствовать он один, и один, без вышеуказанного нашего кёльнского фогта имеет право разрушать строения, которые называются vîrgezimbte³; названный же фогт, напротив, настаивал, что это его право разрушать вместе с ним, [бургграфом], названные строения.

Мы же, так как о подобном рода праве нам не было известно, по совету вышеуказанных наших верных, потребовали созвать магистров горожан (magistros civium) и наших кёльнских шеффенов (Scabinos nostros Colonienses), а также официалов Рихтерхеде (officiales de Rigirzegheide), и заставили их поклясться, поскольку права города Кёльна (jura Civitatis Coloniensis) им известны и записаны в их привилегиях (in suis privilegia), что о подобном рода судебном праве они знали и желают, чтобы мы всё уладили. Они же, посоветовавшие между собой, неохотно (juviti) открыли свой ларец, в котором были спрятаны их привилегии, извлекли и показали нам некую привилегию (quoddam privilegium), текст которой, ввиду крайней ветхости (ex nimia vetustate), едва можно было рассмотреть.

¹ Некоторые немецкие ученые пытались оспаривать подлинность документа и относили его составление к нач. XIII в. Но и в этом случае он сохраняет все свое значение. Однако уже Л. Эппен показал неубедительность таких попыток, даже с точки зрения палеографии и сфрагистики.

² По всей вероятности, нечто вроде Совета мудрых.

³ Очевидно, пристроения, нависающие над улицей балконы.

Как мы увидели вместе с нашими приорами, в этой привилегии было сказано, что наш фогт, который назван в той привилегии шультгейсом кельнского архиепископа (*Scoltetus Archiepiscopi Coloniensis*)⁴, должен председательствовать в суде совместно с названным кельнским бургграфом во всех случаях, за исключением суда, который называется *wizzeht dinc*, и суда о наследствах людей, умерших в стенах Кельна, в каковых судах должен председательствовать только бургграф, и только он должен принимать поступающие по этим делам жалобы.

Также в той привилегии было сказано, что бургграф вместе с нами держит от империи судебный банн, в каковом банне содержится сила столь значительная, что он, как и мы, может объявлять кого-либо вне закона, а также может лиц, объявленных им вне закона, восстанавливать в том их статусе (*in jus suum*), в каковом они пребывали раньше.

Также в той привилегии было сказано, что наши кельнские граждане (*Ciues nostri Colonienses*) получили от наших предшественников — архиепископов такую вольность, что ни мы, ни наши преемники, ни бургграф, ни его преемники не можем по какому-либо поводу, в соответствии с указанным банном, призывать их к суду за пределами города Кельна. Далее в той привилегии было сказано, что, когда нам или преемникам нашим придется председательствовать в суде крови (*judicio sanguinis presidere*), наш указанный бургграф должен выполнять обязанности фогта (*Burgavius noster esse debet advocatus*), и если дело дойдет до того, что не избежать открытого сражения, сам бургграф в соответствии со своим банном без участия фогта проведет судебный поединок; и в круге, который называется *wagi*⁵, должен разъезжать всадник для наблюдения за кругом и для сдерживания напора народа, дабы не мешали сражающимся. И чтобы нам не навлечь на себя позора судом крови, мы и наши преемники должны предупредить бургграфа и наших шеффенов, чтобы они усердно заботились, дабы не был нанесен ущерб ни истцу, ни ответчику. Также в упомянутой привилегии было сказано, что, если в делах, относящихся к суду крови, возникших между кельнскими гражданами и возбужденных перед нами или нашими преемниками в пределах города Кельна, произойдет примирение по дружеской договоренности, то из суммы причитающегося

⁴ Шультгейс — управляющий поместьями сеньора; в ранних городских хартиях — городской сеньориальный судья.

⁵ Круглая площадка для судебного поединка.

со сторон судебного побора мы получим три части, а бургграф, в соответствии со своим банном, — четвертую часть.

Также было сказано в упомянутой привилегии, что доходы от суда, который заседает в нашей епископской курии, бургграф и фогт должны делить поровну, за исключением доходов от суда *Wizzeht dinc* и суда о наследствах, которые признаются относящимися только к ведению бургграфа и его преемников.

Далее в той же привилегии было сказано, что, когда бургграфу придется разрушать постройки, которые называются *vürgezimbge*, он должен выяснить, кто владелец, и если никто не признается, он, бургграф, должен разрушить такие постройки по приговору шеффенов (*per sententiam Scabini*), а обломки приказать перенести под свою охрану. Если же кто сознается, что это его постройка, она все равно должна быть сломана, а ее владелец повинен уплатить бургграфу 60 солидов, каковые должен вручить ему до захода солнца, а если не уплатит, подвергнется двойной пене; если же по этому поводу обратится с жалобой к нам или к преемникам нашим, мы принудим виновного к уплате карающей властью церкви (*per sententiam ecclesiasticam*).

Далее в той же привилегии было сказано, что если у кельнского шеффена бургграф затребует его мнение по какому бы то ни было делу, он должен вынести свое суждение немедленно или в течение трех дней, в противном случае он повинен уплатить бургграфу 60 солидов, каковые он должен вручить ему прежде чем сядет солнце, если же шеффен не пожелает уплатить, а бургграф подобным же образом обратится к нам с жалобой, мы принудим виновного уплатить карающей властью церкви.

Далее в той же привилегии было сказано, что от кельнской церкви бургграфу и его преемникам принадлежит право допускать в скабинат, коллегию шеффенов, избранных предшествующими шеффенами (*in sede scabinatus locare Scabinos a Scabinis electos*), при этом бургграф должен заранее предусмотреть, позаботиться и тщательно следить за тем, чтобы шеффены, каковых он должен допустить, не были горбатыми, согбенными, одноглазыми, хромыми, глухими, зайками, паралитиками или отмеченными каким-либо другим физическим пороком, убийцами или клятвопреступниками, или когда-то объявленными вне закона, или ростовщиками, или избранными на должность шеффенов с помощью денег (*mediante pecunia... electi*)⁶. Таковых лиц бургграф должен отводить и

⁶ То есть путем подкуна.

ником образом не допускать в скабинат, как равным образом в нем не должно быть лиц, которые были бы моложе 24 лет. Далее в той же привилегии было сказано, что бурграф и его преемники имеют право взимать с каждого шеффена, допущенного в скабинат, одну марку кельнских денариев⁷ и один мальтер⁸ овса, каковые он должен уплатить до захода солнца, а если не захочет платить и указанный бурграф или его преемники подадут жалобу на него нам или нашим преемникам, мы принудим его к уплате карающей властью церкви.

Далее в той же привилегии было сказано, что от кельнской церкви бурграф и его преемники обладают правом в пределах диоцеза (церковной области) обеспечивать безопасность евреев, желающих выехать или въехать в него, за что община кельнских евреев должна во все времена уплачивать ему или его преемникам ежегодно в праздник блаженного Мартина 10 марок кельнских денариев и 6 фунтов перца⁹.

Далее в той же привилегии было сказано, что издревле от кельнской церкви бурграф и его преемники обладают правом каждый раз, когда нам или преемникам нашим случится менять изображение на кельнской монете, получать одну марку новых денег, каковую вручит сам магистр нашей монеты. Далее в той же привилегии было сказано, что бурграф и его преемники издревле владеют по праву наследственного феода (*iure hereditario... in feodo tenent*) старыми воротами цитадели города (*municipionis Civitatis*), которая когда-то называлась Агриппина (*Agrippina*)¹⁰, каковые ворота находятся напротив часовни святого Апра. Далее в той же привилегии было сказано, что бурграф и его преемники вместе с шеффенами (*una cum scabinis*) должны пользоваться всеми доходами и услугами (*omni iure et servitio*), каковые по обычаю им должны предоставлять магистры шеффенов и горожан Кельна (*a magistris scabinorum et Civium Coloniensium*). Далее в той же привилегии было сказано, что наши кельнские граждане (*Cives nostri Colonienses*) от наших предшественников и кельнской церкви издревле имеют вольность: когда им случится со своими товарами (*cum rebus suis*) приехать к местам, где находятся наши заставы (*thelonia postra*), то они не дают совершенно никакой пошлины (*nullum... thelonium*).

⁷ В XII в. марка обычно содержала 144 кельнских денария.

⁸ Мальтер равнялся 16-ти четвертям.

⁹ То есть провозная пошлина за безопасность передвижения.

¹⁰ Старая римская *civitas*.

И так как названная привилегия, в которой было записано все то, что изложено выше, почти совершенно истлела из-за крайней древности, изъедена червями, так что с трудом можно разглядеть ее текст, мы, по просьбе как названного бурграфа, так и упомянутых наших кельнских шеффенов, обновили (*republicavit*) названную древнюю привилегию, записав ее ныне. Дабы в будущем между упомянутым бурграфом и его преемниками, с одной стороны, и нашими кельнскими фогтами, какие будут в зависимости от обстоятельств, с другой, не возникло спора относительно права суда, который называется *Wizzeht dinc*; а также чтобы ни нами, ни нашими преемниками, ни кем бы то ни было еще, не могли быть нарушены или подвергнуты сомнению права бурграфа и свобода наших кельнских граждан (*libertas Civium nostrorum Coloniensium*), мы подписали настоящую грамоту и с согласия нашего кельнского капитула приказали скрепить печатью покровителя нашего, святого Петра, а также подкрепить нашей печатью.

Этой обновленной грамоты свидетели суть: Адольф, старший декан и архидьякон. Иоганн, епископский викарый (*chohieriscopus*). Магистр Рудольф, старший учитель кельнской церкви. Верные наши: Годфрид, герцог Брабантский. Филипп, граф Фландрский. Теодорих, граф Клевский. Отгон, граф Гельдернский. Вильгельм, граф Юлихский. Герард, граф Арский. Теодорих, граф Гохштаденский. Генрих, граф Сейнский. Энгильберт, граф Монский, а также Генрих Вольмутштейн, министр нашей церкви. Кельнские горожане: Карл с Рингассе (*in Ringazin*). Теодорих с Моленгассе. Людвиг с Мюнберслог. Рихольф Парфузе. Генрих *ratio* [Выгода?]. Маркманн Вифильрюзе. Герард Унмазе, наш сборщик податей, и другие шеффены Кельна. Иоганн, наш нотариус, и многие другие, мужи честные и достойные (*viri probi et honesti*).

Записано и датировано в нашем кельнском дворце рукой Ульриха, нашего капеллана. В год от воплощения господня 1169, в мае месяце. В царствование светлейшего Римского императора Фридриха.

Перевод с латинского Л. И. Солодковой. Сделан по тексту, опубликованному в книге: *Quellen zur Geschichte der Stadt Köln/Hrsg. v. L. Ennen und G. Eckertz. Köln. 1860, Bd. 1, N 76.*

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Стам С. М.* (Саратов). О ленинской концепции простого товарного производства и его роли в подготовке капитализма 3
- Карпачева М. Е.* (Саратов). Освободительная борьба в Каркассоне XIII века 21
- Яброва М. М.* (Саратов). Зачаточные формы капиталистического производства в Лондоне XIV — первой половины XV века 36
- Сергеева Л. П.* (Ленинград). Ганзейская торговля и политика Англии в XIV веке 51
- Илларионов С. А.* (Днепропетровск). К истории торговых связей Кёльна с Италией в XIV—XV веках 62
- Девятайкина Н. И.* (Саратов). Свобода и уединение в этике Петрарки (по трактату «Об уединенной жизни») 71
- Дорофеева Л. В.* (Южно-Сахалинск). Критика двора первых Тюдоров в творчестве Джона Скелтона 83
- Никулина Т. С.* (Куйбышев). Зарождение новых форм производства в лобекском ремесле второй половины XV — первой половины XVI века 104
- Трофимова О. В.* (Ярославль). Борьба религиозно-политических группировок в Ларошели в начале гражданских войн XVI века 114

СООБЩЕНИЯ

- Солодкова Л. И.* (Саратов). К истории городского права средневекового Кёльна 127
- Галямичев А. Н.* (Саратов). Программа и деятельность таборитов в освещении Бецольда 132
- Моболкина Т. В.* (Саратов). Пропаганда колониальной экспансии в Англии начала XVII века (памфлет Дж. Смита «Описание Новой Англии») 140

ТЕКСТЫ

- Средневековое право Хагенау (1164 г.). Перевод с латинского *Т. М. Негуляевой* (Саратов) 149
- Постановление Кёльнского епископа по поводу спора между бургграфом и фогтом Кёльна (1169 г.). Перевод с латинского *Л. И. Солодковой* (Саратов) 155

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

МЕЖВУЗОВСКИЙ НАУЧНЫЙ СБОРНИК

Выпуск седьмой

Экономическое развитие и социальная борьба
в городах Англии, Франции, Италии, Германии
XII—XVII веков

ИБ № 1267

Редактор И. М. Овчарова
Обложка художника П. И. Карчевского
Технический редактор Л. В. Агальцова
Корректор Т. В. Мокроусова

Сдано в набор 9.04.82. Подписано к печати 19.09.83. ИГ53335. Формат 60×84^{1/16}.
Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л.
9,30(10). Уч.-изд. л. 9,8. Тираж 1000. Заказ 175. Цена 1 р.
Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42.
Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии
и книжной торговли Саратовского облисполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

1 p.

ИЗДАТЕЛЬСТВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1983